

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. ШАТАЛОВА»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Серия «Языкознание»
Выпуск 19(45)*

Горловка
2025

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д-р филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор),
д-р филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор),
д-р филол. н., доц. Александрова И. В., д-р пед. н., проф. Алфимов В. Н.,
д-р пед. н., проф. Алфимов Д. В., д-р филол. н., проф. Борисова Л. М.,
д-р филол. н., д-р пед. н. Ворожбитова А. А., д-р филол. н., проф. Герасименко И. А.,
д-р филол. н., проф. Денисов В. Д., д-р филол. н., проф. Дербенёва Л. В.,
д-р филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л., д-р филол. н., доц. Иванова Н. П.,
д-р филол. н., проф. Калинин В. М., д-р филол. н., доц. Калус И. В.,
д-р филол. н., доц. Карпий С. В., д-р филол. н., доц. Курьянов С. О.,
д-р филол. н., проф. Минералова И. Г., д-р филол. н., проф. Петров А. В.,
д-р филол. н., проф. Петрова Л. А., д-р филол. н., доц. Соснина Л. В.,
д-р филол. н., доц. Шаталова О. В., канд. филол. н., доц. Вострецова В. А.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет
им. В. Шаталова»
(протокол № 13 от 27.06.2025)*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» Министерства просвещения Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

С 05.02.2025 г. сборник включён в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (К.2).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.; обновлённый договор № 106-06/2024 от 05.06.2024 г.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «Донецкий
В76 государственный педагогический университет им. В. Шаталова» ;
Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 19(45). Серия «Языкознание». –
Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – 128 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

**УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0**

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова» 2025

УДК 37.048.45

ORCID 0000-0002-8018-8650

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-3-14

«ПУТЕШЕСТВИЕ СЛОВА ПО СЛОВАРЯМ» КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОВЕДЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКЦИИ «ГОВОРИ ПО-РУССКИ ПРАВИЛЬНО»

Дмитриева Юлия Леонидовна
доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и общего языкознания
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова»
(Горловка, РФ)
juls88dmutrieva@yandex.ru

Аннотация. Образовательная акция «Говори по-русски правильно» проводится организаторами с целью привлечения внимания участников к необходимости повышения культуры речи, а также углубления знаний о нормах современного русского языка. В число мероприятий акции входят интерактивные лекции и мастер-классы. Они организуются с использованием проектной технологии, этапы которой кратко охарактеризованы в предложенной работе. Однако актуальной в современной методике преподавания русского языка остается методика работы со словом, направленной на расширение знаний о значении слова, его словообразовательных связях и этимологии, парадигматических отношениях. Одной из форм проведения акции было предложено «путешествие слова по словарям». Хотя «путешествие» как образовательный метод или инновационная технология ранее становился объектом описания ученых методистов и педагогов-практиков, однако он не применялся ранее как форма проведения образовательной акции. В статье описан алгоритм (или маршрут) «путешествия», т.е. перечислены те лексикографические источники, с которыми работают организаторы акции. Также здесь приведены примеры уже проведенных мероприятий и намечены перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: педагогическая технология, образовательная акция, мероприятия, проектная технология, слово, «путешествие».

Dmitrieva Julia Leonidovna
Candidate of Philology, Associate professor
Associate professor of the Department of Russian Language and
General Linguistics of
FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University
named after V. Shatalov»
(Gorlovka, Russian Federation)
juls88dmtrieva@yandex.ru

Abstract. The educational campaign Speak Russian Correctly is conducted by the organizers with the aim of drawing participants' attention to the necessity of improving speech culture, as well as deepening their knowledge of the norms of contemporary Russian language. The events in the campaign include interactive lectures and workshops. These are organized using project-based technology, the stages of which are briefly characterized in this work. However, in modern Russian language teaching methodology, the technique of working with words remains relevant, aimed at expanding knowledge about the meaning of words, word formation connections and etymology, and paradigmatic relationships. One of the forms proposed for the campaign is a “word journey through dictionaries”. Although “journey” as an educational method or innovative technology has previously been a subject of description by scholars and educators, it has not been used before as a form of conducting an educational campaign. The article describes the algorithm (or route) of the “journey”, i.e. it lists the lexicographical sources with which the campaign organizers work. It also provides examples of activities already conducted and outlines prospects for future work.

Keywords: pedagogical technology, educational campaign, activities, project-based technology, word, journey.

Для цитирования: Дмитриева Ю.Л. «Путешествие слова по словарям» как одна из форм проведения образовательной акции «Говори по-русски правильно» // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 3-15. DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-3-14.

Образовательная акция «Говори по-русски правильно» проводится с 2016 г. кафедрой русского языка и общего языкознания федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный

педагогический университет им. В. Шаталова», который до апреля 2023 г. именовался государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков». Тогда перед преподавателями стояла задача повышения культуры речи студентов, которые практически не владели нормами современного русского языка, поскольку обучались на украинском языке.

Первые мероприятия акции состояли в отборе «акцентологического» минимума и размещении его на флаерах. Последние раздавались как студентам, так и абитуриентам. Отметим, что акция готовилась исключительно преподавателями кафедры. Материал отбирался как из словарей, так и из «акцентологического» минимума, содержащегося в учебниках по русскому языку для 10-11 классов общеобразовательных школ, а также из рекомендаций по подготовке к сдаче единого государственного экзамена по русскому языку.

За время проведения образовательной акции авторами «были разработаны и проведены интерактивные лекции, направленные на усвоение акцентологических норм и выработку навыка правильной постановки ударения в акцентологически трудных словах, на преодоление употребления в речи слов-паразитов и сленгизмов, на усвоение фразеологического богатства русского языка. Также в рамках акции были разработаны мастер-классы «Говори по-русски с любовью» (его участники формировали навыки построения связного высказывания и умения говорить о том, что любимо ими и что дорого каждому из них) и «Омонимы в нашей речи» (студенты и школьники, принявшие участие, учились различать различные виды омонимов, определяли их признаки и различия, а также целесообразно и уместно употреблять рассматриваемые единицы лексической системы в речи)» [4, с. 74–75].

Сегодня цель образовательной акции – привлечение внимания школьников, студентов и общественности к необходимости повышения культуры речевого общения; повышение уровня знаний о нормах современного русского языка.

В число задач акции включаем следующие:

- 1) продуцировать эффективный механизм распространения информации о нормах современного русского языка в речи;
- 2) повышать интерес к изучению русского языка; формировать и развивать коммуникативную, языковую, культуроведческую компетенции участников акции;
- 3) способствовать реализации их творческих способностей;
- 4) формировать молодёжную интеллектуальную элиту.

Как видим, со временем цель и задачи акции расширились, а к подготовке и проведению мероприятий подключились студенты факультета славистики федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (далее – ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова»), которые стремились как углублять свои знания в сфере норм современного русского языка, так и формировать умения и навыки работы со школьниками, а также подготовки внеурочных образовательных мероприятий.

Подготовка и проведение мероприятий акции строится на основе проектной педагогической технологии. Под педагогической технологией понимаем «упорядоченную совокупность действий, операций и процедур, инструментально обеспечивающих достижение прогнозируемого результата в изменяющихся условиях образовательного процесса» [11, с. 41–42]. Это одна из эффективных личностно-ориентированных технологий обучения в малых группах. Анализируя метод проектов и выделяя его достоинства, В.С. Кукушин отмечает, что учитель может «подсказать новые источники информации, а может просто направить мысль учеников в нужном направлении для самостоятельного поиска, стимулировать интерес детей к определенным проблемам, предполагающим владение определенной суммой знаний, и через проектную деятельность, предусматривающую решение одной или целого ряда проблем, показать практическое применение полученных знаний» [8, с. 231]. Так, именно интерес студентов к тому или иному аспекту является источником идей при разработке мероприятий акции. Кроме того, изучение норм современного русского языка и углубление получаемых знаний основывается на информации, которую коллектив организаторов акции «Говори по-русски правильно» получает в ходе освоения предметных курсов.

Например, при переходе на дистанционный формат взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса студенты предложили разработать материалы интерактивной лекции «Сетевой этикет», которая должна была помочь как организаторам из числа обучающихся факультета славистики ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», так и участникам акции приобрести необходимые знания и сформировать умения и навыки в сфере опосредованного техническими средствами общения и взаимодействия как друг с другом, так и с преподавателями и деканатом.

Преимущества применения проектной технологии состоят, на наш взгляд, в том, что она позволяет обучить студентов,

будущих педагогов, самостоятельно мыслить критически. Рассматриваемая педагогическая технология способствует развитию навыков анализа информации по заданной теме, обоснованного вывода и аргументированного выбора как иллюстративных материалов, так и теоретических положений. Кроме того, работа над проектом помогает сформировать навыки взаимодействия в коллективе, что является важным аспектом подготовки к будущей профессиональной деятельности.

Также важно представлять конечную цель реализуемого проекта. Отметим, что формулирование этой цели также значимо для студентов. Если на начальных этапах работы над мероприятиями акции цель формулировал преподаватель, то сегодня команда самостоятельно может определять не только тематику новых интерактивных лекций или мастер-классов, но и формулировать цель предлагаемых мероприятий.

Педагоги и методисты констатируют успешность применения данной технологии именно в аудиторной работе, однако она хорошо зарекомендовала себя и при подготовке мероприятий образовательной акции, т.е. во внеурочной деятельности.

Команда акции «Говори по-русски правильно» работает по следующему алгоритму:

- определение проблемы (например, необходимость проработки «акцентологически трудных» слов);
- формулировка целей и задач мероприятия (для интерактивной лекции «В лабиринте акцентологии» мы ставили перед собой цель – рассмотрение основных норм постановки правил ударения в именах существительных, именах прилагательных и глаголах. В числе основных задач были следующие: а) в доступной форме ознакомить участников с базовыми правилами постановки ударения в именах существительных, именах прилагательных, глаголах; б) закрепить полученные знания с помощью акцентологических практикумов; в) формировать навыки постановки ударения в «акцентологически трудных» словах);
- сбор теоретического и эмпирического материала (подбор не только правил постановки ударения в выбранных частях речи, но и соответствующих упражнений для закрепления материала, а также учебного видеоконтента и/или аудиоматериалов);
- обсуждение методов предстоящей деятельности (систематизация выбранного, обсуждение методов подачи нового материала и его первичного закрепления, а также рефлексии; формирование сценария лекции и сопровождающих ее аудио- и визуальных материалов; распределение ролей);
- проведение мероприятия акции (проведение интерактивной лекции как в аудитории, так и с использованием технических

средств организации дистанционного взаимодействия участников образовательной акции);

– выводы (определение того, достигнута ли цель и выполнены ли поставленные задачи, какие из методов были применены целесообразно, а какие – нет, нуждаются ли в корректировке теоретические положения лекции и практические задания и т.п.).

«Суть проектной деятельности не сводится только ко взаимодействию педагога и обучающихся, но состоит в погружении студентов в решаемую проблему, подготовке к будущей профессиональной деятельности» [5, с. 13].

Однако не только проведение интерактивных лекций и мастер-классов является целесообразным при реализации образовательной акции. Сегодня одним из важных аспектов как подготовки будущих учителей, так и учащихся общеобразовательных учреждений является пополнение словарного запаса и формирование умения работать со словарями разных типов. Особенно это актуально в условиях дистанционного обучения, когда коммуникация минимизируется, а субъекты учебно-воспитательного процесса чаще взаимодействуют не друг с другом, а с гаджетом.

Так, нами была предложена новая форма проведения акции – «путешествие слова по словарям».

Цель статьи – описание «путешествия слова по словарям» как одной из форм проведения образовательной акции «Говори по-русски правильно». Она, с одной стороны, способствует улучшению навыков работы со словарем студентов и готовит их к будущей профессиональной деятельности, а с другой, позволяет познакомить с лексикографическими изданиями участников акции и расширить их знания о предлагаемых словах.

Отметим, что «путешествие» (или «образовательное путешествие») не является новой формой работы. В педагогике, согласно работам Е.Н. Коробковой, впервые о нем заговорили на рубеже XIX–XX веков. Создателем такого метода, в определении Е.Н. Коробковой, называют И.М. Гревса, который определял «образовательные путешествия» как «непосредственное соприкосновение человека с миром в результате активного знакомства с ним» [6, с. 181]. Если первоначально путешествие подразумевало именно поездку в то или иное место, к памятнику материальной культуры народа или для освоения заданных географических умений и навыков, то со временем его понимание трансформируется. Ср.: «Это есть путешествие в стране духа, в мире человеческой культуры, в течение которого деятельность человека приобретает все более характер творческого призвания, а круг его общения последовательно расширяется, вбирая в себя в пределе не

только все нынешнее поколение в его настоящей творческой борьбе, но и прошлое и даже будущее человечество...» [Там же, с. 182].

В современной методике преподавания «путешествие» определяется как «педагогическая технология, позволяющая использовать окружающую среду как средство развития личности в культурно-историческом и социально-личностном аспектах» [10]. Т.В. Никонова и Г.А. Ключева отмечают, что такое путешествие ориентировано не столько «приобретение фактической информации о мире, сколько на освоение социального и культурно-исторического опыта человечества» [Там же]. Оно может заключаться как в непосредственной поездке куда-либо, так и в проведении урока-путешествия, т.е. это любой путь обучающихся (или участников акции) к новому знанию, их активная работа «по осмыслению различных понятий и явлений окружающего мира».

Ученые-методисты и учителя-практики указывают на необходимость тщательной подготовки к такой форме работы и разработки «маршрута» путешествия. Кроме того, указывается на то, что «путешествие» все же более оптимально именно для внеурочной / внеаудиторной деятельности. Если же готовить урок-путешествие, то его следует делать заключительным уроком темы либо семестра. Также в методической литературе приводятся профориентационные «путешествия» как эффективные формы работы. Однако «путешествие слова по словарям» не описывается как форма работы ни на занятии, ни вне аудитории.

Отметим, что вопрос об изучении работы над словом был в фокусе внимания исследователей и методистов еще с XIX в. Он поднимался в работах таких ученых, как Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, Д.И. Тихомирова, В.И. Чернышева, К.Д. Ушинского, В.И. Шереметевского и др. Так, именно труды И.Ф. Буслаева оказали значительное влияние на введение в школьный курс изучения лексикологии. Исследователь считал, что именно знакомство учащихся с значением слова позволит им осознанно отбирать те или иные лексические единицы в процессе речемыслительной деятельности. Он же ввел в практику преподавания рассмотрение онимов, архаизмов и диалектизмов, заимствованных вербальных знаков.

К.Д. Ушинский подчеркивает значимость работы со словарем на начальном этапе изучения русского языка, рассматривая творческие задания по расширению словарного запаса как подготовку учащихся к освоению правил орфографии. Эти упражнения не только развивают способность правильно использовать слова в речи, но и помогают обучающимся

осознать значение тех слов, которые они бессознательно знают. Соответственно, знание толкования лексем способствует не только формированию навыков в сфере правописания, но и повышает уровень речевой культуры.

Однако не только знание значения слова важно в процессе овладения русским языком, целесообразно также обращение к этимологии слова. Так, Д.И. Тихомиров акцентировал внимание на необходимости также рассматривать родство слов, знакомиться «с семейством слов от одного общего корня» [9, с. 277].

Соответственно, отталкиваясь от точки зрения ученых, мы при составлении «маршрута» «путешествия слова по словарям» брали в первую очередь толковый словарь, этимологический (или историко-этимологический словарь), а также словообразовательный словарь.

Однако в фокус нашего внимания также попадали словари антонимов и синонимов, словари паронимов и заимствованных слов.

Считая, что каждое слово не просто номинирует тот или иной феномен онтологического мира, но и обладает способностью транслировать культуру этноса, мы также обращались к лингвокультурологическим, лингвострановедческим словарям, а также этнолингвистическим лексикографическим изданиям.

При очном формате проведения акция проходила в кабинете славянских и английского языков, расположенном на факультете славистики ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова»: студенты искали выбранное слово в словарях, выделяя его специально подготовленными разделителями. При этом они знакомились с особенностями словарной статьи, условными сокращениями, пометами, характерными для выбранного типа словаря.

При проведении «путешествия» участники акции узнавали информацию как о слове, так и о представленных в фондах кабинета изданиях, с которыми можно и нужно работать при освоении курсов современного русского языка (например, «Современный русский язык (Лексикология)», «Современный русский язык (Морфемика и словообразование)», «Современный русский язык (Морфология)» и т.д.).

В рамках дистанционного формата взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса «путешествие» готовится в форме слайд-презентации и выкладывается в телеграмм-канале «Русский язык для тебя», а также на официальной странице факультета славистики ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова» в социальной сети «ВКонтакте».

Отметим, что при подготовке организаторы используют преимущественно либо отсканированные версии лексикографических изданий, либо размещенные на специальных порталах. В числе таких ресурсов портал «Грамота.ру» и «academic.ru» (Словари и энциклопедии на Академике).

Слова для «путешествия» подбираются в соответствии с тематикой дня, к которому приурочено мероприятие образовательной акции. В качестве примера приведем «Путешествие слова *открытка* по словарям». Данная лексема была выбрана в силу того, что материал был подготовлен и опубликован в канун новогодних праздников.

Так, при обращении к «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова было выявлено значение рассматриваемого слова. Ср.: «Открытка – почтовая карточка для открытого (без конверта) письма; карточка такого формата с художественным изображением» [7].

Анализируемый вербальный знак зафиксирован и словарями синонимов. Ср.: «Открытка – открытое письмо; почтовая карточка (устар.)» [1, с. 305].

Отметим, что при подготовке «путешествия» организаторами были проработаны указанные типы лексикографических изданий, однако информации о слове они содержали мало (либо это было только значение, либо вербальный знак не был зафиксирован, как, например, в словарях антонимов и этимологических изданиях). В силу этого организаторы обратились к словарной статье энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в которой была дана история появления феномена, называемого словом *открытка*. Первоначально это было открытое письмо, появившееся в Австрии. Однако и этих данных оказалось недостаточно.

Это обусловило также обращение к публикациям в специализированных изданиях, а именно: Арапова Н.С. Открытка // Русский язык в школе и дома. 2002. № 5. Из статьи стало известно об особенностях функционирования вербального знака в речи носителей языка, а также приводились примеры открытых писем. Данный материал был использован в «путешествии», поскольку дополнял уже существующие сведения о слове и расширял представление о называемом им феномене онтологического мира.

Другим примером является «Путешествие слова *семья* по словарям». Данная лексема была выбрана для рассмотрения в Год семьи. По выработанному алгоритму организаторы сначала обратились к толковому словарю русского языка, установив, что описываемый вербальный знак имеет несколько значений.

Ср.: «Семья – 1. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе. 2. кого или какая. Группа людей, сплочённых общей деятельностью, интересами, дружбой. 3. Группа животных, состоящая из самца, самки (самок) и детенышей, живущих вместе. 4. Обособленная группа растений одного вида, произрастающих рядом. 5. Лингв. Группа родственных языков» [7].

Кроме того, в этимологическом словаре значилось, что слово активно употреблялось с древнейших времён. Так, славянское *seŭja* восходит к обозначению территориальной общности (в лексикографическом издании предлагается сравнить значения родственного *сябѣр*, **seŭbrъ* и исходного и.-е. **kei-* «лежать» [13]). Также организаторами был выделен факт употребления древнерусского *seŭmia* также для номинирования «челяди, домочадцев; мужа, жены» [Там же].

Рассматриваемое слово было зафиксировано и в «Новом словообразовательном словаре русского языка для всех, кто хочет быть грамотным» А.Н. Тихонова (см. [12, с. 420]).

Также были перечислены синонимы анализируемого вербального знака. В их числе *смейство*, *смейный*, *смейный круг*; *фамилия*, а также слово *близкие* [1, с. 450].

Наконец, организаторы обратились к словарю фразеологизмов для более полного описания слова *семья*, которое входит в состав таких устойчивых сочетаний, как *жить одной семьёй* («о людях, живущих дружно, в полном согласии, взаимопонимании и единстве») и *работать как одна семья* («о дружной, согласованной и слаженной работе какого-либо коллектива»).

Поскольку мероприятия образовательной акции «Говори по-русски правильно» предполагают интерактивность, организаторами были приведены данные ассоциативного словаря и предложено в комментариях поделиться теми ассоциациями, которые возникают на слово *семья*.

Соответственно, «путешествие слова по словарям» как одна из форм проведения образовательной акции «Говори по-русски правильно» позволяет углубить знания о слове участников и организаторов из числа студентов факультета славистики ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», а также способствует формированию навыков работы с лексикографическими изданиями и представлению результатов этой деятельности. Для будущих учителей этот опыт может быть использован не только во внеурочной деятельности, но и в рамках изучения лексикологии на уроках русского языка в школе. Организация такой деятельности как школьный проект также имеет свои перспективы, поскольку позволит учащимся познакомиться

с фондами школьной библиотеки, а также учиться отбирать верифицированную информацию в сети «Интернет».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М. : Русский язык, 2011. 568 с.
- 2 Арапова Н.С. Открытка // Русский язык в школе и дома. 2002. № 5.
- 3 Воспитание гражданина: Современные контексты и технологии / под научной редакцией В.В. Белкиной, С.Э. Зябревой. Горловка : Издательство ДГПУ им. В. Шаталова ; Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. 255 с.
- 4 Дмитриева Ю.Л. Традиционные и инновационные технологии воспитания гражданина средствами русского языка // Современное образование: состояние, проблемы и перспективы развития : моногр. Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2024. С. 54–79.
- 5 Дмитриева, Ю. Л. «Виват, славица!» (конкурс для школьников, приуроченный ко Дню народного единства) : методические рекомендации. Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2024. 44 с.
- 6 Коробкова Е.Н. Путешествие как образовательный метод // Народное образование : электрон. версия. 2015. №3(1446). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-kak-obrazovatelnyy-metod> (дата обращения: 27.12.2024).
- 7 Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка : электрон. версия. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (дата обращения: 21.12.2024).
- 8 Кукушин В. С. Теория и методика обучения. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 474 с.
- 9 Куринная А.Ф. К вопросу работы над словом в теории и практике обучения языку // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8. С. 277–282.
- 10 Никонова Т.В., Ключева Г.А. «Образовательное путешествие» как инновационная технология профессиональной ориентации школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт» : электрон. версия. 2018. № V10. URL: <http://e-koncept.ru/2018/186093.htm> (дата обращения: 21.12.2024).
- 11 Сластенин В. А. Доминанта деятельности // Народное образование. 1997. №9. С. 41–42.
- 12 Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М. : АСТ, 2014. 639 с.
- 13 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева : электрон. версия.

URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 21.12.2024).

REFERENCES

1. Aleksandrova Z.E. (2011) Slovar' sinonimov russkogo jazyka. Prakticheskij spravochnik [Dictionary of Russian Language Synonyms. Practical Guide]. Moscow: Russian Language, 568 p. (In Russian).
2. Arapova N.S. (2002). Otkrytka [Postcard] in Russkij jazyk v shkole i doma [Russian Language at School and Home]. No. 5. (In Russian).
3. Vospitanie grazhdanina: Sovremennye konteksty i tehnologii [Raising a Citizen: Modern Contexts and Technologies] / edited by V.V. Belkina, S.E. Zyabreva (2024). Gorlovka: Publishing House of DGPU named after V. Shatalov; Yaroslavl: RIO YAGPU, 255 p. (In Russian).
4. Dmutrieva Ju.L. (2024). Tradicionnye i innovacionnye tehnologii vospitanija grazhdanina sredstvami russkogo jazyka [Traditional and Innovative Technologies of Citizen Education Through the Russian Language] in Sovremennoe obrazovanie: sostojanie, problemy i perspektivy razvitija [Modern Education: State, Problems, and Development Prospects]. Petrozavodsk : MCNP «NOVAJa NAUKA», pp. 54–79. (In Russian).
5. Dmutrieva, Ju. L. (2024) «Vivat, slavistika!» (konkurs dlja shkol'nikov, priurochennyj ko Dnju narodnogo edinstva) [“Vivat, Slavic Studies!” (A Contest for Students Timed to the Day of National Unity)]. Gorlovka : Publishing House of DGPU named after V. Shatalov, 44 p. (In Russian).
6. Korobkova E.N. (2015). Puteshestvie kak obrazovatel'nyj metod [Travel as an Educational Method] in Narodnoe obrazovanie [Public Education]. No. 3(1446). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-kak-obrazovatelnyy-metod> (In Russian).
7. Kuznecov S.A. (2011) Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (In Russian).
8. Kukushin V. S. (2005) Teorija i metodika obuchenija [Theory and Methods of Teaching]. Rostov-on-Don: Phoenix, 474 p. (In Russian).
9. Kurinnaja A.F. (2013) K voprosu raboty nad slovom v teorii i praktike obuchenija jazyku [On the Issue of Working with Words in the Theory and Practice of Language Teaching] in Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Relevant Problems of Humanities and Natural Sciences]. No. 8. Pp. 277–282 (In Russian).

10. Nikonova T.V., Kljueva G.A. (2018). «Obrazovatel'noe puteshestvie» kak innovacionnaja tehnologija professional'noj orientacii shkol'nikov ["Educational Journey" as an Innovative Technology for Professional Orientation of Students] in Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"]. No. V10. URL: <http://e-koncept.ru/2018/186093.htm> (In Russian).
11. Slastenin V. A. (1997). Dominanta dejatel'nosti [Dominant Activity] in Narodnoe obrazovanie [Public Education]. No. 9. Pp. 41–42 (In Russian).
12. Tihonov A.N. (2014) Novyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka dlja vseh, kto hochet byt' gramotnym [New Word-Formation Dictionary of the Russian Language for Everyone Who Wants to Be Literate]. Moscow: AST, 639 p. (In Russian).
13. Fasmer M. (2007) Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 tomah ; per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes; translated from German and supplemented by O.N. Trubachev]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (In Russian).

УДК 81'373.2: 811.161.1:130.2

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8440-7806>

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-15-29

ОНОМАСТИКОН ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Дьякова Татьяна Алексеевна

доктор филологических наук, доцент

доцент кафедры русской филологии и социально-
гуманитарных дисциплин

ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры
и искусств имени Михаила Матусовского»

(г. Луганск, Россия)

diako122@rambler.ru

Аннотация. Как культурологический феномен рассматривается совокупность имен собственных, которые использованы в произведениях М. Матусовского. Выделены несколько групп онимной лексики: антропонимы, различные группы топонимов, наименования транспортных средств, прагматонимы, названия произведений литературы. Проанализированы культурологические и стилистические функции онимной лексики.

Ключевые слова: оним, топоним, антропоним, художественный текст, лирический герой, исторический колорит, локальный колорит.

Diakova Tatyana Alekseevna

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Russian Philology and Social and
Humanitarian Disciplines of FSBEI HE «Lugansk State Academy
of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky»

(Lugansk, RF)

diako122@rambler.ru

Abstract. The set of proper names used in the works by M. Matusovsky is considered as a cultural phenomenon. Several groups of onymic vocabulary are identified: anthroponyms, various groups of toponyms, names of vehicles, pragmatonyms, titles of literary works. Cultural and stylistic functions of onymic vocabulary are analyzed.

Keywords: onym, toponym, anthroponym, fiction text, lyrical hero, historical colouring, local colouring.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Ономастикон произведений Михаила Матусовского как культурологический феномен // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 16-31. DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-15-29

Одним из направлений развития современного языкознания является ономастика – специальная дисциплина, «изучающая собственные имена, их функционирование в языке и обществе, закономерности их образования, развития и постоянных преобразований» [7, с. 399]. Выделяется раздел ономастики, который называется поэтической ономастикой, объектом её рассмотрения являются имена собственные в художественных текстах. Литературное творчество предполагает, помимо использования различных выразительных средств, обращение к разнообразным группам наименований: от имен персонажей до названий локаций персонажей, представленных всевозможными топонимами, названий произведений искусства и т. д.

Изучение ономастического богатства литературных произведений является актуальным направлением лингвистических исследований, среди изысканий последних лет, с нашей точки зрения, заслуживают внимания несколько работ. Так, анализу ономастического кода произведений Ф. Достоевского посвящена диссертационная работа С. Скуридиной. Исследователь полагает, что «имена собственные, являясь ключевыми элементами автобиографических событий, кодирующими информацию в силу своей хронотопичности, позволяют соотнести время и место произошедшего в жизни каждого индивидуума», а значимость ономастической лексики в творчестве Ф. Достоевского учёный видит в подтверждении текстами его романов, на страницах которых герои размышляют о значении своих имен и фамилий [18, с. 315].

Литературный ономастикон (на материале дилогии А. Чмыхало «Дикая кровь» и «Опальная земля») составила Л. Самотик, включив в словарь антропонимы, топонимы, полученные путем сплошной выборки. Автор отмечает, что «в словарь отобрана лексика, представляющая специфику

анализируемых художественных текстов, ономастикон также играет значительную роль в стилистике диалогии» [16].

С. Бут-Гусаим и И. Потапчук рассматривают национально-культурные особенности ономастикона исторического романа Анатолия Бутевича «Королева не изменяла королю». Описаны отражённые в семантике поэтонимов романа культурные представления, составляющие основу менталитета белорусов XV столетия, рассмотрено отражение в структуре и семантике антропонимов социальной иерархии общества, проведена тематическая классификация периферийных онимов, которые были сопоставлены с современным именословом белорусов [2].

Статья О. Селемёновой посвящена изучению ономастического кода И. Бунина. Резюмируя результаты исследования, лингвист отмечает, что ономастический код прозы и поэзии писателя в основном исследуют с позиций литературной ономастики, когнитивной лингвистики, лингвистического краеведения и лингвистики сверхтекста. Используя разные методы (сравнительно-типологический, контекстуальный, концептуальный, историко-генетический, описательный и др.), ученые приходят к одному и тому же выводу: онимы в бунинских произведениях служат средством выражения творческой индивидуальности писателя и способствуют формальной и содержательной организации его литературных текстов [17].

Исследователи ведут работу в различных направлениях: ономастикон произведений русского постмодернизма как проявление непереводимости (А. Палух); лингвосомиотический аспект ономастикона поэтического дискурса В. Полозковой (К. Елистратова); семантика и прагматика онимов в художественном дискурсе Бориса Акунина (М. Давидян); проблема структурирования ономастического пространства художественного текста И. Бродского (М. Худайбердина); автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М. Пришвина (И. Страхон); онимическое пространство исторических романов В. Костылева (Е. Медведкова); ономастикон произведений И. Соколова-Микитова о деревне (И. Малютенко) и др. Как видим, интерес учёных к изучению онимного пространства художественных произведений является непрерывным.

Творчество Михаила Матусовского не становилось предметом исследования в ономастическом ракурсе, кроме двух статей Т. Дьяковой, где рассматриваются функционально-стилистические аспекты использования иноязычных топонимов в художественных текстах [6] и онимы-варваризмы как органичный компонент и стилистическое средство идиолекта

М. Матусовского на примере иноязычных экклезионимов, антропонимов, наименований памятников архитектуры, музеев [5].

Анализируя далее совокупность собственных имён различных типов, использованных в произведениях Михаила Матусовского, будем говорить об ономастике писателя, имея в виду список любых имён собственных, составленный для разных категорий онимов [15, с. 98].

Проза и поэзия М. Матусовского тесно сопряжены с его биографией, в творчестве поэта использованы онимы, связанные с жизнью в мирное, военное время: антропонимы, топонимы различных групп и др. В текстах имена собственные соотнесены с реальной действительностью, они «являются ценнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности и образуют своеобразное ономастическое пространство» [19, с. 134]. Поэт называет подлинные имена, редким исключением стали вымышленные антропонимы, топонимы других авторов, например выдуманный приморский город Зурбаган из произведений Александра Грина.

Цель работы – проанализировать отдельные группы онимов из поэтических произведений Михаила Матусовского. Объектом изучения стала онимная лексика, предметом – культурологический потенциал, цели и особенности её использования. Материалом послужили избранные произведения писателя [11], [12]. Учитывая регламент, иллюстративный материал представим наиболее выразительными примерами. При воспроизведении в работе онимов придерживаемся писательского словоупотребления (например, упоминание в одних случаях имён и фамилий, в других – только имён), при цитировании – сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию.

Выборка онимной лексики составляет около 500 единиц, которые мы полагаем целесообразным разделить на следующие группы.

1. Антропонимы (общее количество около 200 наименований). В массиве антропонимных единиц выделяются имена:

1) писателей разных временных периодов и стран: Абовян (армянский поэт Хачатур Абовян – Т. Д.), Назым Хикмет, Блок, Уитмен, Маяковский, Борис Горбатов, Сеня Гудзенко (советский поэт 1940–50 гг. – Т. Д.), Джалиль, Гайдар, Боккачио, Гомер, Софокл;

2) композиторов, музыкантов, актёров: Бетховен, Леонид Коган, Самойлова Таня, Джина Лолобриджида;

3) мастеров изобразительного искусства: Феофан Грек, Рерих, Конёнков;

4) исторических личностей: князь Игорь, Ворошилов, Ленин, Котовский, Крупп;

5) героев литературных произведений: Адам, Эдип, Антигона, Кола [Кола Брюньон – Т. Д.];

6) современников поэта, которые стали персонажами его произведений: Соломон Палант (домовладелец, у которого семья поэта снимала жильё), Макар Мазай (сталевар Мариупольского металлургического завода имени Ильича), Олег Кошевой (член подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия»), Ашот Налбандян (председатель армянского колхоза, где неоднократно бывал Матусовский), Тогон Санжиев, Семён Номоконов (легендарные снайперы периода Великой Отечественной войны), Берзарин [Николай Берзарин – первый комендант Берлина в 1945 г.];

7) использованные в эпитафиях и посвящениях (К. Симонов, Зоя Константиновна Бажанова, П. Антокольский, Е. М. [Евгения Матусовская, супруга поэта – Т. Д.], В. Гормин [музеевед, краевед, коллекционер, писатель, фронтовик из Нижнего Новгорода – Т. Д.].

2. Теонимы (Стрибог, Зевс, Дионисий).

3. Топонимы (общее количество около 300 наименований), среди которых:

1) кратонимы (Россия, Армения, Япония, Алжир, Индия, Гвинея);

2) ойконимы: а) астионимы (Москва, Ленинград, Луганск, Ростов-на-Дону, Смоленск, Царицын, Краснодар, Сталинград, Берлин, Прага, Стамбул и др.); б) комонимы (Чириково, Яжелбицы, Крестцы, Раменская – станица, Долгие Бороды, Мокрый Остров и др.);

3) урбанонимы: луганские улицы Казанская, Петроградская; луганский переулок Полтавский; московская улица Мясницкая; берлинская – Берзаринштрассе; порт Абиджанский в Кот-д'Ивуаре; Ленинградское шоссе в Москве; Бранденбургские ворота в Берлине, Никитские – в Москве; Курский, Северный вокзалы в Москве;

4) гидронимы: а) потамонимы (Волга, Дон, Донец, Урал, Влтава, Пола, Полометь, Ловать, Шелонь); б) пелагонимы (Средиземное море, Азовское море, Черное море); в) лимнонимы (Ильмень, Валдай); г) гелоним (Чертовщина); д) инсулоним (Болеарские острова);

1) астронимы: Сатурн, Млечный Путь;

2) хороним: Приднепровье;

- 3) дримоним: роща «Единица»;
- 4) гефироним: Галатский мост в Стамбуле.
4. Наименования транспортных средств:
 - 1) сухопутных: трамвай «Аннушка»;
 - 2) водных: «Россия», «Салют», «Казань», «Стахановец», «Джамбул», «Макар Мазай» – корабли, «Потёмкин» – броненосец;
 - 3) воздушных: ИЛ-105, ТУ-104, «Энола Гей».
5. Прагматонимы: бинокль «Цейс», башмаки «Скороход», папиросы «Беломор», коньяк «Двин».
6. Названия произведений литературы: «Илиада», «Поднятая целина».
7. Наименования печатной продукции: «Правда», «Комсомолка».

Названные группы онимов, указанные в них единицы – далеко не полный перечень использованных в поэтических средствах разного рода имён собственных. Однако их многоплановость свидетельствует о необходимости соответствующих комментариев и пояснений для большинства онимных единиц. Связано, на наш взгляд, это, прежде всего, с тем, что временные и пространственные границы произведений Михаила Матусовского необычайно широки. Мы знакомимся и с античными временами, и Древней Русью, становимся свидетелями событий, происходивших во время Великой Отечественной войны, путешествуем вместе с лирическим героем произведений по бескрайним просторам Родины, попадаем в другие страны; погружаемся в историю, культуру, традициями как своего народа, так и иноземные.

Для литературных произведений характерно наличие вымышленных имён, созданных самими авторами, но Михаил Матусовский использует онимы, «которые наводят на множество ассоциаций и обладают обширным культурным фоном» [19, с. 135]. Далеко не всегда эти ассоциации, события, персонажи, локации понятны современному читателю, знакомящемуся с творчеством поэта через несколько десятилетий после создания поэтических текстов. Онимы в произведениях Михаила Матусовского, как и вообще художественной литературе, выполняют различные функции, среди которых идентификация персонажа или места; создание и поддержание подлинности мира повествования; характеристика персонажа или места; эстетическая; интертекстуальная; мифологическая и др. Полагаем, что целесообразно говорить ещё и о функции познавательной, или информативной. Она особенно наглядно реализована в использовании антропонимов, отдельные примеры использования которых рассмотрим подробнее.

В военное время созданы стихи «Валдайская земля, люблю твой синий взор...», где названо имя Феофана Грека: Валдайская земля, люблю твой синий взор, / И черноту твоих надежно сбитых бревен, / И зеленцу болот, и бледный пар озер, / И луковки церквей, и маковки часовен. // Люблю я твой уклад, что разом стар и нов / На стыке прошлого и будущего века, – / И четкость всех тонов и всех полутонов, / Какие только есть у Феофана Грека [11, с. 87]. Так поэт отсылает читателя к древнерусской культуре и искусству: иконописец, чей талант признавали уже современники, создал множество росписей храмов в Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Переславле-Залесском, Коломне и Москве. Для искусствоведов остаётся нерешённым вопрос: были ли Феофан учителем Андрея Рублёва, но не оспорим весомый вклад выходца из Византии в русское изобразительное искусство.

В заголовках двух произведений, а также в их текстах названо имя турецкого поэта Назыма Хикмета: «Назым Хикмет в Гагре» и «Письмо Хикмету». Оба стихотворения созданы при жизни Хикмета, поэтому обращение к нему можно, с нашей точки зрения, рассматривать как открытое послание коллеге. Н. Хикмет из-за своих коммунистических взглядов преследовался на Родине, смог выехать в Советский Союз и долгие годы, до самой смерти, провёл в СССР [14], поэтому и личная встреча М. Матусовского и Хикмета действительно могла состояться в Гагре: Я встретил в Гагре осенью Хикмета. / Он, кажется, со всеми здесь знаком. / И огненные волосы поэта / И впрямь как пламя на ветру морском. // Вот он идет, плечистый, большелобый, / С открытым и обветренным лицом. / Не стань поэтом, он бы стал, должно быть, / Каменотесом или кузнецом <...> И вдруг, забыв, что собеседник рядом, / И оборвав на полуслове спор, / Невидящим, отсутствующим взглядом / Глядит, глядит в немыслимый простор <...> Так он стоит на выступе открытом, / А волны катятся к его ногам / И дальше, отливая малахитом, / Бегут к анатолийским берегам... [11, с. 184]. В стихотворении создано не только выразительное описание внешности турецкого поэта, но и передана его тоска по Родине, куда вернуться он не мог. Символизируют Родину Хикмета анатолийские берега – топонимное прилагательное анатолийские образовано от названия азиатской части Турции, Анатолия, одной из административных частей (вилайетов) государства.

В «Письме...» лирический герой обращается к своему воображаемому собеседнику, посетив родные для Хикмета места: Здравствуй, старый Стамбул, сколько лет, сколько зим. / Голубая мечеть, в облаках – минарет. / Я бродил по твоим

переулкам, Назым, / Я тебя вспоминал поминутно, Хикмет <...>
Чайки резали волны крылом на лету / И метались над бухтой,
крича вразнойбой. / Этим правом стоять на Галатском мосту /
Я б охотно сейчас поделился с тобой. // В гневной пене легла
за бортом колея. / Пароходных гудков несговорчивый спор. /
Справедливее было б, чтоб ты, а не я, / Заслонившись ладонью,
глядел на Босфор <...> Кроме бакенов бледных, глядевших
нам вслед, / Кроме ливня внезапного с привкусом слез, / Я из
этой поездки, прости мне, Хикмет, / Никаких сувениров тебе не
привез [11, с. 226].

Созданию и поддержанию подлинности мира повествования в «Письме Хикмету» служат использованные в произведении топонимы: астионим Стамбул – название крупнейшего города, экономического, исторического и культурного центра Турции; гидроним Босфор – наименование пролива между Европой и Азией, соединяющего Чёрное и Мраморное моря, его другое название – Константинопольский пролив; гефироним Галатский мост – разводной мост, расположенный в Стамбуле.

В стихотворении «Гималаи», описывая величие гор и их красоту, М. Матусовский упоминает двух мастеров изобразительного искусства: художника Николая Рериха и скульптора Сергея Конёнкова: Горизонт иссиня-светел, / А потом пунцово-ал, – / Видно, прямо в краски эти / Рерих кисти окунал. // Каждый камень поднят дыбом. / Беспорядок здесь такой, / Будто тешет эти глыбы / Сам Коненков в мастерской [11, с. 219]. Известный художник, путешественник, философ Н. Рерих посвятил природе Индии немало полотен. Художник изобрёл свою технику живописи, когда по плотному фону (например, синему или лиловому) он «бросает такие объёмные капли плотного, тоже темперного белого или другого светлого цвета. Это свечение ощущается буквально как физическое проявление его картин» [8], что и нашло отражение в стихотворении. Творческие устремления скульптора С. Конёнкова, которого называли русским Роденом, были связаны с обращением к греческой архаике и народному искусству, работе в твёрдом материале (дерево, камень), гиперболизацией, экспрессивностью формы, повышенной эмоциональностью образного строя [13]. И понятными становятся художественно-изобразительные средства Михаила Матусовского: эпитеты (иссиня-светел, пунцово-ал), сравнения (Будто тешет эти глыбы / Сам Коненков в мастерской), которые навеяны творчеством художника и скульптора.

«Берзаринштрассе» – стихи, посвященные реальной личности, первому советскому коменданту Берлина, Николаю Берзарину: Следов огня здесь нету и в помине, / Развёялся

давно последний дым. / Берзаринштрассе – улица в Берлине. / А я-то знал Берзарина живым <...> Он стал в Берлине первым комендантом / От имени России и Москвы [11, с. 188–189]. Используя художественные средства, автор создаёт не просто портрет современника, а даёт поэтическую характеристику его качеств. Помимо антропонима Берзарин, поэт применяет производный от него урбаноним Берзаринштрассе, погружая нас в реалии послевоенного Берлина, где в честь погибшего коменданта называли станцию метро [9].

Проанализировав стихотворение «Родина трагедии», полагаем возможным говорить о нескольких функциях, которые выполняют в тексте антропонимы-аллюзии: С утра был дождь, но мрамор быстро высох. / И город возвращен к делам своим. / Мы в каменном театре Диониса / В немом благоговении стоим. <...> Как долго здесь страдала Антигона, / Как обреченно царствовал Эдип [11, с. 233]. Во-первых, это функция идентификации описываемого места (Греция), во-вторых – мифологическая и эстетическая, поскольку содержит упоминание и о персонажах античной мифологии, и о героях древнегреческой литературы. Такая насыщенность античными именами не может не активизировать читательский интерес, даже если отсутствуют базовые знания.

В стихотворениях «Моя родословная» и «Семейный альбом» М. Матусовский называет имя человека, который имел отношение к истории семьи Матусовских. В доме Соломона Паланта снимал жильё отец лирического героя произведений, начинающий фотограф: Был дом обложен с двух сторон / Стеной искусственных колонн, / В нем жил богач, старик Палант, / К нему ходили на поклон <...> Часть дома нашей сдал семье, / И в этом варварском жильё / Он разрешил открыть отцу / Для фотоснимков ателье [11, с. 37]; Безлюдным и каменным кажется мир, / Где властвует на три квартала трактир <...> Где вечную польку хрипит граммофон, / Где нужно при встрече отвесить поклон. / Где дал нам жилище и место под солнцем / Квартирохозяин Палант Соломон <...> Лежал он, подавшись из гроба вперед, / И мухи бесстрашно садились на рот. / Так кончился род Соломона Паланта. / Так наш начался исторический род. // Наследник Паланта удался в отца, / С глазами кретина и лбом мудреца, / С лицом, постаревшим от детских пороков, / Рябым от прыщей и сухим, как маца. // Но рядом за голой кирпичной стеной / В прокуренном доме, в семье небольшой / И я родился, Михаил Матусовский, / С отходчивым сердцем, с веселой душой [11, с. 44]. Антропоним является «неотъемлемой частью характеристики литературного персонажа. Имя <...> персонажа

существенно дополняет информацию о нем, которая содержится в описании не только его внешности, поведения, черт характера и т. д., но и его происхождения, социального положения и т. д.» [4, с. 107].

Использованные в произведениях Михаила Матусовского топонимы побуждают обратиться к историко-культурным источникам, чтобы обеспечить понимание художественных текстов. Так, в стихотворениях называются астионимы Царицын и Сталинград: Не иссякала горняцкая сила / трудной порой. / Трижды порода его хоронила / в шахте сырой. // Вёл Ворошилов его на Царицын / шляхом побед. / Стали виски у него серебриться / с памятных лет («Старый шахтёр») [11, с. 139]; Сказал как о чем-то обыденном: «Завтра под утро / Мужчины и жены, которые едут с мужьями, / Пойдут по железной дороге на Митинск – Царицын. / И пусть о подробностях скажет Андрей Охрименко, / Который назначен, чтоб вывезти все из Луганска» («Четыре песни о славном городе Луганске») [10, с. 55]; Отяжелевшие тучи почти что с землею рядом, / глядишь, и как будто чувствуешь, / как они нележки. / Молниями расколото небо над Сталинградом («Гроза под Сталинградом») [11, с. 170]. И если астионим Сталинград, с которым город прославился на весь мир во время битвы с немецко-фашистскими захватчиками, достаточно хорошо известен читателям, то Царицын уже нуждается в пояснениях. Это первое название современного Волгограда, существовавшее с момента основания города в 1589 г. и до 1925 г., когда его изменили на Сталинград (это наименование просуществовало до 1961 г.). Интересна и этимология первого названия города, возникшего в честь реки Царицы, в устье которой он был заложен. А гидроним Царица исследователи выводят либо из тюркского Сары-су ‘красивая вода’, либо связывают с нравом реки. Сейчас, когда Царица полностью пересохла, в это трудно поверить, но современники отмечали невероятно крутой и непредсказуемый ее характер [3].

Поэт использует реальные урбанонимы родного города Луганска, которые существуют и сегодня с теми же или изменёнными названиями: улицы Петроградская (до этого – Петербургская, ныне – Ленина), Казанская (сегодня это улица Карла Маркса), Полтавский переулок: Луганск разделялся на много частей и поселков. / Центральная часть – Петроградская, угол Вокзальной – / Считалась богатой... [10, с. 47]; ...Свернул на Казанскую, выехал к дому ревкома. / Все окна закрыты. Костер догорает у входа, / На нижней ступеньке безмолвно стоит часовой... [10, с. 64]; Опять мои скитанья и прогулки / Сопровождал невнятный гомон дня. / Опять я был в Полтавском

переулке, / Где липы помнят маленьким меня [11, с. 123]. Все эти места теснейшим образом связаны с биографией самого поэта. На Петербургской улице находилось фотоателье Льва Матусовского, отца поэта, на Казанской – городская управа (в наши дни в этом здании расположен музей истории города, где одна из экспозиций посвящена Михаилу Матусовскому). В Полтавском переулке находилась 13-я трудовая школа, в которой учился будущий поэт. Таким образом, использованные урбанонимы выполняют и функцию краеведческую, воспитательную.

Многократно используется в поэтических текстах название одного из исторических мест города Луганска – Острая Могила, поскольку это наименование возвышенности, то полагаем целесообразным отнести это наименование к оронимам. Так, об Острой Могиле М. Матусовский пишет в стихотворениях: В кольце железном город милый. / Он мчит к Луганску своему, / Как будто Острая Могила / Еще в пороховом дыму («Партизан») [10, с. 26]; И над палаткой глухой и унылой / Редко просвищет снаряд. / Парень оставил под Острой Могилой / Первый рабочий отряд («Луганчанин») [10, с. 36]. Оба стихотворения созданы в 30-е гг. прошлого века, когда в памяти луганчан-современников поэта ещё были свежи воспоминания о недавних событиях: Гражданская война не так давно кончилась. Ещё не улёгся, не развеялся её дым. Ещё была свежа земля на холмике в городском сквере, где был похоронен вместе с саблей своей и кожаной фуражкой командир бронепоезда «Большевик», убитый на железнодорожном разъезде осколком снаряда, ещё собирали мальчишки целыми пригоршнями в местах ожесточённых боёв – на Острой Могиле – золотистые, не тронутые ржавчиной гильзы от патронов [12, с. 19]. Острая Могила – курган высотой 198 метров на юго-востоке города, его наивысшая точка. Когда развернулись тяжелые бои с белогвардейскими войсками во время Гражданской войны (конец апреля 1919 г.), организованные красногвардейцами луганчане стояли живой цепью от патронного завода до Острой Могилы (это расстояние около 8 км), передавая патроны из рук в руки. История распорядилась так, что в годы Великой Отечественной войны именно Острая Могила стала одним из укреплённых опорных пунктов гитлеровцев, и вновь в этом месте проявился недюжинный героизм советских воинов [1]. Полагаем, что из-за ландшафтных особенностей места и захоронения там погибших защитников и сложилось его название, ставшее знаковым для истории и культуры не только города Луганска (Ворошиловграда), но и всего Донбасса.

С фронтовой биографией поэта связаны комонимы: Мокрый Остров, Чириково, Едров, Яжелбицы, Крестцы, астионимы:

Духовщина, Волковыск, Столбцы, Борисов, Старая Русса – эти населенные пункты расположены на территории, где во время Великой Отечественной войны проходили тяжёлые бои, где пролегли фронтовые дороги военного корреспондента Михаила Матусовского, служившего на Западном, Северо-Западном, Втором Белорусском фронтах. Каждый из этих ойконимов заслуживает рассмотрения и с точки зрения их функций в художественных произведениях, и роли в создании художественно-выразительных средств.

Таким образом, изучение ономастикона поэтических произведений М. Матусовского позволяет говорить об их многофункциональности, культурологической ценности, возможности использовать поэзию как источник общекультурной, краеведческой информации, средство патриотического, идейного воспитания. Дальнейшее исследование онимной лексики позволит более детально проанализировать группы онимов, их репрезентацию в текстах, создать предпосылки составления словаря онимов Михаила Матусовского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акентьев А. Острая Могила. Мужество и отвага / А. Акентьев [Электронный ресурс] // Свой вариант. 2021 : электронная версия. URL: <https://lib-lg.com/eshchjo/kraevedam/kraevedcheskie-resursy/luganshchina-dokumenty-sobytiya-fakty/istoriya-luganshchiny/6466-ostraya-mogila-muzhestvo-i-otvaga> (дата обращения: 20.12.2024).
2. Бут-Гусаим С. Ф. Ономастикон исторического романа Анатолия Бутевича «Королева не изменяла королю» / С. Ф. Бут-Гусаим, И В. Потапчук // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. №2 (42) : электронная версия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onomastikon-istoricheskogo-romana-anatoliya-butevicha-koroleva-ne-izmenyala-korolyu> (дата обращения: 20.12.2024).
3. Город Царицын (Волгоград) или Царица – происхождение изначального названия // Азбука городов : электронная версия. URL: <https://snegir.org/post/tzarizin-ili-tzaritza-gorod/> (дата обращения: 20.12.2024).
4. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. М. : Изд-во МГУ, 1991. 204 с.
5. Дьякова Т. А. Варваризмы как органичный компонент и стилистическое средство идиолекта Михаила Матусовского / Т. А. Дьякова // Вестник ДонНУ. Серия Д : Филология и психология. 2022. № 2. С. 10–18.

6. Дьякова Т. А. Функционально-стилистические аспекты использования иноязычных топонимов в художественных текстах Михаила Матусовского / Т. А. Дьякова // Филология и человек. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2022. № 2. С. 100–114. DOI 10.14258/filichel(2022)2–07
7. Зиннатуллина Г. Х. Место поэтической ономастики в современном языкознании Г. Х. Зиннатуллина // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 6А. С. 397–403. DOI: 10.34670/AR.2023.15.36.038
8. Ильина Т. Индия в жизни и творчестве Рериха [Электронный ресурс] / Т. Ильина // Николай Рерих. Грани таланта : электронная версия. URL: <https://magisteria.ru/nicholas-roerich/india-in-the-life-and-work-of-roerich?ysclid=m4mijoo03q829776594> (дата обращения: 19.12.2024).
9. Любина Т. Вместо мести – питьевая вода и хлеб: Николай Берзарин, первый комендант послевоенного Берлина / Т. Любина // История. 26.04.2023. : электронная версия. URL: <https://ркрп.рус/2023/04/26/вместо-мести-питьевая-вода-и-хлеб-ни/>
10. Матусовский М. Земля моих отцов – Донбасс : стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. М. : Република, 2011. 304 с.
11. Матусовский М. Избранные произведения : в 2 т. / М. Матусовский. Т. 1 : Стихотворения, поэмы, песни. М. : Худож. лит., 1982. 639 с.
12. Матусовский М. Семейный альбом / М. Матусовский // М. Матусовский. Проза. – Луганск : ООО «Виртуальная реальность», 2011. – С. 7–550.
13. Муратов А. М. Сергей Тимофеевич Конёнков / А. М. Муратов // Большая российская энциклопедия : электронная версия. URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text /2090134?ysclid=m4miууw4gz465255628 (дата обращения: 19.12.2024).
14. Образцов А. В. Назым Хикмет / А. В. Образцов // Большая российская энциклопедия. 27.09.2023.: электронная версия. URL: <https://bigenc.ru/c/nazym-khikmet-d7d285?ysclid=m52r9i us83643672904> (дата обращения: 27.12.2024).
15. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. 2-е изд. М. : Наука, 1988. 170 с.
16. Самотик Л. Г. Литературный ономастикон (на материале диалогии А. Чмыхало) : словарь / Л. Г. Самотик. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2022. 157 с. ISBN 978-5-9765-4968-5.
17. Селеменова О. А. Направления изучения ономастического кода И. А. Бунина в лингвистических исследованиях /

О. А. Селеменова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2023. № 04 (96) : электронная версия. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/napravleniya-izucheniya-onomasticheskogo-koda-ia-bunina-v-lingvisticheskikh-issledovaniyakh.html> (дата обращения: 19.12.2024).

18. Скуридина С. А. Ономастический код произведений Ф. М. Достоевского : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Скуридина Светлана Анатольевна. Воронеж, 2020. 392 с.
19. Худайбердина М. У. К проблеме структурирования ономастического пространства художественного текста (на материале поэтического сборника И. А. Бродского «Уrania») / М. У. Худайбердина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь. 2010. № 4. С. 134–146.

REFERENCES

1. Akent'ev A. (2021). Ostraya Mogila. Muzhestvo i otvaga [Sharp Grave. Courage and bravery] in Svoj variant [Your own version]. URL: <https://lib-lg.com/eshchjo/kraevedam/kraevedcheskie-resursy/luganshchina-dokumenty-sobytiya-fakty/istoriya-luganshchiny/6466-ostraya-mogila-muzhestvo-i-otvaga> (In Russian).
2. But-Gusaim S. F., Potapchuk I. V. (2019). Onomastikon istoricheskogo romana Anatoliya Butevicha «Koroleva ne izmenyala korolyu» [Onomasticon of the historical novel by Anatoly Butevich «The Queen Did Not Treat the King»] in Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University]. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onomastikon-istoricheskogo-romana-anatoliya-butevicha-koroleva-ne-izmenyala-korolyu> (In Russian).
3. D'yakova T. A. (2022). Funkcional'no-stilisticheskie aspekty' ispol'zovaniya inoyazy'chny'x toponimov v xudozhestvenny'x tekstax Mixaila Matusovskogo [Functional and stylistic aspects of the use of foreign toponyms in the literary texts of Mikhail Matusovsky] in Filologiya i chelovek [Philology and Man]. № 2. Pp. 100–114. DOI 10.14258/filichel(2022)2–07 (In Russian).
4. D'yakova T. A. (2022). Varvarizmy' kak organichny'j komponent i stilisticheskoe sredstvo idiolekta Mixaila Matusovskogo [Barbarisms as an organic component and stylistic means of the idiolect of Mikhail Matusovsky] in Vestnik Doneczkogo nacional'nogo universiteta. Seriya D : [Filologiya i psixologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology]. №2. Pp. 10–18 (In Russian).

5. Gorod Czaricyn (Volgograd) ili Czaricza – proisxozhdenie iznachal'nogo nazvaniya [The city of Tsaritsyn (Volgograd) or Tsaritsa – the origin of the original name] in Azbuka gorodov [ABC of cities]. URL: <https://snegir.org/post/tzarizin-ili-tzaritza-gorod/> (In Russian).
6. Gyubbenet I. V. (1991). Osnovy` filologicheskoy interpretacii literaturno-xudozhestvennogo teksta [Fundamentals of philological interpretation of literary and artistic text]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 204 p. (In Russian).
7. Il'ina T. Indiya v zhizni i tvorchestve Rerixa [India in the life and work of Roerich] in Nikolaj Rerix. Grani talanta [Nicholas Roerich. Facets of Talent]. URL: <https://magisteria.ru/nicholas-roerich/india-in-the-life-and-work-of-roerich?ysclid=m4mijooo3q829776594> (In Russian).
8. Lyubina T. (2023). Vmesto mesti – pit'evaya voda i xleb: Nikolaj Berzarin, pervy`j komendant poslevoennogo Berlina [Instead of revenge – drinking water and bread: Nikolai Berzarin, the first commandant of post-war Berlin] in Istoriya [Story]. URL: <https://пкп.рпс/2023/04/26/вместо-мести-питьевая-вода-и-хлеб-ни/> (In Russian).
9. Matusovskij M. (1982). Izbranny`e proizvedeniya : v 2 t. T. 1: Stixotvoreniya, poe`my`, pesni. [Selected works: in 2 v. V. 1: Poems, poems, songs]. Moscow: Xudozhestvennaya literatura, 639 p. (In Russian).
10. Matusovskij M. (2011). Semejny`j al'bom [Family Album] in Matusovskij M. Proza [M. Matusovsky Prose]. Lugansk : ООО «Virtual'naya real'nost'», Pp. 7–550. (In Russian).
11. Matusovskij M. (2011). Zemlya moix otczov – Donbass : stixi i pesni o Luganshhine i Donbasse [Land of my father's – Donbass: poems and songs about Luhansk region and Donbass]. Moscow: Repablika, 304 p. (In Russian).
12. Muratov A. M. Sergej Timofeevich Konyonkov [Sergey Timofeevich Kononkov] in Bol'shaya rossijskaya e`nciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2090134?ysclid=m4miyyw4gz465255628 (In Russian).
13. Obrazczov A. V. (2023). Nazy`m Xikmet [Nazim Hikmet] in Bol'shaya rossijskaya e`nciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/c/nazym-khikmet-d7d285?ysclid=m52r9ius83643672904> (In Russian).
14. Podol'skaya N. V. (1988). Slovar` russkoj onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka, 170 p. (In Russian).

15. Samotik L. G. (2022). Literaturny`j onomastikon (na materiale dilogii A. Chmy`xalo) : slovar` [Literary Onomasticon (based on the dilogy by A. Chmykhalo) : dictionary]. Moscow : Flinta, 157 p. ISBN 978-5-9765-4968-5 (In Russian).
16. Selemeneva O. A. (2023). Napravleniya izucheniya onomasticheskogo koda I. A. Bunina v lingvisticheskix issledovaniyax [Directions of study of the onomastic code of I. A. Bunin in linguistic research] in Filologicheskij aspekt : mezhdunarodny`j nauchno-prakticheskij zhurnal [Philological aspect : international scientific and practical journal]. № 04 (96). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/napravleniya-izucheniya-onomasticheskogo-koda-ia-bunina-v-lingvisticheskikh-issledovaniyakh.html> (In Russian).
17. Skuridina S. A. (2020). Onomasticheskij kod proizvedenij F. M. Dostoevskogo [Onomastic code of the works of F. M. Dostoevsky] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. Voronezh. (In Russian).
18. Xudajberdina M. U. (2010). K probleme strukturirovaniya onomasticheskogo prostranstva xudozhestvennogo teksta (na materiale poe`ticheskogo sbornika I. A. Brodskogo «Uraniya») [On the problem of structuring the onomastic space of a literary text (based on the poetry collection by I. A. Brodsky «Urania»)] in Vestnik Permskogo nacional`nogo issledovatel`skogo politexnicheskogo universiteta. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy]. № 4. Pp. 134–146 (In Russian).
19. Zinnatullina G. X. (2023). Mesto poe`ticheskoy onomastiki v sovremennom yazy`koznanii [The place of poetic onomastics in modern linguistics] in Pedagogicheskij zhurnal [Pedagogical journal]. T. 13. № 6A. Pp. 397–403. DOI: 10.34670/AR.2023.15.36.038 (In Russian).

УДК 811

ORCID : 0009-0009-9082-4129

ORCID : 0000-0003-3004-3186

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-30-49

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Абраменко Екатерина Валерьевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и МКК,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
(Ростов-на-Дону, Россия)
kyrare@yandex.ru

Николаева Елена Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и МКК,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
(Ростов-на-Дону, Россия)
lenikol@yandex.ru

Аннотация. Имена собственные считаются одним из важнейших компонентов межкультурной и межъязыковой коммуникации. В настоящее время различным аспектам ономастики посвящено большое количество работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. Имена собственные в исходной языковой среде имеют сложную семантическую структуру, своеобразные характеристики и формы, многочисленные связи с другими языковыми единицами и категориями. В фокусе внимания при изучении имен собственных в художественной литературе оказываются вопросы адекватной передачи данной группы лексики на русский язык. Предметом данной работы являются переводческие трансформации при передаче имен собственных с английского языка на русский. Материалом послужил текст романа Вероники Рот «Дивергент».

Ключевые слова: перевод, переводческие трансформации, имя собственное, русский язык, английский язык, художественный текст.

Abramenko Ekaterina Valerievna

Candidate of Philology,

Associate Professor of the Department of Linguistics and the ICK,

FSBEI HE «Rostov State Economic University (RINH)»

(Rostov-on-Don, RF)

kyrare@yandex.ru

Nikolaeva Elena Sergeevna

Candidate of Philology,

Associate Professor of the Department of Linguistics and the ICK,

FSBEI HE «Rostov State Economic University (RINH)»

(Rostov-on-Don, RF)

lenikol@yandex.ru

Abstract. Proper names are considered one of the most important components of intercultural communication. Currently, a large number of works by both domestic and foreign researchers are devoted to various aspects of onomastics. Proper names in the original language environment have a complex semantic structure, peculiar characteristics and forms, and numerous connections with other linguistic units and categories. The focus of attention when studying proper names in fiction is on the issues of adequate transfer of this group of vocabulary into Russian. The subject of this work is translation transformations in the transfer of proper names from English to Russian. The research is based on the text of Veronica Roth's novel *Divergent*.

Keywords: translation, translation transformations, proper name, Russian, English, literary text.

Для цитирования: Абраменко Е. В., Николаева Е.С. Проблема перевода имен собственных в научно-фантастическом романе (на материале английского и русского языков) // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 32-52. DOI10.24412/1992-9196-2025-1945-30-49

Анализ художественной литературы невозможен без глубокого исследования имен собственных, составляющих её ономастическое пространство. Это пространство – не просто набор слов, а сложная система, отражающая авторский замысел, стилистические приёмы и создаваемые образы. Литературная ономастика, возникшая на стыке ономастики, стилистики, поэтики, лингвистики текста и лексической семантики, изучает

именно эту систему, рассматривая имена собственные не изолированно, а в контексте всего художественного произведения и его внетекстовых связей [5].

В научном дискурсе существует много исследований, посвященных изучению имени собственного как единицы языка и речи, его типов, функций в тексте художественного произведения, среди них: М.Ю. Баркова [1], А.О. Барышевская [2], Л.М. Бражник [3], О.В. Врублевская [4], Е.А. Казнина [8], Н.В. Меркулова [10], Н. В. Подольская [11], В.И. Супрун [13, 14], С. Nord [16], О. Felecan, A. Bughesiu [17] и другие. Изучение имен собственных является актуальным и в рамках лингвокультурологических методов, что является одним из самых современных и успешных направлений языкознания и позволяет по-новому рассматривать ономастический материал. В последние годы актуальными стали психолингвистические подходы к языку и речи, особенно к таким явлениям, как ономастика.

С точки зрения перевода имена собственные анализируются многими исследователями. Например, В.И. Супрун рассматривает перевод онимов в романе Фр. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» [14]; Ю.А. Истратова, характеризует аллюзивные онимы в поэзии Брассенса и ее русских переводах [6]; работа Н.Е. Кабановой и А.С. Соиной посвящена проблемам перевода реалий-онимов в научно-фантастическом романе Р. Желязны «Nine Princes in Amber» [7]. Таким образом, интерпретация литературного ономастикона (как совокупности собственных имен в тексте художественного произведения) осуществляется на широком фактическом материале. Особое внимание уделено специфике перевода собственных имен художественных произведений.

Прежде всего, охарактеризуем термин «имя собственное». В грамматике разница между собственными и нарицательными существительными (и / или названиями, которые выражаются, помимо существительных, словами других лексико-грамматических классов) заключается в том, что первые индивидуализируют, то есть выделяют отдельные предметы из ряда однотипных, в то время как вторые выполняют противоположную функцию, выступая обобщенными названиями классов однотипных предметов или явлений. Как подчеркивает К.В. Шалацкая, имена собственные служат для выделения названного ими объекта, явления или лица из ряда сходных для его идентификации и индивидуализации [15].

В лингвистике отмечается, что изучением имен собственных занимается ономастика (от греч. – искусство давать имена), поэтому существительное (или другая часть речи в роли существительного) принадлежит к разряду собственных

при условии, что оно выполняет ономастическую функцию. Справедливо отмечается, что имена собственные, то есть омонимы, как своеобразные культурно-исторические и языковые индексы являются источником изучения лексического богатства языка, поскольку отражают названия предметов, понятий и реалий [8].

В настоящее время утвердилось мнение о том, что имена собственные в тексте художественного произведения занимают особое место, поскольку они являются средством характеристики персонажа (антропонимы и др.) или художественного пространства (топонимы и др.); 2) способом выражения авторской позиции в тексте; 3) средством созданием образности и др.

Итак, в литературном произведении имя собственное выделяется среди других лексических единиц богатством и разнообразием ассоциативных связей, которые раскрываются в контексте произведения.

Основная цель данной работы – выявить способы и приемы перевода собственных имен в научно-фантастическом романе В. Рот «Дивергент» [18] с английского на русский язык. В качестве методов исследования были использованы сравнительный анализ и описательный метод. Для достижения этой цели в исследовании сначала обозначается теоретическая основа, касающаяся перевода имен собственных, включая значение имени в литературе и его роль в развитии сюжета, создании мира и культурном контексте. В работе рассмотрены различные типы онимов в романе «Дивергент», такие как имена персонажей, названия мест и названия организаций. Анализ включает наиболее репрезентативные примеры из текста, демонстрирующие различные стратегии перевода, применяемые переводчиком А. Килановой [12].

Дивергент – первая книга трилогии и дебют американской писательницы Вероники Рот. Роман, как и вся трилогия, написан в жанре научной фантастики. Научная фантастика – это литературный жанр, представленный в разных сферах искусств, являющийся одним из подвидов фантастики. В научно-фантастическом жанре традиционно описывается не беспочвенно выдуманный автором мир, он неразрывно связан с нашей реальностью. Задача автора заключается в том, чтобы показать возможную параллель нашего будущего, учитывая вероятный научный прогресс и технологический скачок или проиллюстрировать то, что произойдет в случае их отсутствия. Роман Вероники Рот не стал исключением. Имена собственные в научно-фантастических произведениях обладают следующими функциями: идентифицирующая (называющая) и стилистическая

(включая информативную, эмотивную, экспрессивную и изобразительную) [9].

Сюжетная линия в романе «Дивергент» разворачивается на руинах бывшего Чикаго, штата Иллинойс. Новый город или, вернее будет сказать, резервация, где обитают выжившие – не имеет собственного названия, но по своей сути он является масштабным исследованием, известным как Чикагский Эксперимент.

*I've been spending a lot of time here, he says. It's the record room. They keep some of the **Chicago Experiment** data in here* (Roth, 2011).

– Я провел здесь много времени, — сказал он. Это комната записей. Здесь хранятся некоторые данные Чикагского Эксперимента (Roth, 2015).

Но об этом «официальном» названии знают далеко не все. Подавляющее большинство жителей Чикагского Эксперимента понятия не имеют, что произошло на самом деле. Они не помнят своего прошлого и живут в настоящем, которое полностью контролирует медицинский центр, именуемый как Бюро генетического благополучия. При трансляции на русский язык переводчик использует прием калькирования.

*Now it's the headquarters of the **Bureau of Genetic Welfare** – or just the Bureau, as we call it around here.* (Roth, 2011)

Теперь это штаб-квартира Бюро Генетического Благополучия – или просто Бюро, как мы его здесь называем. (Roth, 2015)

Эта организация возникла после масштабной и разрушительной гражданской войны на территории бывших Соединенных Штатов. Так называемая Война за Чистоту была вызвана попыткой устранить в обществе жестокость и преступность при помощи биологических экспериментов над населением. Некоторые люди были согласны стать частью эксперимента, у других же это вызвало массовое недовольство. Позже выяснилось, что биологические мутации привели не к редуцированию «порочных» генов, а к их развитию. Те, кто изначально был против эксперимента, свергли действующее правительство и устроили массовый геноцид над населением с поврежденными генами. Это вылилось в полномасштабный конфликт с использованием сначала обычного, а позже биологического и ядерного оружия. При трансляции на русский язык снова было использовано калькирование.

Все население Чикагского Эксперимента было подвержено действию Сыворотки Памяти. Люди были лишены всех ярких воспоминаний, кроме тех, которые отвечают за нормальное функционирование организма. Они не знают о войне и ее

последствиях, живя на руинах неизвестного для них города. Но, несмотря на это, они используют прежние названия улиц, зданий и объектов когда-то существовавшей культуры. Например, в романе упоминаются такие топонимы бывшего Чикаго, как Мичиган-Авеню и Лэйк-Шор-Драйв.

*South of the bridge, **Michigan Avenue** is a busy street, crawling with people, but here it is bare.* (Roth, 2011)

К югу от моста находится Мичиган-Авеню – оживленная улица, обычно переполненная людьми, но сейчас она пуста. (Roth, 2015)

Топоним Michigan Avenue представляет собой название одной из чикагских улиц. Александра Киланова использовала транскрипцию для передачи этого топонима – Мичиган-авеню.

Целью Бюро Генетического Благополучия являлась борьба с демографическим ущербом и создание генетически чистых людей – Дивергентов. Попутно они проводили эксперименты по таким направлениям, как медицина, генная и химическая инженерия, машиностроение и сельское хозяйство. Штаб-квартира Бюро находилась за пределами Стены, в бывшем здании Чикагского Международного Аэропорта О'Хара.

*Welcome to the compound, says Zoe. This building used to be **O'Hare International Airport**, one of the busiest airports in the country.* (Roth, 2011)

– Добро пожаловать в комплекс, – сказала Зоу. В этом здании раньше располагался Международный Аэропорт О'Хара, один из самых загруженных аэропортов в стране. (Roth, 2015)

При переводе топонима *O'Hare International Airport* переводчицей был использован прием калькирования в комбинации с транслитерацией (О'Хара), при этом порядок слов компонентов кальки был изменен, что способствовало сохранению их частиречного значения: Международный Аэропорт О'Хара.

Как уже говорилось ранее, Чикагский Эксперимент был окружен Стеной, целью которой было удержание его участников вдали от правды и опасностей внешнего мира. В романе Стена внешне походила на Советскую радиолокационную систему обнаружения запуска ракет – Дуга-1.

*I ask Christina, What do you think is out there? I nod to the doorway. I mean, beyond **The Fence**.* (Roth, 2011)

Я спросила Кристину, кивнув в сторону выхода: «Как ты думаешь, что там снаружи? Я имею в виду, за Стеной». (Roth, 2015)

С языка оригинала топоним The Fence можно дословно перевести как «Забор» или «Изгородь», но для адекватной

передачи переводчик использовал более подходящее для русскоязычного населения слово «Стена». Такое решение обосновано особенностью нашей культуры. В нашем понимании забор – это невысокая конструкция, чаще использующаяся для ограждения локальных объектов внутри города. Стены же не только окружали целые города, но и защищали их от внешних угроз. В данном случае переводчик использовал прием функциональной замены.

Не менее значимое место в романе В. Рот «Дивергент» – Беспощадный Март, также известный как штаб-квартира фракции Искренность. Высотой не менее восемнадцати этажей, состоящая из полупустых комнат без окон, соединенных коридорами из черного мрамора, с символикой фракции в виде белых весов, олицетворяющих искренность и правосудие. Включает в себя самый крупный тюремный блок. В реальности представляет собой огромный архитектурный объект по совместительству оптово-торговый центр – Мерчандайз Март. Во время Войны за Чистоту здание также было повреждено, от названия остались только буквы Merc...is... Mart. Многие люди стали называть здание Merciless Mart из-за безжалостных допросов, проходящих в стенах фракции Искренности.

*My legs ache by the time we reach the bridge, but then I see **the Merciless Mart** across the marshy river, abandoned and unlit, and I smile through the pain.* (Roth, 2011)

Мои ноги болели к тому времени, как мы добрались до моста, но увидев Беспощадный Март по ту сторону болотистой реки, заброшенный и неосвещенный, я улыбнулась сквозь боль (Roth, 2015)

Анализируя перевод данного фрагмента, можно заметить, что, несмотря на особенность культурного восприятия эпонима «Март», ассоциирующегося с одним из двенадцати месяцев, переводчик решил передать его, как хороним. На языке оригинала в данном контексте «Март» является частью названия бывшего торгового центра. Переводчик решил сохранить смысл, заложенный автором, и перенести хороним при помощи полукальки.

Таким образом, для того, чтобы читатель смог лучше представить себе мир, в котором разворачивается сюжет книги, Вероника Рот использовала уже существующие топонимы, поэтому у реципиента возникают ассоциации с городом, напоминающим Чикаго. Названия реальных зданий и улиц были переведены транскрипцией, а для передачи вымышленных топонимов переводчик использовала калькирование и семантический перевод. Такой подход помог в полной мере

отразить специфику жанра научной фантастики, так как в постапокалиптическом мире, который описывает в своем романе Вероника Рот, помимо новых зданий и городских объектов были сохранены постройки довоенного времени.

Как мы уже упоминали в настоящем исследовании, в переводе романа Вероники Рот было выявлено много примеров транскрипций и транслитераций. Так и здесь эргоним Дивергент переводчик решил передать способом транслитерации:

*Tori warned me that being **Divergent** was dangerous...* (Roth, 2011)

Тори предупредила, что быть Дивергентом опасно... (Roth, 2015)

Если у переводчика стоит задача сохранить колорит имени собственного, то он может воспользоваться приемом транскрибирования. Такой способ перевода позволил сохранить идею автора и изначально заложенный в эргоним смысл.

В романе В. Рот общество разделилось на пять основных групп или фракций, члены каждой из которых особенно ценят и превозносят какое-либо человеческое качество. Каждый год на Церемонии Выбора юноши и девушки, достигшие возраста шестнадцати лет, должны избрать фракцию, в которой они проведут оставшуюся жизнь. Помимо тех, кто вступил в ту или иную фракцию, существует также немалая часть людей, которые не причисляют себя ни к одной из них, это – афракционеры.

Отречение – одна из фракций вселенной В. Рот «Дивергент». Те, кто входят в нее ведут скромный образ жизни, самоотверженно заботятся о других, забывая о себе. Считают эгоизм главной причиной гибели человечества. Во время Церемонии Выбора они подходят к чаше, наполненной гладкими серыми камнями. Посвящение в фракцию Отречения проходит через месяц общественных работ и прочтения устава фракции. Эргоним Отречение переводчик перенес с английского языка на русский используя прием калькирования:

*But she must hide that beauty in **Abnegation**.* (Roth, 2011)

Но в Отречении она должна скрывать свою красоту. (Roth, 2015)

Переводчик заменил составные части слова лексическими соответствиями на языке перевода, что позволило сохранить идентичную оригиналу произведения смысловую наполненность и эмоциональный окрас.

Следующая из пяти основных фракций – Бесстрашие, фракция, члены которой посвящают себя силе и храбрости. Они часто подвергают себя смертельной опасности, так как презируют страх. Члены фракции являются полицией внутри Стены, а

также ее охраной. Носят преимущественно черную, облегающую одежду, часто имеют несколько татуировок, пирсинг и яркие волосы. Считают страх и трусость главной причиной гибели человечества. Во время Церемонии Выбора они подходят к чаше, наполненной горячими углями. Посвящение в фракцию проходит через несколько этапов тяжелых физических и психологических испытаний.

And those who blamed cowardice were the Dauntless. (Roth, 2011)

И те, кто обвинял трусость, были Бесстрашными. (Roth, 2015)

Эргоним Бесстрашие переводчик перенес с английского языка также используя прием калькирования. При разборе данного имени собственного на составные части можно выделить глагол «daunt», который дословно переводится как «устрашать» и суффикс с отрицательным значением «-less», который используется для обозначения отсутствия того или иного признака у прилагательных и имеет русскоязычный аналог, а именно приставку «без-». Таким образом, результатом использования калькирования является словообразование прилагательного «бесстрашный», которое было трансформировано в эргоним «Бесстрашие» в контексте романа. Данный перевод является уместным, так как были соблюдены лексические и грамматические нормы языка перевода, а также эргоним отождествляет характер и образ жизни членов данной фракции.

Эрудиция – еще одна немаловажная фракция вселенной Дивергент. Ее члены посвятили свою жизнь науке и поиску нового знания. Владеют чрезвычайно высоким интеллектом и даром красноречия, среди них подавляющее большинство ораторов, ученых, врачей, учителей и преподавателей. Больше других стремятся к господству над другими фракциями и безграничной власти. Презирают фракцию Отречения, так как не верят в существование истинного альтруизма. Обязательный атрибут их внешности – оттенки синего цвета в одежде и очки, которые носят даже те, кто не имеет проблем со зрением. Во время Церемонии Выбора подходят к чаше, наполненной водой. Для вступления в фракцию Эрудиции необходимо с успехом пройти сложный интеллектуальный тест.

*Then an **Erudite** boy in a blue sweater shoves me.* (Roth, 2011)

Внезапно парень из фракции Эрудиция в синем свитере пихает меня. (Roth, 2015)

Для адекватной передачи в данном примере, переводчиком был использован прием транскрипции. Такой способ является уместным, поскольку «эрудированный человек» воспринимается на языке перевода, как человек, обладающий внушительным

объемом памяти и имеющий способности к запоминанию различной информации. Данное определение полностью отражает заложенный смысл и основные черты, присущие членам фракции Эрудитов.

Четвертая из пяти фракций – Дружелюбие. Члены этой фракции – пацифисты, миролюбивые, всегда соблюдающие нейтралитет люди, которые готовы приютить всех нуждающихся. Их идеология заключается в сохранении мира и порядка в обществе, в котором нет места порокам, конфликтам и войнам. Но, несмотря на свою доброту и сердечность, ради мира они готовы поступиться своими принципами. Члены Дружелюбия одеваются просто, но ярко, обычно в красных или желтых тонах. Живут и трудятся в аграрном секторе за чертой города, а также представляют медсестер и младший персонал в больницах. Готовые забыть все споры и разногласия, члены фракции Дружелюбия считаются полной противоположностью фракции Искренности. Во время Церемонии Выбора подходят к чаше с землей. Чтобы стать членом Дружелюбия, необходимо знать азы земледелия, а также придерживаться принципов взаимопонимания и равновесия.

Those who blamed aggression formed Amity. (Roth, 2011)

Те, кто винил агрессию, основали Дружелюбие. (Roth, 2015)

При переводе данного эргонима переводчик использовал прием калькирования.

Последней фракцией вселенной Дивергент – является Искренность. Члены этой фракции высоконравственны и прямолинейны, им свойственно всегда открыто выражать свои мысли и эмоции, будь то восторг или критика. У них нет секретов, практически вся их жизнь проходит рядом с прибором, который непрерывно идентифицирует любую ложь. Члены фракции считают честность единственной чертой, которой не хватает людям для достижения совершенства. Являясь оплотом искренности, фракция служит городу верховным судом. Они делят мир на черное и белое, что наглядно отражается в их стиле одежды, зачастую это классические строгие монохромные костюмы. На Церемонии выбора они подходят к чаше, наполненной битым стеклом. Для принятия в фракцию Искренности необходимо пройти публичный допрос под воздействием Сыворотки Правды.

I thought I would only have trouble with the Candor asking too many questions, he says coldly. (Roth, 2011)

«Я думал, что у меня будут проблемы только с фракцией Искренности, которая задает слишком много вопросов», – холодно сказал он. (Roth, 2015)

Адекватная передача данного эргонима была достигнута благодаря калькированию.

Помимо основных пяти фракций, существующих в мире Дивергента, есть так же те, кто не нашел своего места в мире постапокалипсиса, так называемые Изгой, которые объединились в собственную подпольную организацию Афракционеров. Членами этого объединения являются люди, когда-то изгнанные из своей прежней фракции или ушедшие оттуда по собственной воле. Ими также становятся те, кто не смог пройти сложные для многих этапы посвящения. Изгоям доверяют только самую грязную и низкооплачиваемую работу, за которую платят не деньгами, как людям, трудящимся внутри фракций на благо города, а едой или одеждой, которой зачастую не хватает для нормального существования. Эта группа составляет большую часть населения внутри Стены.

*To live **Factionless** is not just to live in poverty and discomfort; it is to live divorced from society, separated from the most important thing in life – community.* (Roth, 2011)

Быть Афракционером – это не просто жить в бедности и дискомфорте, это значит жить в отрыве от самого важного в жизни – общества. (Roth, 2015)

Данный эргоним был передан при помощи калькирования. Переводчик акцентировал внимание на использовании иностранных приставок в русском языке, а именно приставке «а-», которая способствует словообразованию с отличным от исходного, негативным значением. Таким образом, вместо дословного перевода «человек без фракции», переводчик использовал слово «Афракционер». Использованный прием способствовал адекватному переводу, сохранению экспрессии и эмоционального окраса, а также подчеркнул оппозиционный настрой Афракционеров в сюжете романа.

Неофиты – новобранцы, люди, соответствующие критерию ежегодного отбора в одну из пяти фракций. В назначенный день они направляются в Хаб, где и проводится так называемый Тест на Профпригодность.

*I shouldn't go anywhere and have fun with **the Neophytes**.* (Roth, 2011)

Мне не стоит никуда идти и весело проводить время с Неофитами. (Roth, 2015)

Проведя анализ перевода эргонимов в романе В. Рот «Дивергент», было отмечено, что большинство из них переводчик передал при помощи приемов транскрипции и калькирования. Это способствовало наиболее точной передаче идей автора. Также были соблюдены лексические и грамматические нормы языка

оригинала и языка перевода, учтены особенности их культур и эмоционального восприятия, что хорошо просматривается при переводе фракций и смежных с ними организаций. Можно также отметить, что перевод осуществлялся по определенному алгоритму, сохраняя стиль научно-фантастического жанра и общий дух произведения, что позволило удержать интерес русскоязычных читателей.

Эпонимы – это предметы (вещи, объекты и т. д.), названные в честь кого-то или чего-то. Так как сыворотки — медикаментозные препараты, часто фигурирующие и играющие важную роль в научно-фантастическом жанре, названы в честь фракций, либо в полной или частичной мере отражают их отличительные черты, в контексте романа В. Рот «Дивергент» их можно считать эпонимами.

Сыворотки – неотъемлемый атрибут каждой из пяти фракций в мире Дивергента. Они представляют собой полупрозрачные жидкости, которыми наполнены стеклянные ампулы небольшого размера. Чаше применяются внутривенно или перорально. Каждый из фракций принадлежит особый вид сыворотки, который используется в тех или иных целях. Их воздействию подвержены все жители внутри Стены, кроме Дивергентов, последние способны контролировать, полностью отвергать препарат или манипулировать его действием.

Сыворотка Памяти – принадлежащая фракции Отречения, предназначена для стирания особенно важных и ярких воспоминаний человека или группы людей, позволяющая начать жизнь заново. Однако использовалась она с целью стирания воспоминаний после выходящих из-под контроля медицинских экспериментов, которые Бюро генетического благополучия проводили над людьми и даже целыми городами.

*There's a chance that we will still be in the city when a **Memory Serum** virus is deployed.* (Roth, 2011)

Есть шанс, что мы все еще будем в городе, когда начнется эпидемия вируса, вызванного Сывороткой Памяти. (Roth, 2015)

Сыворотка Симуляции или Сыворотка Страх — принадлежащая фракции Бесстрашия, предназначена для вызова слуховых и визуальных галлюцинаций у человека. Используется на тестировании, которое проводится для определения принадлежности к той или иной фракции, благодаря определенной реакции мозга на вызванные видения, а также применяется внутри фракции Бесстрашия для физических и психоэмоциональных тренировок.

*I researched **the Simulation Serum** and found out that Jeanine was working to develop long-range transmitters for the serum so its signal could stretch farther...* (Roth, 2011)

Исследуя Сыворотку Симуляции, я выяснила, что Джанин разрабатывает передатчики дальнего действия для ее использования, чтобы сигнал мог распространяться дальше... (Roth, 2015)

Сыворотка Смерти – принадлежащая жестокой и властной фракции Эрудитов, предназначена для быстрого устранения неугодного «обществу» человека или группы людей. Описывается как вещество с тонким ароматом пряностей и дыма, от которого мгновенно сгущается кровь, кости становятся свинцовыми, а тело неподъемным. Применялось в стенах Бюро генетического благополучия для умерщвления Дивергентов в случае провала эксперимента над их сознанием.

*Evelyn will turn the **Death Serum** loose, and a lot of people will die* (Roth, 2011).

Эвелин использует Сыворотку Смерти, и тогда многие люди погибнут. (Roth, 2015).

В романе также описывается единственное применение Паралитической Сыворотки, которая имитирует эффект Сыворотки Смерти, но лишь на пять минут, после чего к человеку возвращается способность говорить и двигаться. Благодаря подмене Сыворотки Смерти, главной героине – Трис Прайор, удалось избежать, казалось бы, неминуемой гибели.

*To deceiving Janine, Peter replacing the **Death Serum** with a purple-colored **Paralytic Serum*** (Roth, 2011).

Чтобы обмануть Джанин, Питер заменил Сыворотку Смерти на Паралитическую Сыворотку фиолетового цвета (Roth, 2015).

Сыворотка Мира – принадлежащая фракции Дружелюбия, предназначена для создания умиротворения, успокоения души и разума, смягчения характера, а также поднятия настроения, помогает забыть все обиды и разногласия. Используется для поддержания мира и сохранения порядка внутри фракции. В малых дозировках добавляется в еду и является частью ежедневного рациона членов фракции. При передозировке проявляется побочный эффект, выраженный ощущением полной эйфории, последующей головной болью и головокружением.

*The **Peace Serum**, Johanna says, ignoring our interaction. In small doses, it has a mild, calming effect and improves the mood* (Roth, 2011).

«Сыворотка мира», – говорит Джоанна, игнорируя наш разговор. «В небольших дозах она оказывает мягкое, успокаивающее действие и улучшает настроение» (Roth, 2015).

Сыворотка Правды – принадлежащая фракции Искренности, предназначена для введения человека в летаргическое состояние, в котором он не способен оказывать сопротивление при

допросе. Используется исключительно на территории фракции Искренности, которая выступает судебным органом внутри Стены. Через публичный допрос под воздействием Сыворотки Правды обязан пройти каждый член фракции, не зависимо от того, родился он в ней или принял решение вступить в осознанном возрасте. Через подобное испытание также проходят все те, кто временно прибывает на территории фракции.

*They give you this stuff they call **Truth Serum** and sit you in front of everyone and ask you a load of really personal questions.* (Roth, 2011)

Они вводят вам вещество, которое называется Сывороткой Правды, *сажают вас перед всеми и задают кучу действительно личных вопросов.* (Roth, 2015)

При переводе эпонимов, в частности фармаконимов (фармацевтических названий), чаще всего используется сочетание приемов транскрипции и транслитерации. Это позволяет рассмотреть этимологию слова, передать изначальный смысл, заложенный автором, а также сохранить чистоту языка, не пренебрегая его лексическими и грамматическими нормами.

Однако в контексте научно-фантастического романа «Дивергент», при переносе эпонимов (фармаконимов) переводчик воспользовался приемом калькирования. Такое решение обусловлено желанием достигнуть адекватного переноса, сохранить смысл и эмоциональный фон, изначально заложенный автором в оригинале произведения, а также погрузить читателя в мир научной фантастики по средствам реально существующих, но усовершенствованных технологий в области медицины и техники. Калькирование также позволило преобразовать лексические единицы оригинала при помощи замены их соответствиями на языке перевода, с сохранением эстетической и стилистической функциональной наполненности.

Резюмируя проанализированный текст научно-фантастического романа, важно отметить, что перевод является уместным, отражает специфику жанра и идеи автора. Несмотря на свою характерную структуру, каждый эпоним был переведен с учетом особенностей языка оригинала и языка перевода.

Способ транскрипции также прослеживается в контексте перевода фиктонимов (имен основных действующих лиц литературного произведения) на примере первых Дивергентов, с которыми нас знакомит автор – Беатрис Прайор и Тобиас Итон, а также глав пяти фракций и Афракционеров.

Беатрис Прайор – главная героиня романа Вероники Рот «Дивергент», волевая девушка шестнадцати лет, родившаяся во фракции Отречение, в последствие перешедшая в Бесстрашие.

From Abnegation: Susan Black and Beatrice Prior (Roth, 2011).

От фракции отречения: Сьюзан Блэк и Беатрис Прайор (Roth, 2015).

Основными чертами внешности в фракции Отречения, где родилась и выросла Трис, является скромная одежда исключительно в серых тонах, туго собранные в хвост или пучок волосы у женщин и короткие, простые стрижки у мужчин. Во избежание такого порока как тщеславие, члены этой фракции избегают украшений, за исключением часов, и зеркал, что также обуславливает некоторые особенности их внешнего вида.

Сдержанный и миролюбивый характер также является отличительной чертой фракции Отречения, которая противопоставляет себя фракции Эрудитов. Поэтому Эрудиты часто позволяют себе негативные высказывания, грубые и достаточно жесткие оскорбления в адрес Отречения. Самое распространенное из них фиктоним Убогие:

Out of my way, Stiff, he snaps, and continues down the hallway. (Roth, 2011)

«С дороги, Убогая», рывкает он и идет дальше по коридору. (Roth, 2015)

В данном примере переводчик передал фиктоним при помощи функциональной замены (способ перевода, сохраняющий не исходную форму слова, а его смысловую и грамматическую основу в определенном контексте). Прилагательное «stiff» в дословном переводе обозначает «чопорный, жесткий», такой перенос не отождествляет членов фракции Отречения, неверно трактует их цели и идеалы, а также не несет негативной окраски на языке перевода. Поэтому переводчиком была подобрана функциональная замена, которая не только подчеркнула альтруизм членов фракции, но и смогла точно передать негативный эмоциональный окрас, отражающийся в поведении Эрудитов.

К концу романа В. Рот у Трис появляется еще одно прозвище – Сикс, ровно столько страхов было у главной героини.

Then everyone can call you Six. (Roth, 2011)

В таком случае все могут звать тебя Сикс. (Roth, 2015)

В приведенном выше примере переводчик передал фиктоним при помощи транскрипции. Такой выбор был обусловлен особенностями языка перевода. Имя числительное в русском языке – это самостоятельная часть речи, которая обозначает число, порядок или количество предметов, но не может считаться именем собственным. Именно поэтому фиктоним не был передан на письме как «Шесть» или «Шестая». Последний из примеров также не является уместным, так как семантика прозвища

главной героини отождествляет количество ее страхов, а не ее порядковый номер.

Тобиас Итон – инструктор инициированных бесстрашных, возлюбленный главной героини. Также был рожден во фракции Отречения. Будучи ребенком, часто становился жертвой жестокости отца, который заметил в нем отличительные черты Дивергента. Сбежав из дома, он принял решение перейти во время Церемонии Выбора во фракцию Бесстрашие, где позже и познакомился с Трис.

Marcus had a son who joined Dauntless. His name was... Tobias Eaton (Roth, 2011).

У Маркуса был сын, вступивший в Бесстрашие. Его звали... «Тобиас Итон» (Roth, 2015).

По сюжету романа В. Рот известно, что у Тобиаса всего лишь четыре страха, для среднестатистического человека это очень мало, так как обычно их больше десяти. Благодаря этому Тобиаса стали называть Фор.

Christina asks, Four? Like the number? (Roth, 2011).

«Фор»? – переспрашивает Кристина. – «Как цифра»? (Roth, 2015).

В данном случае переводчик также использовал транскрипцию при передаче фактонама, аналогично примеру с прозвищем главной героини.

Представителем фракции Дружелюбия является самоотверженная и справедливая Джоанна Рейс, которая была рождена во фракции Искренности.

Marcus stops before an open room, where Johanna Reyes, representative of Amity, sits, staring out the window. (Roth, 2011)

Маркус останавливается перед открытой дверью, где, смотря в окно, сидит представитель Дружелюбия – Джоанна Рейс. (Roth, 2015)

Формальный лидер Искренности – непредвзятый и справедливый Джек Кэнг.

Jack Kang said with regret: I wish I could do more, I had no idea Jeanine was capable of something like this (Roth, 2011).

Джек Кэнг с сожалением сказал: «Хотел бы я сделать больше, я понятия не имел, что Джанин способна на что-то подобное» (Roth, 2015).

Но, несмотря на это, не все Аффракционеры ведут маргинальный образ жизни. В рядах Изгоев со временем зародилась революционная ячейка, в числе которых подавляющее большинство – Дивергенты. Их целью является свержение фракции Эрудиции с руководящего поста, а также уничтожение системы фракций как таковой. Лидером Аффракционеров является Эвелин Джонсон.

Evelyn Johnson is a woman of muscle twisted around bone (Roth, 2011).

Эвелин Джонсон – женщина из мышц, сплетенных вокруг костей (Roth, 2015).

Следует отметить, что при переводе фиктонимов использовались приемы транскрипции и транслитерации. Такой выбор переводчика обусловлен желанием сохранить ощущение реальности происходящего, раскрыть идею автора и добиться максимальной схожести с оригиналом произведения. Также переводчик сохранил особенности имен собственных, принадлежащие членам фракций, отождествляющие их характерные черты. Так, например, фиктонимы лидеров фракции Бесстрашия упоминаются в произведении без фамилий, а также, как известно из биографии главной героини, многие из них сокращают свои прежние имена или берут псевдонимы. Новые имена должны быть короткими, звучными и запоминающимися. Такой авторский ход позволил выделить фракцию Бесстрашия среди остальных и в очередной раз подчеркнуть характерные особенности их членов.

Перевод фиктонимов с использованием упомянутых приемов является адекватным и уместным, поскольку были соблюдены все лексические и грамматические нормы языка оригинала и языка перевода. Основываясь на проведенном анализе, можно отметить, что каждое имя собственное было рассмотрено индивидуально, с учетом особенностей языка оригинала, языка перевода и их культур.

В данном исследовании мы рассматривали особенности перевода имен собственных в научно-фантастическом тексте на примере романа Вероники Рот «Дивергент». Материалом для исследования послужили 140 имен собственных, полученных из оригинального английского текста методом сплошной выборки. Для каждого отобранного из исходного текста английского онима методом параллельного чтения была найдена соответствующая ему русская единица в тексте перевода. Для каждой пары единиц при помощи переводоведческого метода исследования были установлены переводческие приемы, использованные автором текста перевода.

Отметим, что зачастую единственного переводческого приема недостаточно для адекватного перевода национально-специфической реалии. В таких случаях автором перевода были использованы две или три трансформации. Далее методом частотного анализа были определены наиболее и наименее используемые переводческие приемы.

Основываясь на проведенном анализе, мы отметили, что наиболее часто используемыми приемами перевода онимов являются транслитерация, транскрипция или сочетание этих способов. А также выявили, что каждое имя собственное рассматривается индивидуально, с учетом особенностей языка оригинала, языка перевода и их культур.

Рассматривая перевод фракций в романе В. Рот, было замечено, что большинство эргонимов переведены при помощи транскрипции и калькирования. Можно также отметить, что перевод осуществлялся по определенному алгоритму с использованием схожих техник и приемов, сохраняя стиль научно-фантастического жанра и общий дух произведения. Важно обратить внимание, что из-за своей специфики эпонимы в научно-фантастическом тексте переводились только при помощи калькирования, что способствовало наиболее адекватной передаче их смысла, изначально заложенного автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова М. Ю. Подходы к определению термина «ономастика» // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50. С. 2732–2736.
2. Барышевская А. О. Понятие об ономастическом пространстве художественного произведения в современной лингвистике // Художественный текст в поликультурном коммуникативном пространстве: традиции и современность. Симферополь, 2022. С. 96–99.
3. Бражник Л. М. Основы русской ономастики. М.: Директ-Медиа, 2022. 196 с.
4. Врублевская О. В. Проблемы и перспективы современной ономастики // Известия ВГПУ, 2022. № 2 (165). С. 280–289.
5. Зиннатуллина Г. Х. Место поэтической ономастики в современном языкознании // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 6А. С. 397–403.
6. Истратова Ю. А. Аллюзивные онимы в поэзии Брассенса и ее русских переводах: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Ю.А. Истратова; [Место защиты: Ур. гос. пед. ун-т]. Екатеринбург, 2010. 23 с.
7. Кабанова Н. Е., Соина А. С. Проблема перевода реалий-онимов мира фэнтези на примере романа Р. Желязны «Nine Princes in Amber» // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9, № 4. С. 424–432.
8. Казнина Е. А. Современная ономастическая терминология: проблема понимания и перспективы развития // Верхневолжский филологический вестник, 2022. № 3 (30). С. 67–75.

9. Куликова А. Д., Николаева Е. С. Лексико-стилистические особенности жанра научной фантастики в аспекте перевода (на материале романа У. Дитц «Mass Effect: Обман») // Новые направления научной мысли: сборник. Ростов-на-Дону: ООО АзовПринт, 2021. С. 622–624.
10. Меркулова Н. В. Текст, интертекст, художественное произведение как сферы функционирования эстетической ономастики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2(39). С. 99–101.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
12. Рот В. Дивергент [пер. с англ. А. Киланова] / В. Рот. М.: Эксмо, 2015. 416 с.
13. Супрун В. И. Диалектная ономастика в художественном тексте // Материалы юбилейной конференции, посвященной 60-летию филологического факультета ВГУ, Воронеж, 01 января – 31 2002 года. Выпуск 1. Воронеж: Типография ИП Алейникова, 2002. С. 193–197.
14. Супрун В. И. Перевод в ономастике: зависимость выбора передачи (транскрипции) или перевода от ядерно-периферийной отнесённости онима // Ономастика Поволжья: Материалы XX международной научной конференции, Элиста, 05–07 октября 2022 года / Сост. и ред. Н.А. Кичикова, В.И. Супрун. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 35–41.
15. Шалацкая К. В. Основная терминология исследования имен собственных. Вестник Омского государственного педагогического университета // Гуманитарные исследования, 2016. №4 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnaya-terminologiya-issledovaniya-imen-sobstvennyh> (дата обращения: 09.11.2024).
16. Felecan O., Bughesiu A. Onomastics in Contemporary Public Space. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 617 p.
17. Nord C. Proper Names in Translation for Children: Alice in Wonderland as a Case in Point. Meta: Translators' Journal, 2003. Vol. 48. № 1–2. P. 182–196.
18. Roth V. Divergent. URL: https://voicuamelia.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/03/divergent_-_veronica_roth.pdf (дата обращения: 09.11.2024).

REFERENCES

1. Barkova M. YU. (2022) Podkhody k opredeleniyu termina “onomastika” [Approaches to the Definition of the Term “Onomastics”] in Innovatsii. Nauka. Obrazovanie [Innovation. Science. Education]. 2022. № 50. Pp. 2732–2736 (In Russian).

2. Baryshevskaya A. O. (2022) Ponyatie ob onomasticheskom prostranstve khudozhestvennogo proizvedeniya v sovremennoi lingvistike [The Concept of the Onomastic Space of a Work of Art in Modern Linguistics] in *Khudozhestvennyi tekst v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve: traditsii i sovremennost'* [Artistic Text in a Polycultural Communicative Space: Traditions and Modernity]. Simferopol', 2022. Pp. 96–99 (In Russian).
3. Brazhnik L. M. (2022) *Osnovy russkoi onomastiki* [Fundamentals of Russian Onomastics]. M.: Direkt-Media, 2022. 196 p. (In Russian).
4. Vrublevskaya O. V. (2022) Problemy i perspektivy sovremennoi onomastiki [Problems and Prospects of Modern Onomastics] in *Izvestiya VGPU*. 2022. № 2 (165). Pp. 280–289. (In Russian).
5. Zinnatullina G. KH. (2023) Mesto poeticheskoi onomastiki v sovremennom yazykovedenii [Place of Poetic Onomastics in Modern Linguistics] in *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Magazine]. 2023. Vol. 13. № 6A. Pp. 397–403. (In Russian).
6. Istratova YU. A. (2020) *Allyuzivnye onimy v poezii Bransensa i ee russkikh perevodakh: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20 / YU. A. Istratova*; [Mesto zashchity: Ur. gos. ped. un-t]. Ekaterinburg, 2010. 23 p. (In Russian).
7. Kabanova N. E., Soina A. S. (2018) Problema perevoda realii-onimov mira fehtenzi na primere romana R. Zhelyazny "Nine Princes in Amber" [The Problem of Translating Realities-upsrs of the World Fantasy on the Example of Novel "Nine Princes in Amber" by R. Zhelyazy] in *Uchenye zametki TOGU* [Scientific Notes of TOGU]. 2018. Vol. 9, № 4. Pp. 424–432. (In Russian).
8. Kaznina E. A. (2022) Sovremennaya onomasticheskaya terminologiya: problema ponimaniya i perspektivy razvitiya [Modern Onomastic Terminology: the Problem of Understanding and Development Prospects.] in *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin]. 2022. № 3 (30). Pp. 67–75. (In Russian).
9. Kulikova A. D., Nikolaeva E. S. (2021) Leksiko-stilisticheskie osobennosti zhanra nauchnoi fantastiki v aspekte perevoda (na materiale romana U. Ditts "Mass Effect: Obman") [The Lexical-stylistic Features of the Science Fiction Genre in the Aspect of Translation (on the Material of the novel by W. Ditz "Mass Effect: Deception")] in *Novye napravleniya nauchnoi mysli* [New areas of scientific thought]. Rostov-na-Donu: OOO AzoVPrint, 2021. Pp. 622–624. (In Russian).
10. Merkulova N. V. (2014) *Tekst, intertekst, khudozhestvennoe proizvedenie kak sfery funktsionirovaniya ehsteticheskoi*

- onomastiki [Text, Intertext, Work of Art as a Sphere of Functioning of Aesthetic Onomastics] in *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2014. № 9-2(39). Pp. 99–101. (In Russian).
11. Podol'skaya N. V. (1988) *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. M.: Nauka, 1988. 187 p. (In Russian).
 12. Rot V. (2015) *Divergent* [per. s angl. A. Kilanova] / V. Rot. M.: Ehksmo, 2015. 416 p.
 13. Suprun V. I. (2002) *Dialektnaya onomastika v khudozhestvennom tekste* [Dialect Onomastics in a Literary Text] in *Materialy yubileinoi konferentsii, posvyashchenoi 60-letiyu filologicheskogo fakul'teta VGU, Voronezh, 01 yanvarya – 31 2002 goda* [Materials of the Anniversary Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Faculty of VSU, Voronezh, January 01-31 2002]. Vypusk 1. Voronezh: Tipografiya IP Aleinikova, 2002. Pp. 193–197 (In Russian).
 14. Suprun V. I. (2022) *Perevod v onomastike: zavisimost' vybora peredachi (transkripsii) ili perevoda ot yaderno-periferiinoi otnesennosti onima* [Translation in Onomastics: the Dependence of the Selection of Transmission (Transcription) or the Translation from Nuclear-peripheral Assignment]. in *Onomastika Povolzh'ya: Materialy XX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ehlista, 05–07 oktyabrya 2022 goda* / Sost. i red. N.A. Kichikova, V.I. Suprun [Onomastics of the Volga Region: Materials of the XX International Scientific Conference, Elista, October 05–07, 2022 / Comp. and ed. N.A. Kichikova, V.I. Suprun]. Volgograd: PriNTerra-Dizain, 2022. Pp. 35–41 (In Russian).
 15. Shalatskaya K. V. (2024) *Osnovnaya terminologiya issledovaniya imen sobstvennykh* [The Main Terminology of the Study of the Names of their Own] in *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research]. 2016. №4 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnaya-terminologiya-issledovaniya-imen-sobstvennykh> (data obrashcheniya: 09.11.2024) (In Russian).
 16. Felecan O., Bughesiu A. (2013) *Onomastics in Contemporary Public Space*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 617 p.
 17. Nord C. (2003) Proper Names in Translation for Children: Alice in Wonderland as a Case in Point. *Meta: Translators' Journal*, 2003. Vol. 48. № 1–2. Pp. 182–196.
 18. Roth V. (2024) *Divergent*. URL: https://voicuamelia.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/03/divergent_-_veronica_roth.pdf (дата обращения: 09.11.2024).

УДК 81'22/808.1

ORCHID <https://orcid.org/0000-0001-7348-2248>

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-50-64

ОПЫТ РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ПСЕВДОНИМА

Луговская Елена Григорьевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации Приднестровского государственного
университета им. Т.Г. Шевченко
(Тирасполь, Приднестровье)
lugowska@spsu.ru

Аннотация. Рассматривается литературный псевдоним современного приднестровского автора Евгения Тримурука – Тимур Трембо. Предлагается риторический анализ псевдонима как текста и коммуникативного события – сложной знаковой модели, реализованной модельными цепочками, в которых отношения моделирования транзитивны при постоянстве адресанта и адресата. Актуальность такого междисциплинарного подхода обусловлена отмеченной сложностью знаковой сущности псевдонима, позволяющей рассматривать его как слово, текст и дискурс. Исследование псевдонима проводится на материале сборника стихотворений Тимура Трембо «Я – здесь». Анализ знаковой модели текста Тимур Трембо базируется на семиотической концепции А.Н. Барулина; оценка характера эквивалентности знака (по Г. Фреге) псевдонима, также основанная на интерпретации А.Н. Барулина, позволяет выявить специфику реализации стратегий коммуникационного взаимодействия между автором и читателем для текста Тимур Трембо. Риторический анализ как способ оценки убедительности текста рассматривается автором статьи в качестве естественного инструментария при исследовании создания и воспроизведения текста как знака. Подчеркивается, что понимание семиозиса сложного знака Тимур Трембо может дать только анализ этой знаковой модели с учетом ролей адресанта и адресата в коммуникативном акте, результирующим которого выступает псевдоним. В рамках риторического анализа текст псевдонима рассматривается как элемент паратекста, причина риторической ситуации и тезис; дается оценка понимаемости текста. Как паратекстуальный элемент псевдоним включен в сложную систему формально выделенных текстов об авторе

стихотворений поэтического сборника, для которых он является претекстом. В таком качестве псевдоним, рассматриваемый как текст, представляет собой причину риторической ситуации, что в рамках взаимодействия автора и читателя позволяет первому вызвать соответствующее эмоционально-эстетическое переживание, а последнему верно определить коммуникативную цель вымышленного субъекта.

Ключевые слова: псевдоним, риторический анализ, тезис, паратекст, эйдос, объект моделирования, модель, модельная цепочка.

Lugowska Helena Grigoryevna
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of the Russian Language
and Intercultural Communication of «Pridnestrovian State
University named after T.G. Shevchenko»
(Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic)
lugowska@spsu.ru

Abstract. The issue defines the literary pseudonym of the modern Pridnestrovian author Eugeny Trimoruc – Timur Trembeau. The research proposes the rhetorical analysis of a pseudonym as a text and a communicative event – a complex sign model implemented by model chains, in which modelling relations are transitive with the constancy of the producent and the recipient. The relevance of such an interdisciplinary approach is due to the noted complexity of the symbolic essence of a pseudonym, which allows to consider it as a word, text, and discourse. This study is carried out on the material of the collection of poems by Timur Trembeau Here I Am. The analysis of Timur Trembeau's text sign model is based on the semiotic concept of A.N. Barulin reviews the nature of the sign equivalence (according to G. Frege in the interpretation of A.N. Barulin) of the pseudonym allows to identify the implementation specifics of communicative strategies between the author and the reader for Timur Trembeau's text.

Rhetorical analysis as a way to assess the persuasiveness of a text is considered by the author as a natural tool in the study of the creation and reproduction of a text as a sign. It is emphasized that Timur Trembeau's understanding of the semiosis of a complex sign can give an analysis of this sign model only, taking into account the roles of the producent and the recipient in the communicative act, resulting in pseudonym. Within the framework of rhetorical analysis, the text of a pseudonym is considered an element of paratext, the cause of the rhetorical situation and a thesis; an assessment of the

comprehensibility of the text is given. The pseudonym as a paratextual element is in a complex system of formally selected texts about the author of the poems in the poetry collection, for which it is a pretext. The pseudonym, in this capacity, considered as a text, is the cause of a rhetorical situation, which, within the framework of interaction between the author and the reader, allows the author to evoke the appropriate emotional and aesthetic experience and permits the reader to determine the communicative goal of the fictional subject correctly.

Keywords: pseudonym, rhetorical analysis, thesis, paratext, eidos, object of modelling, model, model chain.

Для цитирования: Луговская Е.Г. Опыт риторического анализа литературного псевдонима // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 54-69. DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-50-64

Введение в проблему. Риторический анализ в общем смысле представляет собой когнитивно-прагматический способ оценки понимаемости текста, это своего рода «коммуникативный анализ текста в аспекте его эффективности и действенности, в аспекте достижения автором своих коммуникативных задач» [3, с. 113], «направленный на выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения» [6, с. 76].

В зарубежной и отечественной науке риторический анализ рассматривается как действенный дидактический инструмент, ведь «риторика и процесс риторического анализа не только учат «нас, как думать; [они помогают] нам понять, как мы создаем, поддерживаем и изменяем себя и свою роль в мире; как мы формируем и изменяем наши общества; как мы подходим к другим в этом все более сложном нашем мире» [19, с. 188], <...> риторический анализ «включает в себя изучение способов, с помощью которых мы пытаемся убедить других или повлиять на них» [17, с. 105] [Цит. по: 16].

Акцент на оценке убедительности текста обуславливает неизбежность рассмотрения тесно связанного с ним понятия понимаемости как степени доступности его содержания читателю или способности текста правильно сообщать читателю содержащуюся в нём информацию [12].

В этом смысле оценка понимаемости текста, по нашему мнению, и есть основная цель риторического анализа, потому

что только этот критерий позволяет рассмотреть текст в его целостности – «все элементы риторической ситуации – аудиторию, цель, среду и контекст, – в рамках которых была создана и реализована коммуникация, чтобы обосновать эту коммуникацию» [16].

Применимость понятия риторической ситуации для оценки понимаемости текста обеспечивается рассмотрением этих элементов как таких, «которые требуют коммуникативного реагирования и составляющие которых можно изменить с помощью дискурса» [11, с. 909]. В таком контексте псевдоним как объект риторического анализа обнаруживает способность к реализации призывно-побудительной функции в коммуникации автор-произведение-читатель, в каждой из диалогических комбинаций которой возникают его варианты.

В настоящем исследовании в качестве текста для риторического анализа предлагается имя собственное – литературный псевдоним приднестровского поэта Е. Тримурука, где Имя собственное интерпретируется как свернутый текст [10]. В силу того, что «всякое свернутое выражение отличается от соответствующего несвернутого способом обозначения объекта: оно не описывает, а лишь указывает на объект, отсылая к несвернутому как его описанию» [10, с. 128], что для имени собственного реализовано в выполнении им номинативной, идентифицирующей, и дифференцирующей функций, понимание имени собственного как свернутого текста позволяет предполагать для него существование текста развернутого, а риторический анализ считать инструментом для обнаружения последнего.

Таким образом, риторический анализ рассматривается как способ оценки понимаемости – текст рассматривается как понимаемый, если все элементы риторической ситуации, обеспечивающие его целостность, обнаруживают особое качество связанности, средствами которой реализована потенция убедительности текста. Степень убедительности текста коррелирует с уровнем оценки его понимаемости: первое непосредственно связано с коммуникативной компетентностью автора, а второе – с коммуникативной готовностью читателя.

Материалом исследования выступает псевдоним Тимур Трембо приднестровского литератора Евгения Тримурука, реализованный как часть паратекста сборника стихотворений «Я – здесь».

Основным исследовательским методом выступает риторический анализ, также используются элементы герменевтического, семиотического и системного анализа.

Риторический анализ литературного псевдонима как текста

Псевдоним как объект риторического анализа интересен, прежде всего, тем, что «экзистенциально выражает мировоззрение определённой формы человеческого бытия, имеющей строгие, определённые границы» [5, с. 31]. Псевдонимы являются «богатым источником для выявления фактов, имеющих культурную, общественную, историческую значимость, демонстрирующую неразрывную включенность личности в культурный и исторический процесс [9]. Вместе с тем, риторический анализ позволяет, рассматривая псевдоним одним из способов самовыражения автора и результатом самоидентификации автора, не касаться причин, по которым творческая личность выбирает псевдоним.

Риторический анализ псевдонима актуализует особенности его использования как игровой стратегии в рамках оппозиций «свобода – несвобода», где «псевдоним неразрывно связан с присущими любой культуре институтами запрета, стыда и страха», «кажимость – сущность» («факт – фикция», «истинность – ложность», «реальность – фантазия»), где «проблема псевдонима есть проблема структуры «я»-личности, с одной стороны, и текучести идентичности, нетождественности ее самой себе во времени – с другой» [4] – анализ этих оппозиций призван обеспечить оценку понимаемости свернутого текста псевдонима как причины (проблемы) риторической ситуации.

В таком представлении значимым оказывается осмысление псевдонима как экстратекстуального элемента, который репрезентирует текст воспринимающему, или, по терминологии Ж. Женетта [18], паратекста, составляющие которого «не просто дополнения... Они создают тексты, управляют ими и наполняют их многими смыслами, которые мы с ними ассоциируем» [15].

Псевдоним как паратекст

Паратекст – это структурная часть произведения, направленная на установление связи между издателем и читателем с целью передачи информации последнему [14, с. 31]. Все околотекстовые элементы, как и паратекст в целом, обладают коммуникативно-прагматической установкой и «делают текст законченным и целостным» [2, с. 33], что подтверждает необходимость комплексного подхода к его анализу.

В паратекстовые элементы анализируемого сборника стихотворений входят в том числе: на передней части – псевдоним автора, название сборника, жанровая номинация; на задней части – краткая информация об авторе (информация шуточного характера без указания настоящего имени автора), аннотация

(повтор с оборота обложки). Элементы задней части обложки носят шуточный характер и реализуют представление авторской маски, появление которой может быть «обусловлено какими-либо жизненными обстоятельствами автора», либо «выражением отношения автора к собственному творчеству, осознанием себя в творческом пространстве» [9, с. 475-478].

Краткая информация об авторе и аннотация рассматриваются нами как часть метатекстуальности, где претекст – это псевдоним.

Псевдоним как причина риторической ситуации

Проведем риторический анализ претекста – рассмотрим псевдоним Тимур Трембо как причину риторической ситуации.

Для общей характеристики этого текста значимым является то, что первое знакомство с ним формализует его как письменный, но при этом воспринимающим четко осознается не только его номинативная репрезентативность, сколько апеллятивная функциональность. В первом случае имя на обложке сборника рассматривается как представление или самопредставление автора, а во втором – как потенция диалога с ним.

Статус субъекта, таким образом, определяется не просто как «поэт», но как эмоциональный Другой, характер которого для воспринимающего амбивалентен, потому что способен мерцать от полюса чужой эмоциональности (непонятной и отторгаемой) до полюса эмоциональности самого воспринимающего, когда лирическое поэта совпадает с эмоциональным воспринимающего. Объективный портрет автора текста, при этом, четко осознается как маска, личина – не только потому, что воспринимающий имеет дело с эмоциональным поэтом, но и потому, что сам поэт навязывает воспринимающему особым образом сконструированный и репрезентированный образ поэтической субъектности.

Вымышленный субъект поименован, помещен в вымышленную же реальность: *«Тимур Трембо – автор поэтического сборника «Я –здесь». Живет в г. Рабнеры. Учился в средне-музыкальной школе №8 в Рабневиле. Кончил ТАМ им. Ц.Ц. Цинцинната с отличием. Дважды женат. От первого брака – двое. От второго – трое. Плотник со словарем. Слесарь в общежитии. Сантехник без велосипеда»* [13]. (Рабнеры созвучно названию города Бендеры (Приднестровье), приднестровский читатель улавливает это сходство, форма Рабневиле вызывает ассоциацию с другим названием – Рыбница (ассоциация по родовидовой принадлежности «города Приднестровья») и отсылает сознание воспринимающего к более глубоким смыслам – в названии фиксируется «раб», контрастирующий с соотносимым «pleasant» по структурно-грамматической характеристике из названия Плезантвиль (Pleasantville – название телевизионного шоу

пятидесятых годов и одновременно маленького городка, где жизнь во всех отношениях неимоверно приятна) как Рабневиль; имя Ц.Ц. Цинциннат отсылает к творчеству В. Набокова (Цинциннат Ц. – главный герой романа Владимира Набокова «Приглашение на казнь», приговоренный к смерти за «гносеологическую гнусность», в выборе этого имени как прецедентного для упоминания в условной биографии вымышленного субъекта интересно еще и то, что набоковский образ выступает своеобразным метафизическим двойником писателя В. Набокова и эта параллель-соотнесение осознается как «намек на величие» для молодого приднестровского автора), оксюморонные образования «плотник со словарем» и «сантехник без велосипеда» усиливают абсурдность описания).

Аннотация представляет вымышленного субъекта в том же абсурдистско-ироническом стиле: *«В сборник стихотворений Тимура Трембо вошли 40 стихотворений различного жанра. Автора на Родине величают как художника загадочных форм и выражений. Многоаспектность его творчества вызывает порой недоумение, умиление и восторг. Этот неизведанный автор изобилует различной техникой стихосложения, что позволяет говорить о его широком кругозоре и восприятии мира»* [13]. Акцент на загадочности и неизведанности этого глубокого автора (сема «содержательность» в лексемах многоаспектность, разный (усилено повтором), широкий (кругозор), мир) и амбивалентность ожидаемой читательской реакции (недоумение, умиление и восторг), реализация остранения языка (специфика транслингвальности приднестровских авторов см. об этом [8]) при составлении текста – все это действительно интригует читателя. Чего ожидать от текста – легкости и юмора или иронии и интеллектуальности? – именно здесь происходит формулирование основного мотива этого риторического события и формирование аудитории.

Коммуникативная цель вымышленного субъекта не только проинформировать, но вызывать эмоционально-эстетическое переживание, по цели (намерению) автора речь определяется как информационная, эпидейктическая, побуждающая.

Эти паратекстовые элементы выполняют еще одну важную функцию – они представляют описание ситуации создания и реализации и текста псевдонима и в целом всего текста поэтического сборника, из которой только и возможно понимание того, что говорит автор и как выражает свою мысль.

Псевдоним как знаковая модель

Под знаковой системой мы будем понимать множество знаков, на котором задан набор взаимно ориентированных

отношений между ними и их компонентами, отношений, определяющих как способ их удержания в памяти, так и способы построения из простых знаков сложных. Коммуникативный акт обычно сопровождается энергетическим, информационным, эмоциональным обменом, подчиняется общему для адресанта и адресата ритму.

Рассмотрим компоненты знака как «компоненты ситуации моделирования: объект и модель, эйдос объекта и эйдос модели, система соответствий между элементами эйдоса объекта и эйдоса модели, будет называться модельной системой», где эйдос – это «нематериальные объективные свойства данного объекта, существенные для данных целей взаимодействия с ним живого существа или биологической функциональной системы (например, генома, клетки, мозга и т.п.)» [1].

Псевдоним, как языковой знак, указывающий на вымышленный объект, навязывает нам в данной ситуации моделирования моделью считать вымышленную творческую личность Тимура Трембо (с учетом паратекстовой информации), а объектом моделирования совокупного лирического героя некоторого множества поэтических текстов (в первую очередь, заданную совокупность стихотворений указанного сборника, но шире – всех произведений автора, отобранных им по критерию отнесенности авторству Тимура Трембо). Вместе с тем, сам по себе вымышленный объект также является моделью представления реального человека (Е. Триморука) о поэте, пишущем отобранные стихи, то есть для данной ситуации моделирования мы имеем дело с таким случаем, когда сопоставляются две модели одного и того же объекта – модель вымышленной личности и модель совокупного лирического героя, но оба они связаны с объектом Е. Триморуком.

Для обеих моделей эйдос объекта и есть объект, эйдос модели и есть модель (если абстрагироваться от того факта, что мы имеем дело с языковыми знаками, эйдосы которых структурированы лингвистической информацией о знаке), и их системная соотношенность формирует модельные системы, которые в составе знака Тимур Трембо образуют модельные цепи, обладающие свойством транзитивности:

Евгений Триморук (объект) – Тимур Трембо (модель);

Совокупный лирический герой (объект) – Тимур Трембо (модель);

Евгений Триморук (объект) – совокупный лирический герой сборника стихотворений (модель).

Отметим, что и Евгений Триморук может быть рассмотрен как социальная модель реального человека, осознающего

себя в множественности личностей (хотя бы собственно Е. Триморуком и Т. Трембо), но это не так важно для текущего рассуждения.

Исходя из утверждения о том, что «главной поведенческой целью построения знаков является коммуникация, из чего следует, что у модельных цепей должно быть минимум два пользователя», определим пользователей модельной цепи – адресанта и адресата: адресантом в данном случае выступает поэт, адресатом – читатель. И если для адресанта Тимур Трембо осознается моделью Е. Триморука, как и совокупный лирический герой естественно на него моделируется (то есть эти модели кореферентны), то для самого поэта все не так однозначно. Тот факт, что у поэта есть интенция к формированию вымышленного образа указывает на то, что для адресанта соответствие объекта и его эйдоса не так однозначно, из чего следует, что нельзя утверждать и соответствие модели и ее эйдоса в этом случае [1]. Соответственно, для адресанта соответствие Евгений Триморук (объект) – Тимур Трембо (модель) работает только в случае «сознательной перлокутивности» при моделировании этой цепочки.

Ассоциативные отношения с аналогичными элементами модельных систем других знаков, образующих систему парадигматически связанных друг с другом элементов реализованы тем, что модельная система Тимур Трембо означена именем собственным, объект Е. Триморук означен так же, эйдосы объекта и модели в этом случае сопоставимы по лингвистическим, а также психическим и эмоциональным параметрам – последние дополнительно означены паратекстом. Системность связей для модельных цепочек фонетического, ассоциативно-семантического, психокогнитивного и эмоционального представления описана выше, именно она позволяет говорить о реализации связанности как категории текста в знаковой модели Тимур Трембо. Целостность как вторая значимая категория подтверждается тем, что представленная модельная цепь структуры знака Тимур Трембо функционирует только как целое и с этой точки зрения неделима, так как «обозначаемый объект без эйдоса остается неопределенным, глубоко «энтропичным» объектом в том смысле, что он обладает бесчисленным числом свойств, частично известных пользователю (т.е. адресанту и адресату), но все же по большей части – неизвестных».

В рамках оценки характера эквивалентности знака имени собственного [7] рассмотрим стратегии коммуникационного взаимодействия между автором и читателем для текста Тимур Трембо как художественного.

Стратегия проекции представлена эквивалентностью при условной идентичности означающих (созвучие Тимур Трембо и Артюр Рембо) и несовпадении означаемых – с формальной эквивалентностью реализуется эффектом обманутого ожидания, приемами абсурда, парадокса.

Стратегия аналогии предоставлена эквивалентностью при идентичности интенционала (трубадур, рифмоплет; Тимур как Тамерлан) и несовпадении означающих и референтов. Смысловая эквивалентность реализуется за счет использования приемов аллюзии, намека.

Стратегия замещения представлена эквивалентностью референтов и денотатов (Тимур Трембо как имя автора сборника стихов, указывающее на Евгения Тримурука и Тимур Трембо как вымышленный поэт с вымышленной биографией) и несовпадением означающего и интенционала. Референтная эквивалентность реализуется переозначиванием и метафоризацией.

Стратегия редукции представлена эквивалентностью/идентичностью означающих, совпадением интенционала (Тимур как Тамерлан, великий человек) и несовпадением референтов (денотатов) (Тимур как рифма к Артюру и Тимур как Тамерлан). Экстенциональная эквивалентность реализуется приемом переименования, антифразиса.

Псевдоним как тезис

Композиционно текст псевдонима представляет собой двучленную антропонимическую формулу – имя собственное. Если рассматривать имя собственное как знаковую модель, с помощью которой выражен тезис, то интересно будет рассмотреть способы аргументации, условно используемые автором в конструкции вымышленного имени.

Созвучие Тимур Трембо / Артюр Рембо (внутренняя рифма, аллитерация **тр**) и лингвокультурная специфика знака Тимур (Тимур как Тамерлан или Тимур и его команда), которая может быть считана аудиторией в зависимости от степени ее подготовленности и образованности, указывает на реализацию амбивалентности и при аргументации. С одной стороны, имеет место аргументация поддерживающая – вызываемые именем ассоциации позитивно влияют на формирование ораторского образа автора текста. С другой стороны, на собственно лексическое содержание накладывается семантика звукообраза «тр», который в приложении в ситуации (стихотворный сборник) отсылает к «трубадур» (и в позитивном и иронически-пренебрежительном значении) и «рифмоплет» (ассоциации тарабарщина, трындеть). С одной стороны, настроенная на восприятие поэзии, подготовленная аудитория получает аргумент к авторитету

(Артур Рембо) и уже от него по нисходящей разматывает клубок ассоциаций. С другой стороны, если считается только звукообраз и лексема (Т)Рембо соотносится к Рэмбо, а Тимур – как имя любой популярной личности, значимой для аудитории, то разворачивание ассоциаций (известность, слава, виральность) идет по восходящей.

Таким образом реализуется поддерживающая; односторонняя и двусторонняя, нисходящая и восходящая аргументация, сами же аргументы – психологические (иррациональные), материализованные с помощью таких средств выразительности как аллитерация, паронимазия, аллюзия, рифма.

Сила воздействия речи с точки зрения культуры речи выделяет такие коммуникативные качества речи как богатство, выразительность и уместность, а уровень речевой культуры может быть охарактеризован как среднелитературный (с учетом реализации остранения языка и специфики использования средств выразительности).

Отвечая на вопросы о том, что хотел сказать автор и что сказал ненамеренно, можно отметить, что интенция заинтриговать читателя, побудить его к знакомству с текстом сборника (гипертекстовые связи), вполне отслеживаема, однако амбивалентность смыслов и иррациональность аргументации оставляет читателя в замешательстве – модальность текста остается неопределимой. Вместе с тем, текст (псевдоним Тимур Трембо) интересный, необычный, доступный для понимания и интерпретации на разных уровнях (буквальном, метафорическом и символическом); убедительность текста подтверждается формально-смысловой логикой представления текста и достоверностью вызываемых ассоциаций.

Выводы

Риторический анализ псевдонима как знаковой модели и текста позволяет определить степень понимаемости (убедительности) текста только с учетом характера межтекстовых отношений, актуализованных для этого текста. С этой точки зрения исключительную важность приобретает понимание псевдонима как элемента паратекста (в совокупности с другими элементами) и гипертекста (в его связанности с отобранными в сборник стихотворениями и другими сборниками и стихотворениями этого автора, когда псевдоним рассматривается как свернутый текст всего творчества автора); краткая информация об авторе и аннотация имеют отношение к метатекстуальности (по концепции типов межтекстовых отношений Ж. Женетта : интертекстуальность проявляется в присутствии в том или ином тексте двух и более текстов; соотношение текста с его частями относится к паратекстуальности;

комментирующая отсылка к исходному тексту, или к претексту, является частью метатекстуальности, трансформации исходного текста относятся к гипертекстуальности, а архитектекстуальность определяется как жанровая связь текстов [18.].

В таком понимании текст псевдонима может быть интерпретирован для разных уровней понимания: буквальном – для неподготовленной аудитории (малообразованный читатель), метафорическом – для подготовленной аудитории (образованный читатель) и символическом – для профессиональной аудитории (заинтересованный читатель).

В целом псевдоним Тимур Трембо как свернутый текст интригует читателя и побуждает к знакомству с текстом развернутым – содержанием стихотворного сборника и шире – творчеством поэта, фактами его реальной биографии, историей появления псевдонима – что делает начатый в рамках проанализированной речевой ситуации (Тимур Трембо) разговор неоконченным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барулин А.Н. (2017) К семиотическому определению понятия «модель» как гиперонима понятия «знак» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков М. : Издательство Институт экономики РАН. 2017. Т. 9. С. 12–78 : электрон. версия. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/2.pdf (дата обращения: 18.01.2025).
2. Везетиу Е.В., Вовк Е.В. (2022) Паратекст: специфика и особенности текста // МедиаВектор. № 5. 2022. С. 32–35.
3. Воробьева Т. А. (2018) Риторический анализ текста на уроках русского языка как способ формирования коммуникативно-речевых умений школьников // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и вузе в контексте современности: Межвузовский сборник научных работ, Череповец, 13–14 декабря 2018 года. Вып. 9. Череповец: Череповецкий государственный университет. 2019. С. 112–115.
4. Демидова О.Р. (2017) Литературный псевдоним как феномен культуры // Парадигма: философско-культурологический альманах. № 26. 2017. С. 122–136.
5. Лашов В.В., Тетенков Н.Б. (2013) Роль псевдонимов в философии С. Кьеркегора // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. Т. 23, № 2 (145). 2013. С. 31–36.
6. Леонтович О.А. (2011) Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
7. Луговская Е.Г. (2021) «Остранение языка» как поэтический стиль // Славянские чтения: научно-теоретический журнал. К.: Славян. ун-т, 2021. Вып. 18/24. 2021. С. 86–102.

8. Луговская Е.Г. (2023) Реализация типов эквивалентности знака имени собственного в художественном тексте // Язык. Личность. Культура: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 175-летию И.Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И.Я. Яковлева / отв. ред. Т.В. Денисова, О.А. Димитриева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. 2023. С. 185–192.
9. Спирина А.А. (2015) Псевдоним как результат самоидентификации творческой личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т 17. № 1-2. 2015. С. 475–478.
10. Степовая О.А. (2014) Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы // Филология и человек. № 4. 2014. С. 127– 131.
11. Сухарева О.Э., Васильев Л.Г., Васильева М.Л. (2018) Риторический аспект ситуации речевого общения // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Т. 28. № 6. 2018. С. 906–912.
12. Ткачук Е.А. (2014) Аспекты информационно-психологической безопасности школьных учебников: лёгкость чтения и понимаемость // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. № 3. 2014. С. 144–152.
13. Трембо Тимур. (2024) Я – здесь: Сборник стихотворений. Издательские решения. 2024. 42 с.
14. Чернигова И.В. (2006) Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI-XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 208 с.
15. Åström, F. (2014). The Context of Paratext: A Bibliometric Study of the Citation Contexts of Gérard Genette's Texts. In N. Desrochers, & D. Apollon (Eds.), Examining Paratextual Theory and its Applications in Digital Culture (pp. 1-23). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-6002-1>
16. Dubinsky, James M. (2018) Rhetorical Analysis: A Foundational Skill for PTC Teachers. In Teaching Professional and Technical Communication: A Practicum in a Book, edited by Tracy Bridgeford, 18–41. University Press of Colorado, 2018 : electronic version. URL: https://www.academia.edu/74891654/Rhetorical_Analysis_A_Foundational_Skill_for_PTC_Teachers (дата обращения: 18.01.2025).
17. Edwards, Richard, and Katherine Nicoll (2001) “Researching the Rhetoric of Lifelong Learning” // Journal of Education Policy 16 (2): 103–12.

18. Genette G. (1997) *Paratext: Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press [Text], 1997. 427 p.
19. Turner, Kathleen J. (2013). "The Glory of Rhetorical Analysis" // *In Purpose, Practice, and Pedagogy*, edited by James A. Kuypers, 177–91. Lanham, MD: Lexington Books.

REFERENCES

1. Barulin A.N. K semioticheskomu opredeleniyu ponyatiya «model'» kak giperonima ponyatiya «znak» [To the Semiotic Definition of the Concept of "Model" as a Hyperonym of the Concept of "Sign"] in *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and methodology of teaching foreign languages]. M.: Izdatel'stvo Institut ehkonomiki RAN. 2017. T. 9. Pp. 12–78. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/2.pdf (In Russian).
2. Vezetiu E.V., Vovk E.V. Paratekst: spetsifika i osobennosti teksta [Paracest: Specifics and Text Features] in *MediaVektor* [MediaVector]. № 5. 2022. Pp. 32–35 (In Russian).
3. Vorob'eva, T. A. Ritoricheskii analiz teksta na urokakh russkogo yazyka kak sposob formirovaniya kommunikativno-rechevykh umenii shkol'nikov [ARhetorical Analysis of the Text in the Lessons of the Russian Language as a Way of Forming Communicative-speech Skills of Schoolchildren] in *Problemy fundamental'noi podgotovki v shkole i vuze v kontekste sovremennosti: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh rabot, Cherepovets, 13–14 dekabrya 2018 goda* [Problems of Fundamental Training at School and University in the Context of Modernity: Interuniversity Collection of Scientific Papers, Cherepovets, December 13–14, 2018]. Vyp. 9. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet. 2019. Pp. 112–115 (In Russian).
4. Demidova O.R. Literaturnyi psevdonim kak fenomen kul'tury [Literary pseudonym as a phenomenon of culture] in *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh* [Paradigma: Philosophical and Cultural Almanac]. № 26. 2017. Pp. 122–136 (In Russian).
5. Lashov V.V., Tetenkov N.B. Rol' psevdonimov v filosofii S. K'ergegora [The Role of Pseudonyms in the Philosophy of S. Kierkegaard] in *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya* [Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right]. Pravo. Vol. 23, № 2 (145). 2013. Pp. 31–36 (In Russian).
6. Leontovich O.A. Metody kommunikativnykh issledovaniy [Methods of Communicative Research]. M.: Gnozis, 2011. 224 p.
7. Lugovskaya E.G. «Ostranenie yazyka» kak poeticheskii stil' ["Removing Language" as a Poetic Style] in *Slavyanskies chteniya*:

- nauchno-teoreticheskii zhurnal [Slavic Readings: Scientific and Theoretical Journal]. K.: Slavyan. un-t, 2021. Vyp. 18/24. 2021. Pp. 86–102 (In Russian).
8. Lugovskaya E.G. Realizatsiya tipov ehkvivalentnosti znaka imeni sobstvennogo v khudozhestvennom tekste [Implementation of the Types of Equivalence of the Sign of the Name of its Own in the Literary Text] in *Yazyk. Lichnost'. Kul'tura: sbornik nauchnykh statei po itogam Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 175-letiyu I.YA. Yakovleva i 65-letiyu prisvoeniya pedagogicheskomu universitetu imeni I.YA. Yakovleva* / otv. red. T.V. Denisova, O.A. Dimitrieva [Language. Personality. Culture: a Collection of Scientific Articles Following the Results of the All-Russian with the International Participation of a Scientific and Practical Conference Dedicated to the 175th Anniversary of I.Ya. Yakovlev and the 65th Anniversary of the Assignment of Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev / Resp. ed. T.V. Denisova, O.A. Dimitrieva]. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. 2023. Pp. 185–192 (In Russian).
 9. Spirina A.A. Pseudonim kak rezul'tat samoidentifikatsii tvorcheskoi lichnosti [Pseudonym as a Result of Self-identification of a Creative Personality] in *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 17. № 1-2. 2015. Pp. 475–478 (In Russian).
 10. Stepovaya O.A. Imya sobstvennoe kak svernutyi tekst: k postanovke problemy [Own Name as a Folded Text: to Setting a Problem] in *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. № 4. 2014. Pp. 127–131 (In Russian).
 11. Sukhareva O.EH., Vasil'ev L.G., Vasil'eva M.L. Ritoricheskii aspekt situatsii rechevogo obshcheniya [Rhetorical Aspect of the Situation of Speech Communication] in *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series “History and Philology”]. Vol. 28. № 6. 2018. Pp. 906–912 (In Russian).
 12. Tkachuk E.A. Aspekty informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti shkol'nykh uchebnikov: legkost' chteniya i ponimaemost' [Aspects of Information and Psychological Security of School Textbooks: Readiness of Reading and Understanding] in *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* [Crede Experto: Transport, Society, Education, Language]. № 3. 2014. Pp. 144–152 (In Russian).
 13. Trembo Timur. YA – zdes': Sbornik stikhotvorenii. Izdatel'skie resheniya [I am Here: a Collection of Poems]. 2024. 42 p. (In Russian).

14. Chernigova I.V. Kommunikativnyi potentsial parateksta frantsuzskikh khudozhestvennykh proizvedenii XVI-XVII vekov (na materiale avtorskikh i izdatel'skikh predislovii) [The Communicative Potential of the Paratext of French Artistic Works of the 16-17th centuries (based on the Material and Publishing Preface)] : dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2006. Pp. 31 (In Russian).
15. Åström, F. (2014). The Context of Paratext: A Bibliometric Study of the Citation Contexts of Gérard Genette's Texts. In N. Desrochers, & D. Apollon (Eds.), *Examining Paratextual Theory and its Applications in Digital Culture* (pp. 1-23). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-6002-1>
16. Dubinsky, James M. Rhetorical Analysis: A Foundational Skill for PTC Teachers. In *Teaching Professional and Technical Communication: A Practicum in a Book*, edited by Tracy Bridgeford, 18–41. University Press of Colorado, 2018. URL: https://www.academia.edu/74891654/Rhetorical_Analysis_A_Foundational_Skill_for_PTC_Teachers.
17. Edwards, Richard, and Katherine Nicoll. 2001. "Researching the Rhetoric of Lifelong Learning." *Journal of Education Policy* 16 (2): 103–12.
18. Genette G. *Paratext: Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press [Text], 1997. 427 p.
19. Turner, Kathleen J. 2013. "The Glory of Rhetorical Analysis." In *Purpose, Practice, and Pedagogy*, edited by James A. Kuypers, 177– 91. Lanham, MD: Lexington Books.

УДК 811.161.1

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-65-73

ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В БАЛЛАДЕ В. СКОБЦОВА «ДОНБАСС ЗА НАМИ...»

Святобаченко Ирина Станиславовна
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка и общего языкознания
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова»
(г. Горловка, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация)
Svyata87@mail.ru

Аннотация. Вопрос самоидентификации личности через особенности её культурного кода актуален в наше время, когда существует тенденция к мультиполярному мировому порядку. В статье рассматриваются образы-символы произведения, ставшего неофициальным гимном Донбасса. В частности, анализируются их стилистическая экспликация и этимология. Обращается внимание на различные уровни архетипизации: от первоисточников в мировой культуре и христианстве до прецедентных феноменов регионального уровня.

Ключевые слова: символ, образ, образ-символ, стилистические средства и приёмы.

Svyatobachenko Irina Stanislavovna
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Russian Language and General
Linguistics Department
FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University»
(Gorlovka, RF)
Svyata87@mail.ru

Abstract. The problem of personality self-identification through the peculiarities of her cultural code is highly actual today when the tendency of a new multipolar world order is observed. In the research it is considered the symbol images of the text which has become a non-official hymn of Donbass. Particularly, their stylistic features of explication and etymology are analyzed. Special attention is paid to the levels of archetypisation: from the primary sources in the world culture and Christianity up to the precedent phenomena on a regional level.

Keywords: symbol, image, symbol image, stylistic means and devices.

Для цитирования: Святобаченко И.С. Образы-символы в балладе В. Скобцова «Донбасс за нами...» // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 70-79. DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-65-73

Песня «Донбасс за нами...» в исполнении М. Лисовиной и Н. Качуры стала неофициальным гимном Донбасса сразу же после своей премьеры в сентябре 2020 года, а с началом специальной военной операции она приобрела ещё большую глубину и стала звучать на просторах всей России. Однако не все знают, что изначально текст задумывался автором слов, В. Скобцовым, как баллада, ритм представлялся маршевым, а исполнителями должны были быть мужчины. Существует некоторая разница и в словах между изначальным вариантом, появившемся в 2015 году под названием «Баллада о Донбассе», и версией, известной сейчас.

В нашем исследовании мы опираемся на начальный текст произведения, опубликованный на сайте «Стихи.ру» [6]. В работе нами применены такие методы: контекстуальный анализ, дистрибутивный анализ, архетипический анализ, метод компонентного анализа; концептуальной основой послужили формально-грамматический, функциональный и коммуникативный подходы к рассмотрению образов-символов в изучаемом произведении.

Баллада полна образов-символов, которые позволяют в достаточно лаконичной форме передать обширный философский смысл, вступить в диалог с сознанием и подсознанием читателей / слушателей, поскольку декодирование информации, представленной таким образом, не только предполагает задействование памяти и воображения отдельной личности, но и апеллирует ко внутренним компонентам культурного кода народа, представителем которого эта личность является.

Цель нашего исследования – определить особенности реализации и функционирования образов-символов в произведении В. Скобцова «Донбасс за нами». Для достижения поставленной цели нами определены такие задачи:

1) рассмотреть особенности понятий «символ» и «образ» в литературоведении и лингвистике, обосновать употребление в нашем исследовании понятия «образ-символ»;

2) определить особенности образов-символов с точки зрения их кодирования и декодирования;

3) проанализировать систему образов-символов произведения «Донбасс за нами», определить их виды, исходя из особенностей архетипизации;

4) выявить, в составе каких стилистических средств и приёмов актуализируются образы-символы в исследуемом произведении.

Говоря о понятии символа, следует обратить внимание на некоторые различия его трактовки в литературоведении и языкознании. Так, в литературоведении символ «имеет не одно или несколько, а неисчерпаемое множество значений и обладает необыкновенной смысловой емкостью» [2]. Символ не является конкретной единицей с точки зрения содержания, его актуализация основана на определённых ассоциациях и эмоциональных реакциях. В то же время именно за счёт отсутствия конкретно выраженного смысла и становится возможной многогранность символа, его глубина и в значительной степени философская направленность. Таким образом, символ связан с идеей, понятием, представлением, однако эта связь часто обусловлена культурными и традиционными факторами и может различаться в восприятиях реципиентов информации. Кроме того, в литературоведении символ рассматривается как троп, основанный на замещении наименования «условным» его обозначением [7]. В этом смысле он схож с метафорой, однако, если при использовании метафоры вычленяются существенные общие признаки явлений и на их основании выполняется перенос номинации, то при задействовании символа объединяющие признаки функционируют каждый в своём смысловом поле, не интегрируясь в единый знак, имплицитно информируя, гораздо более широкую, нежели сообщаемую речевым знаком как таковым.

С позиции лингвистики символ может трактоваться в двух аспектах: в первом – формально-семиотическом, направленном на исследование связи формы выражения с тем абстрактным значением, которое за ним стоит на основе конвенциональной связи. Втором – формально-логическом, с точки зрения которого символ – это графический знак, включающийся в языковое описание [8]. В нашем исследовании мы придерживаемся формально-семиотического подхода: исходя из формы образа-символа мы анализируем то, каким абстрактным смыслом он наделяется в «Балладе о Донбассе», при этом обращая внимание на возможные появившиеся вторичные смыслы, обусловленные особенностями той действительности, к которой обращается

автор. Символ в лингвистическом его понимании соотносится с понятием сигнификата как некоего ментального отображения, представления об определённом явлении.

Обобщая литературоведческое и лингвистическое понимания символа, уместным будет обратиться к высказыванию Н. Д. Арутюновой: «Образ психологичен, метафора семантична, символ функционален, он призван объединить усилия общественных, племенных и национальных коллективов» [1, с. 338]. Таким образом, символ является аккумуляцией языкового, речевого и культурного опыта языкового сообщества, приобретая при этом конкретные проявления в виде различных образов.

Сопоставляя понятия образа и символа, можем заметить, что образ является отображением совокупности признаков, часть из которых могут быть второстепенными относительно понимания смысла определённого контекста, в то время как символ фокусирует внимание на том, что ценностно и важно, как бы укрупняя значимые компоненты картины мира, вынося их на передний план. В то же время неотъемлемыми характеристиками символа являются образность, метафоричность и обусловленность культурным кодом как адресанта сообщения, так и адресата.

Понимание образа в призме нашего исследования приближено к его трактовке в духовной сфере как идеальной формы отображения действительности в сознании человека, которое может быть репрезентировано на уровне чувств представлениями, ассоциациями, а на уровне мышления – понятиями, суждениями и умозаключениями. В то же время, исходя из специфики материала исследования, мы должны учитывать, что работаем, с одной стороны, с художественными образами как конкретными воплощениями понятий и смыслов, а с другой – опираемся на восприятие образа в балладе как языкового и речевого знака, учитывая его формально-грамматическую реализацию, стилистические характеристики и дистрибуцию.

По нашему мнению, именно понятие «образ-символ» всесторонне отображает природу исследуемого явления. Компонент «образ», с одной стороны, указывает на наличие материальной реализации некой идеи, представления. В этом понимании мы практически говорим о речевом образе, передающем информацию посредством речевых единиц. В то же время мы работаем не просто с речевым образом, а с художественным образом, который вступает во взаимодействие с текстовой канвой всего произведения (в нашем случае – баллады) и встраивается в художественную концепцию произведения.

Компонент «символ» в таком случае указывает на способ представления расширенной, имплицитной информации,

актуализация которой непосредственно связана с образом как основной вербализации и смыслами, которые могут возникать в сознании реципиента в зависимости от его фоновых знаний как языковой личности и как носителя культурного кода.

Говоря об образах-символах, можно выделить 3 их плана значения: прямое, переносное и символическое (мифологическое, архетипическое) [5]. Именно третье, символическое мы взяли за основу при работе с текстом баллады «Донбасс за нами». При этом рассматриваем как символы и некоторые аллюзии и фразы, ставшие знаковыми для народа Донбасса.

В исследуемом произведении мы выделили образы-символы на основании таких признаков: знаковость, иконичность, мотивированность, комплексность содержания, архетипичность, встроенность в культурный код.

Таким образом, в тексте нами выделено 3 группы образов-символов:

- образы-символы, связанные с библейской традицией и мировой культурой;
- образы-символы, связанные с народными верованиями и культурой, а также с памятью русского народа;
- образы-символы, связанные с региональными прецедентными феноменами.

Первая группа образов символов проявляется уже в начальной строфе произведения, построенной на противопоставлении добра и зла, светлого и тёмного начал, воплотившихся в образах-символах Зверя и Бога:

Проснулся Зверь в кромешной темноте
И Зверем Богу названа цена,
Прогнулись все – и братья во Христе,
Прогнулось всё, но не моя страна.

Согласно православной традиции имя нечисти называть нельзя, однако то, что Зверь написано с заглавной буквы, указывает на то, кто имеется в виду. В Книге откровений, в частности, Зверь упоминается как символ разрушения, зла и хаоса. В то же время интересной является трактовка этого образа-символа, ведь в Святом Писании говорится не только о том, что он предвестник апокалипсиса, но и о том, что он наделён невероятной властью; а некоторые учёные даже говорят о том, что он символизирует пробудившуюся агрессивную человеческую сущность. Показателем его власти является и то, что он стоит наравне с Богом (вернее, мнит себя таковым) как по смыслу, так и формально в строке, называя Богу цену. Таким образом, Зверь здесь может выступать не только антиципантом горя и разрушений, но и символизировать кровавую власть

и зверскую сущность личностей, подтолкнувших события к военным действиям в Донбассе.

Указание на то, что Зверем Богу названа цена говорит о значимости противостояния в Донбассе, о том, что здесь сражаются небо и преисподняя. Подтверждением того, что речь идёт именно о событиях земных, а не библейских, служит вторая часть строфы, где мы вновь встречаем образ-символ православной веры – Христа (братья во Христе), а затем и прямое упоминание своей страны.

Первая часть баллады построена на антитезе «Зверь – Бог», «те, кто сдался, кого считали братьями по вере – те, кто не «прогнулся», выстоял», выстроенной с помощью параллелизма конструкций.

Также образы-символы, относящиеся к библейской традиции, находим в строке Пусть суждено погибнуть на кресте. С одной стороны, непосредственно крест является символом всех тех испытаний и мучений, которым подвергся народ Донбасса, с другой – здесь есть отсылка к Иисусу Христу, который пожертвовал собой во имя других.

В тексте баллады находим и аллюзию-символ, связанную с культурой Античности. Так, дважды Донбасс описывается как тот, кто держит небосвод: 1) Стоит и держит небосвод в веках / Моя непокорённая страна; 2) В кровавом полюшке один за всех / Стоит и держит небосвод Донбасс. Из греческой мифологии нам известен такой образ: Атлант держал на себе небесный свод. С одной стороны, такой образ-символ, реализованный в балладе посредством перифразы, создаёт образ сильного, могучего, стойкого Донбасса, который противостоит тяжести борьбы. С другой стороны, в мифе говорится и о том, что Атлант держал не просто небосвод, а все знания и мудрость, потому и была так тяжела его ноша. Так и Донбасс: остался стоять, сохраняя в себе верность традициям, вечным ценностям, предкам и родной земле, сохраняя мудрость предыдущих поколений.

Следующая группа образов-символов достаточно разнородна: в их основу положены и прецедентные феномены русской истории, и народные верования и традиции, и фольклор, однако все они объединены картиной мира русского народа.

Образ-символ Богом оберегаемой и поддерживаемой страны создаётся, в частности, за счёт аллюзии известной фразы А. Суворова: «...Но мы русские! С нами Бог!», которая также стала символом борьбы русского народа. В тексте баллады эта фраза трансформируется и встречается в припеве в двух вариантах-хиазмах: в первой части припева – Донбасс за нами / И с нами Бог!; во второй части – Россия с нами / И с нами Бог!

При этом задействован приём градации: Донбасс – Россия, усиливающий экспрессию и при этом объединяющий названные компоненты в общей борьбе.

Влияние народных верований и культуры отображается в образе-символе: Был урожайным высокосный год... Високосный год издревле считался тяжёлым, поэтому автор и уделяет внимание этому факту, описывая сложность событий с помощью такого сочетания. Выразительности этой фразе добавляет включение её в оксюморон урожайный высокосный год, из которого можно сделать вывод, что год был «урожайным» на нехорошие события.

Кроме того, автор в балладе обращается к теме былин о богатырях – символах силы и духа русской земли, что проявляется в стилизации таких речевых единиц, как И снова сила русская в руках, / И жизнь, и смерть за Родину красна...; В кровавом полюшке один за всех... К тому же, компонент И жизнь, и смерть за Родину красна... содержит в себе антитезу «жизнь – смерть». Важно то, что эти два понятия формально находятся в одном ряду и имеют общий компонент красна. Таким образом, они будто уравниваются в ценности. Красна – фольклорный эпитет, который в этом контексте употребляется в традиционно-народном значении «почётна» [4]. В то же время в этих строках реализуется оксюморон смерть красна. Отметим, что этот оксюморон основан не на лексическом значении слов, входящих в его состав, а, скорее, на коннотативных оттенках и ассоциациях, связанных с ними. Смерть в славянской культуре связана с горем, скорбью, а слово «красна» характеризуется положительной коннотацией и ассоциируется с положительными эмоциями. Однако в предыдущем контексте произведения есть такие слова: И кровью смерть была пьяным-пьяна... В таком случае может актуализироваться и символизм красного цвета как цвета крови, а эпитет красна становится комплексным, включая и оценочный компонент коннотативной семантики, и цветовой символизм, что реализуется за счёт полисемантической этой лексемы.

Ещё одним смысловым массивом, ставшим символичным в контексте борьбы народа Донбасса и проведения специальной военной операции, является тема памяти и подвига народа в Великую Отечественную войну: Здесь памяти не предали отцов, / Здесь не отдали дедовской земли. В этом случае отцы и деды стали образами-символами борьбы и героизма. На символичность одного из образов, в частности, повлияла широко известная фраза: «Спасибо деду за Победу!».

Особым, значимым образом-символом, основанном на региональном прецедентном феномене, является отображение

стойкости жителей Донбасса во фразе: Но на колени не поставить нас. Здесь прослеживается прямая связь со строками П. Беспощадного: «Донбасс никто не ставил на колени / И никому поставить не дано!», ставшими девизом борьбы нашего народа ещё в 2014 году. В этом образе-символе – и стойкость духа, и воля к Победе, и вера в лучшее будущее для своего края.

Подводя итог, можем сказать, что образы-символы являются носителями многослойных национальных культурных кодов. Они помогают в лаконичной форме раскрыть глубинный философский смысл и создать гораздо более широкую художественную картину, чем та, что создаётся, при рассмотрении только языкового и речевого оформления текста. Использование образов-символов различных типов в балладе «Донбасс за нами...» В. Скобцова, которые актуализируются посредством различных стилистических и речевых средств и приёмов, позволяет задействовать значительное количество когнитивных структур в сознании реципиента и таким образом создать многомерный художественный мир, апеллирующий не только к ментальности, но и к чувствам и эмоциям людей. Кроме того, степень понимания и направление интерпретации этих образов-символов способствуют разграничению категорий «свой – чужой» на различных уровнях взаимодействия людей как речевых личностей и как носителей определённого культурного кода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов : электронная версия URL : <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/> (дата обращения : 10.12.2024)
3. Безрукова, В. С. Образ [Электронный ресурс] // Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога : электрон. версия Екатеринбург, 2000. URL :<http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-206-1.htm#zag-1482> (дата обращения : 16.12.2024).
4. Красный // Метасловарь // Грамота.ру – справочно-информационный портал о русском языке : электронная версия. URL :<https://gramota.ru/meta/krasnyy> (дата обращения : 20.12.2024).
5. Кулешова, О. В. Образы-символы художественного текста. Практика лингвокультурологического анализа (Сводный реферат) / О. В. Кулешова // Актуальные проблемы лингвокультурологии. 2011. С. 122 – 135.

6. Скобцов, В. Донбасс за нами. 2018. : электронная версия. URL : <https://stihi.ru/2018/05/18/6208> (дата обращения : 16.12.2024).
7. Харитонов, Е. Ю. Трактовка понятия «символ» в лингвистике // Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. 2014. № 1. С. 1–8. URL : <file:///C:/Users/svyat/Downloads/915-955-1-PB.pdf> (дата обращения : 15.12.2024).
8. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа / Е. В. Шелестюк // Вопросы языкознания. М. : «Наука», 1997. С. 125 – 143.
9. «Донбасс за нами». Как создавалась песня, ставшая негласным народным символом Донецка : электронная версия. URL : https://dzen.ru/a/ZvrLkvCYbhKH8_aa (дата обращения 14.12.2024).

REFERENCES

1. Arutjunova N. D. (1999). Jazyk i mir cheloveka [Language and human world]. Moscow : Jazyki russkoj kul'tury, 896 p. (In Russian).
2. Belokurova S. P. (2005). Slovar' literaturovedcheskich terminov [Dictionary of literary terms]. URL : <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/>. (In Russian).
3. Bezrukova V. S. (2000). Obraz [Image] in Osnovy duhovnoj kul'tury. Jenciklopedicheskij slovar' pedagoga [Fundamentals of spiritual culture. The Encyclopedic Dictionary of Pedagogy]. URL : <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-206-1.htm#zag-1482> (In Russian).
4. Hartonova E. Y. (2014). Traktovka ponjatija «simvol» v lingvistike [Interpretation of the concept of “symbol” in linguistics] in Elektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU» / www.evestnik-mgou.ru [Digital journal “Vestnik MSRU” / www.evestnik-mgou.ru]. № 1. Pp. 1 – 8. URL : <file:///C:/Users/svyat/Downloads/915-955-1-PB.pdf>. (In Russian).
5. Krasnyj [Red] in Metaslovar' [Meta-dictionary] on Gramota.ru – spravочно-informacionnyj portal o russkom jazyke [Gramota.ru – reference and information portal about the Russian language]. URL : <https://gramota.ru/meta/krasnyy>. (In Russian).
6. Kuleshova O. V. (2011). Obrazy-simvoly hudozhestvennogo teksta. Praktika lingvokul'turologicheskogo analiza (Svodnyj referat) [Symbol images of a literary text. The practice of linguistic and cultural analysis (Summary Reference)] in Aktual'nye problemy lingvokul'turologii [Actual problems of Linguoculturology]. Pp. 122–135 (In Russian).

7. Shelestjuk E. V. (1997). О lingvisticheskom issledovanii simvola [About the linguistic study of the symbol] in Voprosy jazykoznanija [Questions of linguistics]. Pp. 125–143 (In Russian).
8. Skobcov V. (2018). Donbass za nami [Donbass is behind us]. URL : <https://stihi.ru/2018/05/18/6208> (In Russian).
9. “Donbass za nami”. Kak sozdavalas’ pesnja, stavshaja neglasnym narodnym simbolom Donecka [“Donbass is behind us”. How the song that has become a non-official people’s Donetsk symbol was created]. URL : https://dzen.ru/a/ZvrLkvCYbhKH8_aa

УДК 81’42

ORCID: 0009-0007-5495-9400

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-74-84

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЭКСПЛИЦИТНО- ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соловцова Елена Валериевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры английской филологии
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Донецкий государственный
педагогический университет им. В. Шаталова»
(Горловка, Российская Федерация)
e-mail: elenasolovcova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу лексико-семантических групп перформативных глаголов, которые выступают ядерным компонентом прямых речевых актов экспрессивной интенции. Исследование проводится на материале русскоязычных газетных текстов. Актуальность работы обусловлена применением коммуникативно-прагматического подхода к описанию экспрессивных речевых актов, что позволяет определить механизмы успешного осуществления межличностной интеракции. Целью исследования является определение особенностей лексико-семантической репрезентации экспрессивных эксплицитно-перформативных высказываний. В работе применены индуктивный метод исследования лингвистических явлений, методы контекстуального и прагматического анализа языковых единиц, анализ словарных дефиниций. В ходе исследования определен компонентный

состав лексико-семантического поля глаголов экспрессивной интенции, выявлены особенности их функционирования в газетных текстах.

Ключевые слова: экспрессивные речевые акты, интенция, перформативный глагол, пропозиция, иллокутивная сила, предикат.

Solovtsova Elena Valerievna

Candidate of Philology

Associate Professor of the English Philology Department
of Federal State

Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov»
(Gorlovka, Russian Federation)
e-mail: elenasolovcova@yandex.ru

Abstract. The paper examines the lexical-semantic groups of performative verbs which function as core components of direct speech acts of expressive intention. The basis for the research is Russian-language newspaper texts. The expressive speech acts are analysed in terms of communicative and pragmatic approach which allows to define the mechanisms underlying successful interpersonal communication. This research aims to uncover the features of the lexical-semantic representation of explicit expressive performative utterances. General scientific and special philological methods have been applied in the paper, among them are contextual, pragmatic analyses, and the method of interpreting dictionary definitions. The components of the lexical and semantic field of expressive intention verbs and the peculiarities of their functioning in newspaper texts are distinguished.

Keywords: expressive speech acts, intention, performative verb, proposition, illocutionary force, predicate

Для цитирования: Соловцова Е. В. Экспрессивные эксплицитно-перформативные высказывания: лексико-семантический аспект // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 80-92. DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-74-84

Антропоцентрические тенденции современной лингвистики и стремление выявить максимально эффективные способы

воздействия на реципиента с целью достижения перлокутивного эффекта коммуникации определяют интерес современных лингвистических студий к коммуникативно-прагматическому аспекту функционирования языковых явлений. Особую значимость указанные векторы исследований приобретают в контексте анализа экспрессивных речевых актов, которые характеризуются важной социальной значимостью, состоящей в регулировании межличностных отношений участников коммуникации.

Изучение перформативных глаголов, выполняющих функцию структурно-семантических центров экспрессивных высказываний, и установление их роли в выражении коммуникативных интенций участников диалогической интеракции значимо для решения проблемы определения сущностных характеристик языковой личности. Исследование особенностей функционирования экспрессивных эксплицитно-перформативных высказываний в газетных текстах является актуальным ввиду присущей текстам данного типа специфики всестороннего отображения событий социальной действительности, а также свойственной газетной публицистике иллюкативности, которая сама по себе предполагает использование перформативных глаголов, в частности экспрессивной интенции, как средств осуществления воздействия на психологическое состояние читателей и достижение перлокутивного эффекта.

Таким образом, актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью комплексного описания особенностей функционирования эксплицитных средств вербализации экспрессивной перформативности в русскоязычных газетных текстах.

Перформативность как лингвопрагматическое явление реализуется в коммуникативном контексте перформативного высказывания. Ядро такого высказывания формирует перформативный предикат, который называет действие какого-либо речевого акта и эквивалентен воспроизведению этого действия в момент произнесения. Эксплицитной формой выражения перформативного предиката является перформативный глагол, то есть глагол, «для которого возможно применение формы 1-го лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога изъявительного наклонения, которое является равноценным однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия» [1, с. 202]. Перформативные глаголы и перформативные высказывания как функционально-семантические категории являются центральными понятиями теории речевых актов. Они выступают

объектом исследования отечественных (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, А. А. Романов, Ю. С. Степанов, И. П. Сусов и др.) и зарубежных (Э. Бенвенист, А. Вежбицкая, Д. Вундерлих, П. Грайс, Э. Кошмидер, Б. Фрейзер и др.) ученых.

Как отмечает Дж. Сёрль, иллокутивная цель экспрессивных речевых актов заключается в том, «чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определённого в рамках пропозиционального содержания» [5, с. 183].

Перформативные высказывания, эксплицирующие экспрессивную интенцию, выражают психологическое состояние говорящего, его чувства, этикетное поведение по отношению к слушающему, а также направлены на оказание эмоционального воздействия на реципиента. Как правило, экспрессивные речевые акты не предполагают обязательного перлокутивного эффекта. Прагматическая суть перформативных этикетных высказываний основывается на языковой и внеязыковой (невербальной) информации и определяется изменением отношений между говорящим и слушателем, которые обусловлены нормами и правилами коммуникативного поведения, характерными для конкретного языкового общества.

Частотность употребления экспрессивных перформативов в газетных текстах соответствует общей направленности газетного дискурса на воздействие на читателей: вызвать конкретные эмоции и настроить на положительную коммуникацию.

Объектом исследования являются высказывания экспрессивной интенции, содержащие в позиции предиката экспрессивные перформативные глаголы и глагольно-именные обороты.

Предмет исследования – лексико-семантические особенности экспрессивных перформативных глаголов.

Материал исследования составляют русскоязычные тексты печатных газет и электронных новостных изданий, отобранные из Национального корпуса русского языка.

Лексико-семантическое описание экспрессивных перформативных глаголов как маркеров эксплицитных перформативных высказываний экспрессивной интенции основывается на базовых классификационных критериях, предложенных Дж. Серлем [6] (связь интенции говорящего со значением высказывания и иллокутивным эффектом), Ю. Д. Апресяном [1] (лексико-грамматические особенности перформативных глаголов), а также опирается на таксономию, представленную в исследовании семантических и прагматических

параметров русскоязычных перформативных глаголов, автором которой является Е. А. Красина [3]. Главным семантическим критерием является анализ контекстуального употребления перформативного глагола, при этом тематические группы выделяются с учетом свойств перформативных высказываний: «конкретные типы речевых актов соотносятся с лексическим инвентарем перформативных глаголов» [7, с. 9].

Классификация перформативных глаголов экспрессивной интенции, представленная в работе, основана на характеристике эксплицитной номинации речевого акта через употребление перформативного глагола в классической перформативной форме. Коммуникативно-прагматический подход к изучению специфики функционирования перформативных глаголов в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка позволяет выделить две группы перформативных высказываний экспрессивной интенции: речевые ритуалы, структурно-семантическим центром которых выступает собственно экспрессивный перформативный глагол, и экспрессивные высказывания, перформативность которых реализуется окказиональными перформативными глаголами.

Разделяя мнение Н. Трофимовой относительно возможности выделения в рамках класса экспрессивных речевых актов социативов («речевые акты выражения признания говорящим слушающего как члена одной с говорящим социальной группы, выражаемого в определенных стандартных ситуациях» [9, с. 22]) и инфлуктивов («речевые акты выражения эмотивно-оценочного отношения и эмоционального воздействия, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение слушающим своих социальных и межличностных ролей» [9, с. 22–23]), акцентируем внимание, что класс социативов характеризуются эксплицитным оформлением иллокутивной цели, тогда как интенциональная составляющая инфлуктивов чаще всего выражена имплицитно.

Мы рассматриваем лишь те экспрессивные речевые акты, в которых иллокуция выражена эксплицитно с помощью перформативных глаголов. Эксплицитное перформативное высказывание «обладает и перформативным значением (создание перформативным предикатом перформативной ситуации) и перформативной функцией такого значения – воздействие на слушающего» [4, с. 123]. Семантические группы перформативных глаголов как средств выражения экспрессивной интенции выделяются с учетом возможности эксплицитной номинации речевого акта через употребление перформативного глагола в классической перформативной форме.

На основании анализа употребления в газетных текстах речевых ритуалов как экспрессивных перформативных высказываний выделяем следующие лексико-семантические группы перформативных глаголов и глагольно-именных оборотов:

1) перформативные глаголы и глагольно-именные обороты благодарности (благодарить, выражать благодарность/признательность, говорить спасибо): Я искренне благодарю всех коллег, что они отбросили разногласия и выступили единым фронтом [В Петербурге пишут закон о работе на удалёнке // Парламентская газета, 2020.08.07]; Дорогие коллеги, товарищи, друзья, благодарю вас за верность служебному долгу, смелость и самоотверженность [МЧС России исполнилось 30 лет // Известия, 2020.12.27]; Я закончила спортивную карьеру, и я выражаю благодарность всем людям, которые помогали мне развиваться в фигурном катании [Фигуристка Бетина Попова завершила карьеру // Vesti.ru, 14.02.2020]; Я выражаю признательность президенту Турецкой Республики господину Эрдогану за проявленную политическую волю и мужество [Завершено строительство морского участка «Турецкого потока» // Коммерсант, 19.11.2018]; И сегодня я говорю спасибо художникам, реставраторам и, конечно, меценату Грачье Погосяну, без которого ничего бы не было» [В Петербурге отреставрировали могилу юриста Кони // Парламентская газета, 2017.09.22]; От лица всей государственной власти благодарю вас за профессионализм, верность гражданскому долгу, выражаю признательность от имени жителей области [А. Невский. Андрей Епишин поблагодарил бригады «скорой помощи» за самоотверженность... // Комсомольская правда, 2010.09];

2) перформативные глаголы и глагольно-именные обороты извинения (извиняться, приносить извинения, просить прощения извинения): Приношу извинения перед теми, кого приглашал на инаугурацию – её завтра не будет [Губернатор Костромской области Ситников заразился коронавирусом // Ведомости, 2020.10.14]; Я приношу извинения российской команде и ее болельщикам за то, что не снял шлем во время исполнения гимна России [Капитан канадцев извинился за поведение во время гимна России на МЧМ // Известия, 29.12.2019]; Я прошу прощения за то, что нарушил правила, это было безответственно с моей стороны [Пойманный на ночной оргии депутат Европарламента оказался противником гей-браков // Lenta.ru, 01.12.2020]; Прошу прощения у каждого, кому пришлось нервничать и долго ждать [Губернатор Подмосковья рассказал о нехватке сотрудников скорой помощи // Известия, 27.04.2020].

В современных газетных текстах зафиксированы случаи употребления лексемы извиняйте как разговорного аналога извините: Продавец расслабился: «Извиняйте, молодые люди, а то за этой книгой одни нехристи приезжают. Ну, мусульмане с евреями [Д. Стешин. Исполнительный секретарь Межрелигиозного совета России Роман Силантьев: «Мусульмане обиделись на правду» // Комсомольская правда, 2005.12.12]; Дежурный виновато развел руками: «Извиняйте, хлопцы, сегодня тревоги не будет» [Ю. Снегирев. Как мы были оккупантами // Комсомольская правда, 2005.06.02]. В то же время извиняйте может употребляться для выражения иронии, отказа, несогласия или протеста в значении «ни в каком случае», «вовсе нет»: Тогда будут и деньги, и бурное развитие, и, если понадобится, натурализация спортсменов. Пока же – извиняйте, Владимир Салманович... [Д. Абаренов. Игры на вылет. В Лондон. Как нашим игрокам избежать провала гандболистов в олимпийском отборе // Советский спорт, 2012.01.26];

3) перформативные глаголы пожелания (желать): Пусть газ будет запущен, чтобы мы были ещё успешнее, желаю вам отличного здоровья и да здравствует сербско-русская дружба! [В Сербии запустили газопровод «Балканский поток» // Парламентская газета, 2021.01.01]; Всем автолюбителям желаю соблюдать безопасность и скоростной режим [Введение единых правил установки дорожных камер порадует автомобилистов, считает Певцов // Парламентская газета, 2021.12.17]; Дорогие выпускники, желаю вам уверенности в своих силах, удачи и реализации намеченных планов! [Матвиенко пожелала петербургским выпускникам ставить перед собой высокие цели // Парламентская газета, 2021.06.25];

4) перформативные глаголы поздравления (поздравлять): От всей души поздравляю тех, кто получил награды, и всем остальным хочу сообщить – ваш труд также непременно будет оценён по достоинству [Анна Попова: В центре «санитарного шита» – человек и его ожидания // Парламентская газета, 2021.08.30]; ... Я всех поздравляю с Новым годом, желаю здоровья, успехов и удачного нового 2021 года! [К всероссийской акции «Елка желаний» подключились депутаты Костромы // Vesti.ru, 30.12.2020]; Я вас всех поздравляю, живите счастливо, а мы будем вам помогать [В сибайском микрорайоне «Горный» открыли новый подростковый клуб «Ирандык» // Vesti.ru, 19.08.2020];

5) перформативные глаголы сожаления (соболезновать, сожалеть, сочувствовать): Искренне соболезную родным и близким Рафаэля Гегамовича, разделяю всю горечь утраты [Умер академик РАН Рафаэль Оганов // Известия, 2020.09.24]; Я

потрясён этим известием, глубоко соболезную семье и друзьям Юрия Михайловича [Ресин: Лужков смог сохранить строительный комплекс Москвы в переходные 90-е // Парламентская газета, 2019.12.10]; Искренне сожалею, что не смогу разделить Ваш праздник, вместе с тобой и любимыми мною людьми, подняв рюмку водки за Ваше будущее [Спецпредставитель президента Швыдкой поздравил «МК» со 100-летием // Московский комсомолец, 2019.12.12]; Я глубоко сожалею, что эти выборы были далеки от того, чтобы считаться свободными и справедливыми [В ПАСЕ прокомментировали ход выборов в Белоруссии // РИА Новости, 10.08.2020]; Я глубочайше сочувствую коллегам, я им доверяю [Концертам ограничивают площадки // Коммерсант, 02.12.2020]; Искренне сочувствую вашему горю и разделяю тяжесть невосполнимой утраты [Генерал Гареев поражал неиссякаемой энергией, заявил Шойгу // РИА Новости, 25.12.2019].

Как свидетельствует иллюстративный материал, большая часть перформативных глаголов сожаления употребляется с интенсификаторами искренне, глубоко (глубочайше), которые способствует увеличению иллюкутивной силы высказывания.

Следует также отметить, что коммуникативная интенция выражения пожелания, поздравления, сожаления часто эксплицируется не только высказываниями, соответствующими классической перформативной формуле, но также конструкциями (девербативными эквивалентами) тождественной семантики: Мои поздравления Дику Адвокату и всем его подопечным! [Ю. Комова. Георгий Ярцев: «Сборная России показала, что сильнее армянской сборной во всех аспектах» // Советский спорт, 2011.06.05]; Примите мои поздравления с Днём гражданской авиации [Мишустин поздравил работников гражданской авиации с профессиональным праздником // Парламентская газета, 2020.02.09] (эквивалентно Я поздравляю...); Искренние мои соболезнования друзьям и близким, коллегам, всем, кто его знал и любил [Безруков назвал Гафта великим человеком // РИА Новости, 12.12.2020]; Примите соболезнования в связи с многочисленными человеческими жертвами в результате взрыва в порту Бейрута [Володин выразил соболезнования в связи со взрывом в Бейруте // Парламентская газета, 2020.08.05] (эквивалентно Я соболезную...); Уважаемая Юлия Владимировна, примите сердечные поздравления по случаю Вашего Дня рождения, а также пожелания счастья, благополучия, крепкого здоровья, хорошего настроения и успехов в Вашей ответственной деятельности [М. Рябов. Путин поздравил Тимошенко с днем рождения: он благодарит за все, что было в Ялте // Новый регион 2, 2009.11.27] (эквивалентно Я поздравляю..., желаю...).

6) перформативные глаголы приветствия и прощания (приветствовать, прощаться): Приветствую вас на открытии кинофестиваля «Окно в Европу», который в этом году отмечает четвертьвековой юбилей [Медведев поприветствовал гостей и участников кинофестиваля «Окно в Европу» // РИА Новости, 2017.08.06]; Мы в выездной студии нашей Центральной избирательной комиссии, сейчас со мной рядом председатель ЦИК Элла Памфилова. Элла Александровна, еще раз вас приветствую [Памфилова обратилась к VIP-избирателям: на участках все равны // Vesti.ru, 25.06.2020]; Будем надеяться и болеть за наших, ну а я прощаюсь с вами, любите футбол! [Страшный Сон Акинфеева // lenta.ru, 27.09.2016]; Это наша «власть». Способная бороться только со своим народом. А мы все равно работали, работаем и будем работать. На всякий случай прощаюсь. Я видимо следующая показательная жертва. Готов. Жду. [В Петербурге силовики в ходе рейда по барам «избили дубинками девушек» // NEWSru.com, 2020.12.09];

7) перформативные глаголы признания (виниться, каяться, признаваться, сознаваться): Каюсь, я тоже принял участие в журналистском расследовании и вычислил документы и адреса этих идиотов [The Insider узнал настоящее имя полковника ГРУ, действующего под именем Руслана Боширова // NEWSru.com, 26.09.2018]; Признаюсь, что за последние четыре года я не так внимательно следил за Суперлигой, поэтому не знал многих игроков, которые подходили нам по бюджету [«В России много талантов, но не работает система их подготовки» // Известия, 06.12.2019]; Сознаюсь сразу: название этих заметок автор подглядел, а подзаголовок подслушал [Один сумасшедший напишет – другой сумасшедший прочтет // Новая газета, 02.03.2016].

Анализ иллюстративного материала дает основания утверждать, что в экспрессивных речевых актах перформативное значение могут приобретать глаголы, не включенные в ряд перформативных, однако функционирующие как окказиональные перформативные глаголы (кланяться, крестить, припадать, целовать и др.): Вызвала машину. Пока – целую... И уехала [Р. Мурашкина. Дочь Марины Голуб Анастасия: «К виновнику аварии Русакову я ненависти не испытываю...» // Комсомольская правда, 2013.10.09] (целую – прощаюсь); Но когда некоторые задавали вопрос, не является ли сам Иоанн Христом Избавителем, пришествие которого было предсказано, Иоанн всем отвечал: «Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви...[11 сентября // РИА Новости, 2007.09.11] (крещу – благословляю); Кланяюсь

Ирине Александровне, сохранившей музей, приветствую Марину, которая музей будет хранить [М. Кантор. Хранители // Известия, 2013.07.03] (кланяюсь – прощаюсь). Окаzionaliальные перформативные глаголы «обозначают физические действия, жесты, сопровождающие речевую деятельность» [8, с. 347].

В большей части проанализированных нами примеров перформативный глагол выступает маркером конкретного экспрессивного речевого акта, эксплицитно идентифицируя его иллокутивную цель. Однако нами также зафиксированы случаи одновременного употребления в рамках одного предложения нескольких перформативных глаголов, номинирующих экспрессивный речевой акт, но относящихся к различным лексико-семантическим группам: Я искренне сожалею и прошу прощения у суда, у правительства, у своей семьи за мои проступки [Защита Лисова назвала приговор, который вынесли россиянину в США, победой // РИА Новости, 21.11.2019]; Сожалею, что дал это интервью, и прошу прощения за то, что позволил себя использовать [Западные СМИ затравили советника Трампа за интервью RT // РИА Новости, 02.11.2020] (сожаление и извинение); Поздравляю всех победителей и выражаю благодарность за ваш вклад в экономику региона и её социальное развитие [Иркутская компания завоевала высшую награду конкурса «100 лучших товаров России» // Vesti.ru, 23.12.2020] (поздравление и благодарность); От души поздравляю с Днем Республики, всем желаю крепкого здоровья, успехов, удачи и благополучия [Башкортостан с размахом отметил День республики и День города Уфы // Vesti.ru, 12.10.2020] (поздравление и пожелание); Приветствую и поздравляю Вас с днем всенародного торжества – ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над империалистической Японией [«Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано» // Коммерсант, 05.09.2020] (приветствие и поздравление).

Полиинтенциональность в определенной степени детерминирована этикетными нормами и правилами речевого поведения [10, с. 42]. Согласно Т. Заграевской, при совершении экспрессивных речевых актов «от представителей определенных слоев социума ожидается соблюдение конвенциональных регламентированных норм речевого поведения, нарушение которых осуждается и не принимается обществом, что влечет за собой стереотипность большинства этикетных церемониальных речевых актов» [2, с. 240].

Экспрессивные эксплицитно-перформативные высказывания содержат в позиции предиката перформативный глагол в перформативном употреблении, который четко выражает

иллокуцию высказывания. Перформативный глагол в классической форме как ядерный компонент перформативного высказывания определяет принадлежность высказывания к классу экспрессивов, выступая маркером экспрессивной интенции. Лексико-семантические подгруппы интенционально-семантической группы экспрессивных перформативов выделяются с целью конкретизации интенционального смысла. Способность некоторых глаголов приобретать значение перформативности в рамках экспрессивного речевого акта позволяет квалифицировать эти глаголы как окказиональные перформативные. Перспективным представляется анализ экспрессивных речевых актов с учётом социолингвистических параметров, что позволило бы охарактеризовать влияние статусных особенностей участников коммуникации на выбор продуцентом высказывания средств экспликации конкретной разновидности экспрессивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – С. 199–218.
2. Заграевская Т. Б. Коммуникативное взаимодействие в экспрессивных речевых актах / Т. Б. Заграевская, А. Р. Кусов, С. М. Заграевская // Казанский лингвистический журнал. – 2023. – № 6 (2). – С. 236–245.
3. Красина, Е. А. Русские перформативы / Е. А. Красина. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1999. – 127 с.
4. Романов, А. А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Остина до наших дней / А. А. Романов, Л. А. Романова. – М. : Институт языкознания РАН, «АгросферА» Тверской ГСХА, 2009. – 156 с.
5. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.
6. Серль, Дж. Р. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Серль, Д. Вандервекен ; пер. с англ. А. Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. – М. : Прогресс, 1986. – С. 242–264.
7. Соловцова, Е. В. Директивные перформативные глаголы: лексико-семантические характеристики, морфолого-синтаксические особенности и эквивалентные способы выражения: на материале русскоязычных газетных текстов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 5.9.5. / Соловцова Елена Валериевна. – Горловка, 2023. – 24 с.

8. Соловцова, Е. В. Семантическое поле русских перформативных глаголов современного газетного дискурса / Е. В. Соловцова // Новейшая филология: проблемы и перспективы исследований : Сб. научных статей / Под ред. О. В. Золтнер. – Омск, Изд-во ОмГУ, 2019. – С. 344–348.
9. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография / Н. А. Трофимова. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008 – 376 с.
10. Формановская Н. И. К уточнению понятия экспрессивные речевые акты / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 1998. – № 4. – С. 40–45.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. (1995) *Performativny v grammatike i slovare* [Performatives in grammar and dictionary]. Selected writings. Moscow: School "Languages of Russian Culture" Publ. Vol. 2. Pp. 199–218 (In Russian).
2. Formanovskaya N. I. (1998) K utochneniyu ponyatiya ehkspressivnyye rechevye akty [To clarify the concept of expressive speech acts] in *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. № 4. Pp. 40–45 (In Russian).
3. Krasina E. A. (1999). *Russkie performativi* [Russian performatives]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publ. 127 p. (In Russian).
4. Romanov A. A. (2009) *Prityazhenie performativa. Ocherki po teorii performativnosti ot Dzh. Ostina do nashikh dnei* [Attraction of the performative: performativity theory from Austin to the present day]. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, «AgrosfeRA» Tverskoi GSKHA Publ. 156 p. (In Russian).
5. Searl John R. (1986) *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [A classification of illocutionary acts] in *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. 17. Speech act theory. Moscow: Progress Publ. Pp. 170–194 (In Russian).
6. Searl John R., Vanderveken D. (1986) *Osnovnye ponyatiya ischisleniya rechevykh aktov* [Basic concepts of the calculus of speech acts] in *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. 18. Moscow: Progress Publ. Pp. 242–264 (In Russian).
7. Solovtsova E. V. (2023) *Direktivnye performativnye glagoly: leksiko-semanticheskie kharakteristiki, morfologo-sintaksicheskie osobennosti i ehkvivalentnye sposoby vyrazheniya: na materiale russkoyazychnykh gazetnykh tekstov* [Directive performative verbs: lexical and semantic characteristics,

- morphological and syntactic features and equivalent ways of expression: based on Russian-language newspaper texts]: avtoref. dis. kand. filol. nauk: 5.9.5. Gorlovka 24 p. (In Russian).
8. Solovtsova E. V. (2019) Semanticheskoe pole russkikh performativnykh glagolov sovremennogo gazetnogo diskursa [Semantic field of Russian performative verbs in modern newspaper discourse] in Noveishaya filologiya: problemy i perspektivy issledovaniy [Modern Philology: results and prospects of research]. Collection of scientific papers. In O.V. Zoltner (Ed.). Omsk, OMSU Publ. Pp. 344–348 (In Russian).
 9. Trofimova N. A. (2008) Ehkspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz [Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic and grammatical analysis]. Monografiya. Saint Petersburg: VVM Publ. 376 p. (In Russian).
 10. Zagraevskaya T. B., Kusov A. R., Zagraevskaya S. M. (2023) Kommunikativnoe vzaimodeistvie v ehkspressivnykh rechevykh aktakh [Communicative interaction on expressive speech acts] in Kazanskii lingvisticheskii zhurnal [Kazan Linguistic Journal]. № 6 (2). Pp. 236–245 (In Russian).

УДК 81'36:811.133.1

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-74-84

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СУППЛЕТИВНЫХ ЕДИНИЦ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Фефелова Виктория Валентиновна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова»

(г. Горловка, РФ)

vief21@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о лингвистическом статусе супплетивных форм в современном французском языке; дефиниции терминов «супплетив», «супплетивизация», «супплетивная пара, семья, ряд», а также пути возникновения супплетивных форм. Описывается классификация супплетивных форм в синхроническом и диахроническом аспектах. Анализ нескольких лексических супплетивных пар и рядов свидетельствует о том, что супплетивизм во французском языке представляет собой языковое явление, которое отображает языковые процессы на нескольких уровнях: семантическом,

фонетическом, морфологическом, орфографическом, словообразовательном.

Ключевые слова: супплетивная пара, семья, ряд; синхронический и диахронический аспекты; общая сема.

Fefelova Victoria Valentinovna
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Romano-Germanic Philology
FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University
named after V. Shatalov»
(Gorlovka, RF)
vief21@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of the linguistic status of suppletive forms in modern French; definitions of the terms suppletive, suppletivization, suppletive pair, family, row, as well as the ways in which suppletive forms emerged. The classification of suppletive forms in synchronic and diachronic aspects is described. The analysis of several lexical suppletive pairs and series shows that suppletivism in French as a linguistic phenomenon that reflects linguistic processes at several levels: semantic, phonetic, morphological, spelling, and word-formation.

Keywords: suppletive pair, family, row; synchronic and diachronic aspects; common seme.

Для цитирования: Фефелова В.В. К вопросу о статусе супплетивных единиц во французском языке. // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 92-103. DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-74-84

Супплетивизм как нерегулярное языковое явление функционирует по закону языковой аналогии. Вопросу о лингвистическом статусе супплетивов посвящены работы Ю. Степанова, Г. Шугарда, Я. Вакернагеля, Б. Дельбрука, Г. Габлера, В. Вундтаидр. [3, с. 60]. В языковой системе функционируют явления, единицы, процессы, которым соответствуют термины «супплетивизм», «супплетив», «супплетивизация». Словарь французского языка Le Lexis даёт следующее определение супплетивным словоформам: «...формы, дополняющие отсутствующие словоформы нерегулярного или

неполного спряжения, ...алломорфы одной морфемы в разных корнях» [9, с. 1812].

Французский лингвистический словарь [8, с. 458] определяет явление супплетивности как: «Супплетивность – это появление разных алломорфов в одной морфеме, которая функционирует в разных корнях. Например, во французском глаголе *aller* существует три алломорфа: *all-* /ir-/ *v-*. Форма называется супплетивной, когда она может заменить отсутствующие формы парадигмы глагола или существительных».

Как правило языковые явления фиксируются в словарях постфактум, поэтому явление супплетивизма констатирует уже существующие формы в языке. Во французском языке супплетивные формы присущи многим частям речи: глаголам «*rouvoir – reux*», существительным «*oie – jars*», наречиям «*bien – mieux*», числительным «*un – premier*», местоимениям «*je – me*», предлогам «*del' – du*». Следовательно, супплетивизм – это образование определённых форм слова от разных основ согласно общему критерию: лексическому (общей семе) или грамматическому (категориальному).

Супплетив – это языковая единица лексико-фразеологического уровня, которая выражает нерегулярность словоформы. Супплетив функционирует в соотношении с другой супплетивной словоформой и образует пары, ряды, семьи супплетивов [4, с. 163]. Супплетивизация представляет собой процесс замещения или дополнения основы лексической единицы, соотносящейся с другой лексемой по лексическому или грамматическому значению. Супплетивная пара – это две словоформы, в которых наблюдается явление супплетивизма в синхронии или диахронии (*dormir – sommeil*). Супплетивный ряд – это набор словоформ, которые выступают супплетивными по отношению к ключевому слову. Ключевое слово определяется в диахронии по этимологическому признаку (*coeur – cordial – cordé*). Супплетивный ряд может возникнуть путём внутреннего перераспределения супплетивных форм, вследствие чего возникают вторичные супплетивные ряды.

Супплетивная семья – это набор производных словоформ с разными корнями, которые имеют общую семантику. Производные словоформы могут иметь отношения последовательной или перекрёстной супплетивности. Например, фр.: *taureau – vache – taurillon* / рус.: бык – корова – телёнок. Существительные мужского и женского рода образуют производное «детёныш». В этом случае слова состоят в отношениях перекрёстной супплетивности.

Феномен супплетивности во французском языке является продуктивным явлением, обладает своим понятийным аппаратом.

Процесс супплетивизации характеризуется объединением разных слов в одну систему, когда разнокорневые лексемы становятся формами одного «супплетивного образования» [3, с. 62]. Подобные супплетивные образования являются следствием предыдущего этапа языковой системы. В языкознании выделяются несколько путей возникновения супплетивных форм [2, с. 35].

1) Семантическое объединение двух и более слов, близких по значению, но различных по этимологии. Фр.: *bord – rîvage* / рус.: берег – край.

2) Замена части или одного из элементов одной парадигмы другою. Фр.: *homme – gens* / рус.: мужчина – люди.

3) Образование супплетивной формы вследствие фонетических изменений. Фр.: *oeil – ueil – yeux* / рус.: глаз – глаза.

На синхроничном срезе языкового развития супплетивы воспринимаются носителями языка как нерегулярный или нетипичный словообразовательный процесс. Поэтому подобные «нерегулярные» формы следует рассматривать в диахроническом аспекте. Важно соотносить словарный состав современного французского языка со старофранцузским, который, в свою очередь, граничил с латинским языком. Для понимания явления супплетивизма в языкознании нужно сопоставлять супплетивные формы одного грамматического ряда; супплетивные формы разных лексико-грамматических рядов; супплетивные формы разных исторических эпох одного языка, либо языковых форм разных языков.

Грамматический супплетивизм – это соотношение разных языковых единиц, составляющих микросистему одной лексемы [4, с. 170]. Например, фр.: *un – premier; brébis – belier; homme – femme; deux – second*. По морфологическому признаку различают: корневые супплетивные образования; корневые супплетивные формы, усложнённые детерминативами; корневые супплетивные формы, усложнённые флексией; мотивированные супплетивные образования.

А. А. Реформаторский писал, что супплетивные пары формируются разными способами. Первое, если из двух пар однокорневых систем исчезают неупотребляемые слова, образуется новая пара слов. Фр.: *oeil – ueil – ieus – yeuls – yeux*. Второе, вследствие фонетических изменений во французском языке возникает супплетивная пара. Фр.: *un – une* [6, с. 310].

Э. Бенвенист анализирует супплетивные словоформы с помощью семантической реконструкции. С позиции синхронии супплетивные формы характеризуются следующими признаками:

- категориальные признаки языковых подсистем;
- дифференциальные характеристики корреляции супплетивов;

- морфемный состав и графическое выражение;
- супплетивные формы в составе сложных форм и словосочетаний;
- особенности употребления супплетивов в синтаксических и семантических аспектах [1].

С точки зрения диахронии супплетивные словоформы подразделяются на:

- формы, которые в процессе употребления сближаются по смыслу в единую парадигму, но сохраняют разные формы. Фр.: aller – va – ira;
- формы с общей основой, в процессе исторического развития утратившие единообразную форму, но оставшиеся в одной семантической парадигме. Фр.: oeil – yeux;
- формы, претерпевшие изменения, но сохранившие этимологическую семантику. Фр.: bon – meilleur [7, с. 120].

Синтагматические отношения связывают элементы, которые участвуют в создании единиц более высокого уровня. Парадигматика – это отношения подобия, они связывают элементы, которые не могут соединяться, но которые могут взаимозаменять друг друга.

Лингвистике различают «исторический» и «заимствованный» супплетивизм [5, с. 254]. Этимологический супплетивизм заключается в том, что словоформа, вследствие фонетических изменений с течением времени, изменилась полностью. Фр.: deux – bi. Заимствованный супплетивизм наблюдается в разнокорневых словах, имеющих общую семантику. Фр.: raïe – couple. Исторические супплетивы – это разнокорневые образования в современном французском языке, способные выражать разные грамматические или лексико-грамматические значения. Фр.: oïe – jags – oïson. Исторические супплетивы претерпели различные языковые изменения, в первую очередь фонетические, вследствие чего корень деформировался и перестал восприниматься носителями языка как один и тот же. Фр.: s'asseoir – asseyez-vous, aller – va! В современном языке в этих группах разные корневые основы, поэтому это супплетивы.

История изучения супплетивов связана с вопросами сравнительно-исторического языкознания, главным заданием которого было изучение «порядка» и соотношений между «праязыком» и его ответвлениями. Следовательно, типология супплетивов находится в стадии разработки и является предметом анализа расхождения основ в лексико-словотворческих парадигмах. Для классификации супплетивных форм необходимо учитывать гетерогенность и гомогенность основ, а также автономность морфограмм.

Семантическая структура языковых единиц – двухплановая: реализуется в плане содержания и в плане выражения. Отличительные функции фонограмм и морфограмм по положению в слове и ритмогруппе, асимметрия плана выражения и плана содержания обеспечивают различительные характеристики орфограмм и функционирование явления супплетивизма во французском языке.

Супплетивные формы имен существительных возникают благодаря внутреннему соотношению между грамматической категорией числа (единственное/множественное) и грамматической категорией рода (мужской/ женский). К супплетивным словоформам можно отнести конструкции, образующие словосочетания, фразы, идиомы, фразеологизмы, которые реализуют характер супплетивных отношений на синтаксическом уровне.

Супплетивный ряд: фр. *canard, colvert, eider, milouin, mulard, pilet, souchet, tadorne* – представляет лексические супплетивы с различными корнями и общей семой фр. «canard» / рус. «селезень». В семантическом плане процитированные существительные отличаются оттенками, но эти лексемы не полные синонимы. Проанализируем семантические нюансы существительных этого супплетивного ряда.

1. Colvert (1611 г.) фр. «canardsauvage» / рус. «дикий селезень».
2. Eider (1755 г.) фр. «grand canard du Nord» / рус. «большой северный селезень».
3. Milouin (1760 г.) фр. «canard sauvage à plumage noir» / рус. «дикий селезень с черным оперением».
4. Souchet (1768 г.) фр. «canard suvage au bec noir» / рус. «дикий селезень с черным клювом».
5. Pilet (XX век) фр. «canard sauvage au long cou» / рус. «дикий селезень с длинной шеей».

Все перечисленные существительные в разные исторические эпохи обозначали дикого селезня с разными физическими особенностями. Эти слова сохранились как архаизмы в современном французском языке, поскольку социально-бытовые условия жизни общества изменились и эта лексика вышла из повседневного употребления.

Проанализируем орфографические особенности лексического супплетивного ряда с ключевой семой фр. «homme» рус. «персона мужского рода».

1. Французское слово «homme» включает афонограмму «h-», двойной согласный «mm» и ретроспективный гласный «-е».
2. Французское слово «garçon» включает субграфему «-ç-» и диграмму «-on».

3. Слово «gen» имеет дигramму «-en».

4. Слово «adulte» имеет немое окончание «-е».

5. Французское слово «vieux» включает триграмму «-ieu-» и окончание «-х».

Лексема «homme» известна с конца X века от латинского «hominem» – «быть человеком», характеризуется афонограммой «-h-» в начале слова, удвоенной согласной «-mm-», ретроспективным немым «-е», который выполняет функцию нивелирования назализации. В слове количество графических знаков больше чем фонетических звуков, что является проявлением асимметрии отношения буква/звук в синтагматическом плане. В диахронии параллельно существовало несколько лексем для обозначения человека мужского рода, в зависимости от стилистического регистра речи. Фр.: *garçon, mâle, masculin, vieillard, monsieur, bonhomme, garç, ceum, mec, type, puceau, époux, mari*. Все эти слова употребляются и имеют дополнительные семантические и стилистические оттенки. В научных текстах для обозначения человека в 1838 г. возник термин «anthropoïde» от которого образовалось много производных терминов. Например: *anthropologie – branche de l'éthnologie; anthropométrie – étude des proportions du corp humain; anthropomorphique – qui a une forme, une apparence humaine; anthropogénie – étude de l'origine et de l'évolution de l'espace humaine* [10, с. 30]. Некоторые словоформы с семой «человек мужского рода» находятся в отношении синонимии. Например, фр.: *homme – personne – individe*. Важно понимать механизм фиксации в языке супплетивов, которые возникают исторически в речи, графически оформляются и переходят в традиционное употребление с одной общей семой.

Речь идёт не о трансформации лексического значения слов, а о трансформации межсловесных отношений с разным планом выражения, которые пришли со старофранцузского языка и зафиксировались в сознании человека. Чтобы различать людей по возрасту, месту нахождения, роли в обществе в языке существуют слова, например, фр.: *adulte, jeune homme, marié, fiancé, mari, garçon, pays, confrère, mâle, homme* / рус.: взрослый человек, молодой человек, женатый человек, жених, муж, парень, мальчик, земляк, собрат, братишка, самец, мужчина. Такое количество лексем с разным семантическим окрасом основной семы «человек мужского рода» возникло в процессе эволюции языка в следствии патриархального уклада общества, в котором мужчины, на протяжении веков, играли важные социальные роли. Возникли отдельные словоформы для названия каждой социальной функции: *monpère – monvieux*.

Супплетивизм, как грамматическое явление, связан с ментальностью носителя языка. Система супплетивов – это

способ репрезентации языковых знаков, которые закрепляют когнитивное представление о действительности. Когда лексическое и грамматическое значения выражаются в одном слове, то такой способ словообразования синтетический. Например, фр.: *le plus beau, jeresonnaît* / рус.: наикрасивейший, узнаю. Во французском языке одной словоформой эти значения выразить невозможно.

Синтаксический способ (от греч. «объединение») выражения грамматических значений объединяет в одном слове несколько морфем (корневых, словотрансформирующих). Одним из синтетических способов выражения грамматических категорий является супплетивизм (от лат. «дополнить») – это объединение разнокорневых слов в одну грамматическую пару. Примером могут служить степени сравнения прилагательных и наречий: фр.: *bon – meilleur, mal – pis*.

Аналитический способ (от греч. «расчленение») предполагает раздельное выражение грамматических и лексических значений. Аналитизм проявляется в морфологической неизменности слова и в использовании служебных элементов, образующих с полнозначными лексическими единицами сложные (аналитические) грамматические формы.

Супплетивные формы возникали в разные исторические периоды развития языка вследствие семантического сближения некогда отдельных слов, а также вследствие утраты исконных словоформ и замены их заимствованными словами. Появление супплетивов поясняется также фонетическими изменениями в корневых лексемах. В языке происходит не только зарождение новых супплетивных словоформ, но и утрата разнокорневых средств выражения лексико-грамматических значений.

В результате дифференциации лексических и грамматических супплетивов можно наблюдать аналитические и синтетические черты в супплетивных парах и рядах. Например, в лексических супплетивах фр.: *mâle – homme, femme – femelle* присоединяется грамматическая категория рода. В грамматических супплетивах фр.: *beaucoup – plus, mal – pis* важную роль играет грамматическая категория степеней сравнения наречий.

В супплетивном ряду количественных и порядковых числительных фр.: *un – une – premier – première – deux – deuxième – second* параллельно сосуществуют аналитические и синтаксические словоформы.

Французскому языку свойственна тенденция замены супплетивных синтетических форм глагола, или существительного аналитическими конструкциями. Переход к аналитическому строю – это признак эволюции и упрощения

архаичных и супплетивных форм. Это также общая тенденция к выражению грамматических категорий средствами описательных конструкций.

Контекст предложения может изменять значение слова и влиять на план выражения. Супплетивные словоформы передают общее лексическое значение. В старофранцузском языке для обозначения категории женского рода имён существительных и прилагательных, трансформировали формы мужского рода, имеющих этимологическое написание от латинского или греческого языков. В процессе языкового развития появились новые эквиваленты существительных со значением женского рода. Происходило разделение плана содержания и плана выражения. Например, для обозначения одного вида животного мужского и женского рода использовались разные основы, а для обозначения детёныша этого же животного возникала ещё одна словоформа со сменными морфологическими компонентами структуры. Так возникли лексические супплетивные пары и ряды – слова, объединённые общим лексическим значением.

Проанализируем несколько лексико-грамматических супплетивов, которые объединились в пары в процессе феминизации. В большинстве случаев основой выступает слово мужского рода. Например, фр.: *mouton* «*mâlechatré*» – *mamnifèreruminantdomestiquepourfournirdelalaine, delaviandeetdulait* / рус.: баран, домашний травоядный самец, млекопитающее животное. Супплетивная пара фр.: *bélier* – *brebis*. Феминитив фр.: *brebis* имеет лексическое значение «*femelleadultedumouton*» / рус.: «овца, взрослая особь женского рода». Деминутив фр.: *agneau* / рус.: ягнёнок начал употребляться в XII веке с лексическим значением «детёныш овцы». К этому деминутиву добавили суффикс женского рода «-elle» *agnelle* для обозначения детёныша женского рода. Лексема фр.: *antenais* единственного числа мужского рода в 13 веке означала «овца в возрасте от 10 до 18 месяцев» вошла в обиход в результате необходимости обозначать именно этот период жизни домашнего животного. Мясо животного именно этого возраста употреблялось наиболее часто. То есть, социальная потребность повлияла на формирование языковой словоформы. Это же относится к лексемам фр.: *vacive* (1500 г.) «*brebis de deux ans qui n'a pas encore portée*».

Следовательно, супплетивный ряд состоит из семи основ фр.: *mouton* – *brebis* – *bélier* – *agneau* – *agnelle* – *antenais* – *vacive*. Все словоформы являются супплетивными одна по отношению к другой. Они образовались в диахронии с разными семантическими уточнениями / дополнениями и включают феминитивы и деминутивы.

В супплетивной паре лексем со значением «селезень» фр.: *canard* – *cané* / рус.: селезень – утка характер супплетивности двойственный. Этимологически эти лексемы происходят от разных латинских корней. Супплетивный ряд: *canard* – *cané* – *caneton* – *canardeau* – *canette* можно считать грамматическими супплетивами по категории рода и диминутивности. В современном французском языке эти лексемы имеют общий корень, но разные основы.

Супплетивная пара фр.: *jars* (XII в.) – *oie* (XIII в.). *Jars* – гусь, домашняя птица мужского рода; *oie* – особь женского рода, серая или белая гусыня. Лексема фр.: *oison* (1230 г.) образовалась от латинского *osson* «маленький гусь» и входит с предыдущими лексемами в супплетивную пару на основе диминутивных отношений.

Следующая супплетивная пара по категории рода фр.: *taureau* – *vache* / рус.: бык – корова. Лексема мужского рода пришла из латыни, фр.: *taureau* – *mammifèredomestique*, *mâledelavache* / рус.: бык – домашнее млекопитающее, самец коровы. Фр.: *vache* – *femelledutaureau* / корова – особь женского рода. Диминутив фр.: *taurillon* – детёныш быка и коровы. Все три слова состоят в отношениях супплетивности по категории феминитива и диминутива.

Процитированные примеры свидетельствуют, что супплетивизм – это языковое явление, которое отображает языковые процессы на нескольких уровнях: семантическом, фонетическом, морфологическом, орфографическом и словообразовательном.

Проанализированные лексико-грамматические пары супплетивов, состоящих в отношениях по грамматическим категориям рода и степени сравнения, сформировались в парадигматическом плане. Такое разнообразие наименований животных различного возраста возникло для удобства людей, употребляющих в пищу мясо этих животных. В старофранцузский и среднефранцузский периоды социально-бытовая речь обогащалась словоформами, которые состояли в синонимических отношениях и отображали процесс супплетивизации.

Орфографические особенности супплетивов во французском языке наблюдаются в описании орфограмм и предстают как языковая норма. Изучение элементов орфографии супплетивов помогает различать лексические и грамматические супплетивы.

Анализ супплетивных семей показывает, что в языке параллельно функционируют словоформы, отображающие этимологический, морфологический, традиционно-исторический принципы орфографии. Разнообразие фонограмм, диграмм,

триграмм в префиксах, основах и окончаниях свидетельствует о наличии широкого графического инвентаря современной французской орфографии. Многочисленные производные супплетивы в лексических семьях отображают интенсивное развитие языка в диахронии; семантика супплетивных словоформ имеет разнообразные оттенки.

Анализ лексических супплетивных рядов выявляет словоизменённые основы в парадигме. Общая сема объединяет супплетивные пары, ряды, семьи. Некоторые семьи образуют устойчивые выражения и идиомы французского языка.

Супплетивный способ словообразования является продуктивным во французском языке. Субстантивация – важный фактор образования пар лексических супплетивов по модели «V – N». Процесс супплетивизации обогащает французскую лексику и способствует обновлению застарелых форм. Цикличность супплетивных форм в диахронии и синхронии придаёт французскому языку аналитический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с 3-го франц. изд. / Т. В. Вентцель. Ред., вступительная статья и прим. Р. А. Будагова. М. : Изд. иностр. лит., 1955. 416 с.
2. Горбачевский А. А. К вопросу о путях возникновения супплетивных форм в славянских языках. Душанбе, 1967. 52 с.
3. Жукова Н. С. Явление супплетивизма и гетеронимии в морфологии глагола современного немецкого языка // Вестник ТГПУ. Серия : Гуманитарные науки (филология). 2006. № 4 (55). С. 58–65.
4. Немченко В. Н Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Филология. 2000. №1. С. 163–173.
5. Пальяк И. Л. О трактовке явления супплетивизма индоевропейских языков в последние два столетия, преимущественно в русской и немецкой лингвистике // Труды по русской и славянской филологии. Учен. записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 104. Тарту, 1961. С. 251–264.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Просвещение, 1967. 542 с.
7. Чинчлей Г. С. Внутриязыковая и межъязыковая паронимия // Функционально-семантический аспект языковых единиц разных уровней. Романо-германская филология. Кишинев, 1986. С. 3–11, 118–124.

8. Le Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. Jean Dubois, Mathée Giacomo, Louis Guespin, Christiane Marcallesi, Jean-Baptiste, Jean-Pierre Mevel. Paris : Larousse, 2012. 514 p.
9. Le Lexis. Le dictionnaire érudit de la langue française. Grands Dictionnaires. Paris : Larousse. 2014. 2110 p.
10. Le Robert de poche. Danièle Morvan, Françoise Gérardin, Aliette Lucot-Sarir. Paris : Dictionnaires de Robert, 1995. 904 p.

REFERENCES

1. Balli Sh. Obschchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka [General Linguistics and Issues of French]. Per. s 3-go franc. izd. / T. V. Ventcel'. Red., vstupitel'naya stat'ya i prim. R. A. Budagova. M. : Izd. inostr. lit., 1955. 416 p. (In Russian).
2. Gorbachevskij A. A. K voprosu o putyah vozniknoveniya suppletivnyh form v slavyanskikh yazykakh [To the Question of the Ways of the Emergence of Supplex Forms in Slavic Languages]. Dushanbe, 1967. 52 p. (In Russian).
3. Zhukova N. S. Yavlenie suppletivizma i geteronimii v morfologii glagola sovremennogo nemeckogo yazyka [The Phenomenon of Suppletion and Heteronymy in the Morphology of the Verb of Modern German] in Vestnik TGPU. Seriya : Gumanitarnye nauki (filologiya) [Bulletin of TSPU. Series: Humanities (Philology)]. 2006. № 4 (55). Pp. 58–65. (In Russian).
4. Nemchenko V. N. Suppletivizm kak grammaticheskoe yavlenie (ponyatie i terminy) [Suppletion as a Grammatical Phenomenon (Concept and Terms)] in Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya : Filologiya [Bulletin of the University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky. Series: Philology]. 2000. №1. Pp. 163–173. (In Russian).
5. Pal'yak I. L. O traktovke yavleniya suppletivizma indoevropejskikh yazykov v poslednie dva stoletiya, preimushchestvenno v russkoj i nemeckoj lingvistike [On the Interpretation of the Phenomenon of the Suppletion of Indo-European Languages in the Last Two Centuries, Mainly in Russian and German Linguistics] in Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Uchen. zapiski Tartuskogo gos. un-ta [Proceedings on Russian and Slavic Philology. Scientist]. Vyp. 104. Tartu, 1961. Pp. 251–264. (In Russian).
6. Reformatskij A. A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to Linguistics]. M. : Prosveshchenie, 1967. 542 p. (In Russian).
7. Chinchlej G. S. Vnutriyazykovaya i mezh'yazykovaya paronimiya [Intra-linguistic and Inter-sized Paronymy] in Funkcional'no-semanticheskij aspekt yazykovykh edinic raznykh urovnej. Romano-germanskaya filologiya [The Functional-semantic Aspect of Language Units of Different Levels.

- Romano-German Philology.]. Kishinev, 1986. Pp. 3–11, 118–124. (In Russian).
8. Le Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. Jean Dubois, Mathée Giacomo, Louis Guespin, Christiane Marcallesi, Jean-Baptiste, Jean-Pierre Mevel. Paris : Larousse, 2012. 514 p.
 9. Le Lexis. Le dictionnaire érudit de la langue française. Grands Dictionnaires. Paris : Larousse. 2014. 2110 p.
 10. Le Robert de poche. Danièle Morvan, Françoise Gérardin, Aliette Lucot-Sarir. Paris : Dictionnaires de Robert, 1995. 904 p.

УДК 811.161.1

ORCID 0009-0002-9077-9363

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-85-95

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ДОМА В ПРОЗЕ С. А. ЕСЕНИНА

Малахова Любава Владимировна
аспирант, ассистент кафедры русского языка
и общего языкознания
ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова»
(г. Горловка, РФ)
khoryakovalyubava@gmail.com

Аннотация. В статье описываются наименования предметов быта как средства вербализации образа дома в прозе С.А. Есенина (на материале повестей «Яр», «У белой воды», «Бобыль и Дружок»). Рассматриваемые вербальные знаки репрезентируют внутреннее пространство дома, а также выражают представления об организации этого пространства. Лексика быта включает номинации предметов домашнего обихода, внутренние элементы строения, наименования одежды, обуви и головных уборов. Анализируемые лексемы описываются с помощью прилагательных, называющих цвет, размер или материал предметов. Также автор отмечает, что существительные в прозе употребляются в предложно-падежных формах, выражающих пространственное значение, т.е. называющих расположение тех или иных объектов. Анализ описываемых языковых средств позволяет отнести рассматриваемые лексемы к средствам репрезентации образа дома.

Ключевые слова: лексика быта, образ дома, пространство, средства вербализации, лексема.

Malakhova Lyubava Vladimirovna
postgraduate student, assistant of FSBEI HE «Donetsk State
Pedagogical University named after V. Shatalov»
(Gorlovka, RF)
khoryakovalyubava@gmail.com

Abstract. The article describes the naming of household items as a means of verbalising the image of home in S.A. Yesenin's prose (on the material of the novels *Yar*, *By the White Water*, *The Beggar and the Friend*). The verbal signs, analyzed by the author, represent the inner space of the home and conception of its organisation. The lexicon of everyday life is divided into the names of household items, internal elements of the structure, names of clothes, shoes, and hats. The analysed lexemes are described with the help of adjectives indicating the colour, size, and material of the objects. The author also notes that nouns in prose are used in prepositional and case forms, expressing spatial meaning, i.e. naming the location of certain objects. The analysis of the described linguistic means allows us to refer the considered lexemes to the means of representation of the image of the house.

Keywords: household lexicon, image of home, locus, means of verbalisation, lexeme.

Для цитирования: Малахова Л.В. Наименования предметов быта как средство репрезентации образа дома в прозе С.А. Есенина // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 19(45). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 104-114. DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-85-95

Изучением лексики быта занимался ряд отечественных филологов. Так, В.Н. Прохорова рассматривала лексико-тематическую группу наименований быта. А.Л. Леонова описывала лингвокультурологическую специфику лексики быта. В.И. Невойт анализировал слова со значением быта в древнерусском языке.

Основной акцент исследователями ставился на значение слова *быт*. К.П. Смолина в своем исследовании подробно изучает семантическую структуру этой лексемы и определяет её значение. Существительное *быто* (в среднем роде – наиболее старая форма слова *быт*) относится к древнейшим словам русского языка, связанным с понятием имущества. В «Юридическом лексиконе»

Я.И. Гурлянда слово быто характеризуется как архаичное русское слово, которое обозначает «имущество, скарб» [1, с. 11]. Вербальный знак быт используется в значении «движимое имущество» [Там же]. Семантический состав этой лексемы включает четыре семы: 'материальные ценности', 'совокупность материальных ценностей', 'определенный тип имущества' и 'принадлежность' [10, с. 83].

В памятниках древнерусского языка XI–XII веков слово быт встречается редко. Этой лексеме нет ни в церковно-юридических текстах, ни в официальных деловых документах. Как утверждает К.П. Смолина, в различных работах начало семантического развития анализируемой лексической единицы связывается с XVIII веком, однако исследователь считает это утверждение недостаточно точным. В некоторых материалах XVI века существует более узкое значение данного слова [10, с. 86].

В сочетании с прилагательными, указывающими на местоположение и назначение отдельных предметов, слово быт обозначает группу вещей, используемых в обиходе. Так, к семам, формирующим значение движимого имущества, добавляется еще одна – 'конкретный обиход, в котором применяется это имущество'. Таким образом, слов быт непосредственно связано с обозначением определенного типа движимого имущества.

Г.Н. Лукина считает, что лексика, связанная с бытом, отражает материальную культуру общества. В ее работах выделяются несколько групп этой лексики, включая названия одежды, обуви, головных уборов, украшений, драгоценных камней, тканей, посуды и еды. Кроме того, исследователь отмечает, что к бытовой лексике можно отнести и определенные тематические группы, которые имеют схожие значения, такие как наименования частей тела, растений, животных, денег и др. [3, с. 246].

Некоторые группы слов, относящихся к наименованиям объектов материальной культуры, включают в себя в основном однозначные существительные (например, большинство названий обуви, головных уборов и одежды). Другие группы содержат многозначные слова (в их числе названия посуды, тканей, пищи и мехов). Так, слово соболь может означать как животное, так и мех, изделие из него. Ср.: «Соболь – 1. Пушной зверёк семейства куньих, с ценным мехом светло-коричневой или тёмно-бурой окраски. 2. Мех этого зверя» [9, с. 170].

С точки зрения стилистической окраски бытовая лексика представляет собой стилистически нейтральные слова, которые относятся к конкретным предметам. Тем не менее эти слова могут иметь эмоциональную окраску. Например, в диалектах можно встретить такие слова, как курень – изба, хата; скуфья – шапка; рушник – полотенце и др.

Рассматривая лексику русского языка с точки зрения сферы употребления, ученые разделяют ее на общенародную и на социальную или диалектную. Общенародная лексика, по словам Н.М. Шанского, образует ядро национального литературного языка и является важнейшим лексическим пластом для выражения мыслей. Именно на основе этих вербальных знаков осуществляется дальнейшее развитие и обогащение языка. Сюда ученые включают и бытовую лексику [11, с. 117].

Г.П. Князькова распределяла лексику быта на тематические группы. К ним относились слова, называющие кушания (сайка, коврижка и т.д.); наименования напитков, преимущественно хмельных (сбитень, бражка и т.д.); названия одежды, обуви и головных уборов (штаны, рубашка и т.д.); лексемы со значением «предметов домашнего обихода» (самовар, тарелка и т.д.); вербальные знаки, используемые для обозначения построек и их частей (дом, шалаш, каморка и т.д.).

Цель исследования – выявление и описание наименований предметов быта как средства вербализации образа дома в прозе С.А. Есенина. Материалом исследования послужили повести С.А. Есенина «Яр», «У белой воды», «Бобыль и Дружок». Методологическая база исследования основывается на описательном, сравнительно-историческом методе, методах анализа и синтеза.

Дом – это пространство, в котором живёт человек, символизирующее семейное благополучие и достаток, а также место проведения множества календарных и семейных обрядов. Он противопоставляется окружающему миру (свой – чужой), что делает его объектом различных магических обрядов, направленных на его защиту от отрицательных сил (двор). В фольклоре и мифологии дом ассоциируется с материнским лоном, очагом, печью и углом. Создание дома формирует среди славян отдельную группу обрядов, связанных со строительством. Главные из них приурочены к началу строительства и к окончанию этого процесса (деревце строительное), а также обряды, отмечающие переход семьи в новый дом (новоселье). Дом всегда тщательно оберегали и защищали от злых духов, которые могли нанести вред жителям дома и самому дому.

Домашнее пространство у русского народа можно разделить по диагонали на две зоны: левая часть, где находится печь (очаг), ассоциируется с женским пространством (Ср.: с бабьим кутом), тогда как правая сторона с красным углом соотносится с мужским. Красный угол имеет особое значение в организации пространства восточных славян, в нем располагаются иконы. Ему делают поклон при входе в дом.

Элементы, которые «закрывают» пространство дома, – крыша и стены. В то время как дверь и окна «открывают» его, связывая с внешним миром. Особое место занимает порог, через который происходит взаимодействие с «чужим» пространством.

Очаг и печь служат центральными элементами дома. Они символизируют как духовное, так и материальное единство семьи, являясь источником жизненной силы, что также перекликается с русским дымом и польским *ognisko*, интерпретируемым как «очаг, дом, жилище». В Сибири, когда сваты приходили в дом, они садились у печи «вдоль по полу», им запрещалось заходить за матицу (деревянная балка, расположенная в центре дома или избы) и обычно они находились недалеко от двери. В печи готовилась еда, на ней спали дети. Ср.: Утром, в Петровское заговенье, она истопила печь, насушила жаровню сухарей и связала их в холщовую сумочку [2, с. 60]. Печь воплощала как домашний уют и благополучие, так и символизировала мир потусторонний, она связывала мир живых и мертвых. На ней рождалась жизнь и заканчивалась. Ср.: Залез только он ранее срока **на печь и**, свесив голову, как последней тайны, ждал конца [2, с. 62].

К словам, обозначающим внутреннее убранство, относится лексема стол, так как она обозначает предмет мебели в виде широкой пластины на ножках. Стол – это особенно важный элемент домашней обстановки, он служит местом для выполнения главных семейных ритуалов. У восточных и западных славян наблюдаются различные формы высоких столов. В южных славянских народах традиционно использовался низкий круглый стол, который появился под влиянием турецкой культуры. Согласно данным из Северо-Западной России и Верхнего Поволжья, в середине XIX века столы не имели фиксированного места в жилище: их перемещали в зависимости от обстоятельств, а позиция стола в переднем углу хоть и фиксировалась, но не была основной. Стол располагался либо рядом с печью, либо по центру стены, либо в красном углу. Наиболее старым вариантом была установка у печи. С середины XIX века и до середины XX века предпочтение все больше отдавалось размещению стола в центральной части стены. У восточных и некоторых западных славян распространена такая организация пространства, при которой стол фиксировано находится в переднем углу, обращенном на юг или восток и расположенном по диагонали от печи.

Со столом связано множество свадебных и поминальных обрядов. А в обычные дни обход стола был недопустим, и все обязаны были покидать его с той стороны, с которой пришли.

Donetsk State Pedagogical University named after V. Khvatko (Donetsk, Russia) семейного объединения. Каждому члену семьи отводилось свое уникальное место за этим предметом мебели, что **Svyatobachanko Irina Stanislavovna** (Candidata of Philology Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI NPO «Donetsk State Pedagogical University named after V. Khvatko» (Donetsk, Russia)) жкой списками [2, с. 69] слово стол выражает когнитивный признак «предмет быта». В следующем примере Затуманенная память заставила ее встать, она зажгла лампу и начала шарить под столом, на печи и под печью, но везде было пусто [2, с. 155] используется предположно-падежная форма слова под столом, выражающая представление об организации пространства. Также в тексте С.А. Есенина используется дериват лексемы стол. Ср.: Вошел, снял картуз и уселся за **столик** [2, с. 49]. Выделенный вербальный знак включает суффикс *-ик-*, выражающий значение уменьшительности и когнитивный признак «предмет быта».

Также стол всегда накрывался скатертью. Она являлась как обыденным, так и ритуальным предметом в доме. Сама скатерть играла важную роль у славян в традиционной культуре застолья. Она символизировала трапезу, гостеприимство, плодородие. Например: Лимпиада расстелила **скатерть**, наколола крошечными кусочками сахар и поставила на стол самовар [2, с. 28]. В данном предложении описывается подготовка жилища к приходу хозяина.

В домах также присутствовали предметы трудового назначения, изготовленные из дерева. Например, в предложении Затыкала в стенку **веретена** свои, скомкала шерсть **на кудели** и привесила **с донцем** у бруса [2, с. 60] используются слова веретено и донце, обозначающие части прялки.

Лексема донце употребляется для номинирования специальной дощечки с рамкой, на которую садилась пряжа, вставляя в нее гребень или кудель. Также в данном предложении функционирует предположно-падежная форма существительного на кудели, обозначающая обработанные волокна льна для дальнейшего приготовления пряжи.

Существительное веретено имеет значение «ручное прядильное орудие в виде деревянной палочки с заостренными концами и утолщением посередине» [6, с. 150]. Веретено, олицетворяющее женские дела, занимает важное место в ритуалах и верованиях всех славянских народов. После рождения ребенка сербская женщина должна была сразу же взять этот предмет в руки и спрясть маленькую нить, чтобы ребенок вырос трудолюбивым, как само веретено. Однако был и запрет на его использование, что

связано с мотивами вращения и закручивания, а также с мотивом роста. У большинства славян существовали определенные дни, когда прядение не допускалось.

Помимо слов, обозначающих предметы, связанные с трудом, в тексте С.А. Есенина встречаются и другие лексемы, называющие предметы быта из дерева, такие как кровать, полати, лавка. Слово кровать обозначает предмет домашней обстановки, а именно: длинную раму на ножках, предназначенную для сна. Раньше считалось, что кровать изножьем должна быть повернута к печи, чтобы ноги оставались в тепле. Ср.: Но ночью, когда она легла в мокрой рубашке **на кровать**, тело ее снова почувствовало тепло, и снова защемило под оголенными коленями [2, с. 148]. Также существует поверье, что нельзя здоровому человеку лежать на кровати ногами к двери.

Лексема полати является полисемантом, однако мы рассматриваем только его первое значение – «настил из досок для сна, устраиваемый в избе под потолок между печью и стеной» [8, с. 255]. Считалось, что именно этот настил был одним из самых комфортных и теплых мест для сна в доме, что было важно в холодное время года. Ср.: **За печурками** фенькал сверчок, а **на полатях** дремал, поджав лапы калачиком, сивоухий кот [2, с. 24]. Помимо рассматриваемого существительного в предложном падеже на полатях, *в этом предложении используется производное печурка (от слова печь)*. Здесь оно употребляется также в предложно-падежной форме и во множественном числе. Слово печь обозначает предмет быта и репрезентирует образ дома.

Словом лавка называлась «в старом русском жилище и крестьянской избе широкая доска для сидения и лежания, укрепленная неподвижно вдоль стены» [7, с. 158]. Именно на лавках раньше спали жители дома. Ср.: – А он-то, – указала она на спящего **на лавке** писаря, – как же?.. [2, с. 118]. В русской избе можно было увидеть около десятка различных лавок. Каждая из них выполняла свои функции и занимала определенное место в помещении. Лавки использовали не только для сидения и лежания, но и как место для хранения различных вещей, которые можно было легко достать в нужный момент. Обычно их размещали вдоль стен, таким образом соединяя ключевые зоны избы – печной и красный углы. Каждая лавка имела свое уникальное назначение. Самая длинная из них предназначалась для женщин, которые на ней вышивали, вязали и шили, тогда как мужчинам было запрещено на ней сидеть. В то же время женщины не садились на короткие лавки, так как те были заняты мужчинами во время еды. Некоторые лавки вообще не использовались по своему прямому

назначению. Например, на пороге часто служила столон, который накрывали во время трапезы. Для мужчин существовала отдельная лавка с вырезанным на ней конем, предназначенная для мелких ремесленных работ, обычно имеющая форму ящика с откидной крышкой или дверцами.

К наименованиям предметов быта Г.П. Князькова относит и слова, обозначающие предметы домашнего обихода. В прозе С.А. Есенина зафиксированы нами следующие лексемы: самовар, чашка, блюдце, ложка.

Слово самовар обозначает «металлический сосуд для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углями» [9, с. 16]. Русский самовар занимает важное место в культурном наследии России и является одним из ее наиболее известных символов. Появление первых самоваров относится к 1730-м годам и связано с Уралом, где были разработаны ключевые технологические приемы работы с медными изделиями. Самовар представляет собой важный элемент многих русских обычаев и традиций, включая свадьбы, масленицу и рождественские праздники. Он украшает праздничные столы и символизирует семейное единство.

*Также данный предмет ассоциируется с теплом домашнего очага и радушием, характерным для русского гостеприимства. Процесс подачи чая из самовара считается проявлением заботы и внимания к гостям, что делает его неотъемлемой частью социализации и взаимодействия в кругу семьи и друзей. Ср.: **От самовара** повеяло смольными шишками, приятный запах расплылся, как ладан, и казалось, в избе только что отошла вечерня [2, с. 44]. В примере описывается атмосфера, царящая в доме, после приготовления чая в самоваре. В следующем примере лексема самовар употребляется вместе с прилагательным желтый, которое называет цвет самого предмета. Ср.: – Ставь, – крикнул Лимпиаде, указывая на прислоненный к окну **желтый самовар** [2, с. 43].*

Слово *блюдце* обозначает небольшую тарелочку, на которую ставят чашку или стакан. Стоит отметить, что на Руси существовала широко распространенная среди купцов привычка пить чай из блюдца. Она появилась благодаря самоварам. Заварочный чайник находился на самоваре, что приводило к тому, что сам чай оставался очень горячим. Учитывая такую температуру, наслаждаться напитком было сложно, но желание выпить его было велико, поэтому чай начали наливать в блюдца, в них напиток остывал быстрее. Этот способ потребления чая пользовался популярностью у всего народа. Ср.: *Самовар метнул на загнетку искрами. – Зорит ... – поднял **блюдце** Карев. – Вот*

сейчас на глухарей-то хорошо [2, с. 28]. В данном предложении слово *блюдце* выражает когнитивный признак «предмет быта» и вербализирует образ дома. В предложении *Когда Карев ступил на порог, он недовольно поглядел на него и, приподняв руками блюдечко, чуть-чуть кивнул головой* [2, с. 140] употребляется дериват слова *блюдце* *блюдечко*. Здесь используется суффикс *-ечк-* со значением уменьшительности.

Следующая лексема, называющая предмет домашнего обихода, *чашка*. Так, в примере *Чашка, разбившись, зазвенела осколками, и, свалившись на пол плашмя, Лимпиада забила, как в судороге* [2, с. 142–143] употребляется вербальный знак *чашка*, имеющий значение небольшого сосуда для питья округлой формы. Отметим, что называемый предмет был уничтожен в рассматриваемом тексте (словосочетание *зазвенеть осколками*). В следующем примере *Ползал, подымал осколки чашки и подносил к носу* [2, с. 144] также употребляется словосочетание *осколки чашки*, что указывает на остатки описываемого предмета.

В повестях С.А. Есенина встречается и слово *ложка*, также указывающее на предмет домашнего обихода и выражающее когнитивный признак «предмет быта». Сама лексема *ложка* имеет значение «один из предметов столового прибора для зачерпывания жидкой, полужидкой, рассыпчатой пищи» [7, с. 197]. Так, в предложении – *Ну, теперь садись с нами, – шумнул Карев. – Да выбирай зараня большую ложку* [2, с. 144] слово *ложка* описывается с помощью прилагательного *большая*, что обозначает размер анализируемого предмета.

Стоит отметить, что выбранные лексемы (*самовар, блюдо, ложка, чашка*) называют хозяйственную утварь для еды и питья и выражают когнитивный признак «предметы быта». Также они рассматриваются нами как репрезентанты образа дома в повестях С.А. Есенина.

Помимо ранее описываемых языковых единиц, к лексике быта Г.П. Князькова относит наименования одежды, обуви и головных уборов. В эту группу входят такие лексемы, как *рубашка, штаны, скуфья*, зафиксированные в художественных текстах С.А. Есенина.

Слово *рубашка* называет «мужскую одежду для верхней части тела, употребляемую как принадлежность белья или как верхнюю одежду» [8, с. 734]. Ср.: *На нем была белая рубашка, и черные плюшевые штаны широко спускались на лаковые голенища* [2]. В примере слово *рубашка* описывается с помощью прилагательного *белая*, номинирующего цвет изделия. Помимо данной лексемы, здесь рассматриваем и языковую единицу *штаны*, которая тоже обозначает одежду, состоящую из двух

штанин, закрывающих ноги. Анализируемое слово используется в сочетании с прилагательным *черные*, т.е. номинацией цвета предмета, и прилагательным *плюшевые*, обозначающим материал, из которого он сделан.

Также в тексте используется *рубаха*. В словаре оно имеет помету *разговорное*. Эта женская и мужская повседневная и праздничная одежда из различных материалов является ключевым элементом традиционной одежды. Она метонимически связана с человеческим телом и его кожей. В обрядах часто выступает в качестве двойника человека. Женская рубаша ассоциируется с материнской утробой и нередко связывается с судьбой человека [5, с. 485].

В повестях С.А. Есенина данная лексема часто описывается с помощью качественных прилагательных. Ср.: *Сидим, пьем чай, глядим – колымага подъехала, из колымаги вылез в синей рубахе мужик и, привязав лошадь, поздоровался с хозяйкой* [2, с. 49]. Номинация *рубаха* сочетается с прилагательным *синий*, нахывающим цвет описываемого предмета. В предложении – *Вот он, вот он! – кричал Кузька и, скинув портчонки, суматошно вытащил из узкой кумачной рубахи голову и прыгнул в воду* [2, с. 35] автор передает представление о предмете с помощью качественного прилагательного *узкий* и относительного прилагательного *кумачный*, также последнее слово является производным от *кумачовый*, т.е. сделанного из кумача (хлопчатобумажная ткань красного цвета). Отметим, что *кумачный* характерно для использования в разговорной речи (соответственная помета фиксируется в словарной статье).

Нижняя женская рубаша считалась интимной частью гардероба, и женщины стремились тщательно ее скрыть. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» указано, что в древности мужья никогда не видели женскую рубашу на протяжении всей жизни. Появление в одной лишь рубаше приравнялось к состоянию наготы. Ср.: *Лимпиада стирала рукавом рубахи грязь и, закрасневшись, качала ногами* [2, с. 120]. В предложении речь идет не о самой рубаше, а о ее части и возможном утилитарном назначении.

В текстах повестей С.А. Есенина встречается и слово *скуфья*. Оно является полисемантом. В первом значении имеет помету *церковное* и обозначает «остроконечную бархатную шапку у православного духовенства или монаха» [9, с. 126]. Во втором значении используется как разговорное для номинирования круглой шапочки [Там же]. Ср.: *И опять все, как было: на стене скуфья на гвоздике, у окошка на подставочке цветы доморощенные не поливаны* [2, с. 137]. В примере описывается

обстановка в доме и слово *скуфья* используется в сочетании с существительными в предложно-падежной форме с указанием места, т.е. называемый предмет выступает элементом интерьера внутреннего пространства дома.

Следовательно, лексика, называющая предметы быта, отражает материальную культуру общества и вербализирует образ дома. К ней мы относим названия предметов домашнего обихода (печь, стол, скатерть, самовар, чашка, блюдец, ложка), наименования предметов трудового назначения, изготовленных из дерева (веретено, донце), внутренние элементы строения из определенного материала (кровать, полати, лавка) и наименования одежды, обуви и головных уборов (рубашка, штаны, скуфья). Стоит отметить, что данные лексемы описываются с помощью прилагательных, называющих цвет, размер или материал предметов. Также существительные употребляются в предложно-падежных формах, выражая пространственное значение, т.е. называя расположение тех или иных объектов. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурлянд Я. И. Юридический лексикон, объясняющий термины и институты всех прав судопроизводства, судоустройства и нотариата. Одесса: Русская типография Исаковича, 1890. 121 с.
2. Есенин С. А., подготовка текста и коммент. Субботина С. И. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 5. Проза. М.: Наука-Голос, 2005. 560 с.
3. Лукина Г. Н. К семантической характеристике бытовой лексики древнерусского языка XI–XIV вв. Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 2016. С. 245–256.
4. Прохорова В. Н. Бытовая лексика в языке московских памятников второй половины XVII века. дис... канд. филол. наук. М., 1953. 209 с.
5. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 4 / общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения. 2009. 656 с. (Ин-т славяноведения РАН).
6. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 1 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., стер. М.: Полиграф-ресурсы, 1985. 696 с.
7. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 2 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., стер. М.: Полиграф-ресурсы, 1986. 736 с.

8. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 3 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Полиграф-ресурсы, 1987. 752 с.
9. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 4 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Полиграф-ресурсы, 1987. 800 с.
10. Смолина К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI – XVII вв. – М.: Наука, 2014. 204 с.
11. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Либроком, 2009. 312 с.

REFERENCES

1. Dictionary of the Russian language : in 4 vol. 1 / RAS, Institute of Linguistic Studies ; ed. by A. P. Evgenieva. 2nd ed., pers. Moscow: Polygraph-resources, 1985. 696 p.
2. Dictionary of the Russian language : in 4 vol. 2 / RAS, Institute of Linguistic Research ; ed. by A. P. Evgenieva. 2nd ed. Moscow: Polygraph-resources, 1986. 736 p.
3. Dictionary of the Russian language : in 4 vol. 3 / RAS, Institute of Linguistic Studies ; ed. by A. P. Evgenieva. 3rd ed. Moscow: Polygraph-resources, 1987. 752 p.
4. Dictionary of the Russian language : in 4 vol. 4 / RAS, Institute of Linguistic Studies ; ed. by A. P. Evgenieva. 3rd ed. Moscow: Polygraph-resources, 1987. 800 p.
5. Esenin S. A., text preparation and commentary. Subbotina S. I. Complete Works : in 7 volumes. T. 5. Prose. Moscow: Nauka-Golos, 2005. 560 p.
6. Gurlyand Ya. I. I. Legal lexicon, explaining terms and institutions of all rights of legal proceedings, court administration and notariat. Odessa: Russian printing house Isakovich, 1890. 121 p.
7. Lukina G. N. K semantic characteristic of the household lexicon of the Old Russian language XI-XIV cc. Studies on word formation and lexicology of the Old Russian language. Moscow: Nauka, 2016. P. 245-256.
8. Prokhorova V. N. Domestic lexicon in the language of Moscow monuments of the second half of the XVII century. diss.... Candidate of Philological Sciences. M., 1953. 209 p.
9. Shansky N. M. Lexicology of the Modern Russian Language. Moscow: Librocom, 2009. 312 p.
10. Slavic Antiquities : Ethnolinguistic Dictionary : in 5 vol. T. 4 / ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations. 2009. 656 p. (Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences).
11. Smolina K. P. Lexicon of the property sphere in the Russian language XI – XVII centuries. Moscow: Nauka, 2014. 204 p.

УДК 8

DOI 10.24412/1992-9196-2025-1945-96-102

ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Шумилина Елена Николаевна
учитель русского языка и литературы
Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Школа N 6 с углубленным изучением отдельных предметов
Ясиноватского муниципального округа»
Донецкой Народной Республики
(г. Ясиноватая, РФ)
eshumilina70@yandex.ru

Шумилина Е.Н. Переносные значения прилагательных в народных сказках

Язык сказок всегда богат выражениями, прилагательными в переносном значении, которые придают описаниям более интересный, яркий и выразительный колорит. Народ часто использовал метафоричность для изображения описаний природы и явлений. Наиболее употребляемыми средствами художественной выразительности прилагательных в народных сказках являются эпитеты и метафоры. Исследованные лексические средства и переносные значения прилагательных играют очень важную роль в стилистической системе сказок, способствуют раскрытию фантастических событий, глубокой характеристике персонажей этих произведений и полное погружение в сказку.

Ключевые слова: лексические средства, переносные значения, фольклор, тропы, разряды прилагательных.

Shumilina Elena Nikolaevna
teacher of Russian language and literature
SBEI «School No. 6 with an in-depth study of individual subjects
of the Yasinovatsky municipal district»
(Yasinovataya, RF)
eshumilina70@yandex.ru

Shumilina E.N. Figurative Meanings of Adjectives in Folk Tales

The language of fairy tales is always rich in expressions, adjectives in a figurative sense, which give descriptions a more interesting,

vivid, and expressive coloring. People often used metaphor to depict descriptions of nature and phenomena. The most commonly used means of artistic expression of adjectives in folk tales are epithets and metaphors. The studied lexical means and figurative meanings of adjectives play a very important role in the stylistic system of fairy tales, contribute to the disclosure of fantastic events, deep characterization of the heroes of these works and complete immersion in the fairy tale.

Keywords: lexical means, figurative meanings, folklore, figures of speech, categories of adjectives.

Устное народное творчество было и является древнейшей формой самовыражения человека. А сказки – неотъемлемая часть этого творчества, которые всегда интересны не только детям, но и взрослым. Лексика в них всегда играет очень важную роль в изображении различных событий и персонажей. Одним из весомых средств создания сказочного колорита является использование различных лексических средств – переносных значений прилагательных, способствующие лучшему и насыщенному воспроизведению событий. Исследуя лексику сказок, выяснили, какие же прилагательные используются в отдельных видах сказок для воспроизведения образов героев, описания событий, пейзажей, быта, что является актуальным для познания лексического и фразеологического богатства русского языка, понимания различных понятий, слов, выражений, терминов. Тропы из сказок, а именно переносные значения прилагательных в народных сказках целесообразно использовать на уроках литературы и русского языка при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ в виде тренажеров и лучшего понимания роли лексических средств, помогающие лучше осознать взаимосвязь содержания и формы художественного произведения.

Цель статьи: определить переносные значения прилагательных в составе тропов и фигур речи в описании событий и персонажей народных сказок, выявить их функции.

Каждый жанр сказки имеет свои особенности и свою специфику, особенно невозможно представить такое произведение без описания живописных событий, пейзажей и сказочных героев, поэтому в сказках встречается много прилагательных, как в прямом, так и в переносном значении.

Переносное значение – это одно из значений слова, возникшее вследствие переноса наименований одних явлений, предметов, действий, признаков на другие и закрепилось в нем как дополнительное.

Выражения с прилагательными в переносном значении делают язык сказок яркими и выразительным. Употребленные в переносном значении, придают сказке очарование, неповторимость, яркость и выделяют особенности стилистической системы.

Проведя комплексный анализ изобразительно-выразительных средств на материале русских народных сказок, установим специфику отбора и закономерности использования изобразительно-выразительных средств в разных видах сказок. Данный системный анализ изобразительно-выразительных средств позволяет уточнить имеющиеся в стилистике представления о понятии тропов и их функциях. Результаты исследования рекомендуется использовать в курсах стилистики русского языка, устного народного творчества, истории русской литературы XIX века, спецкурсах теории художественной прозы, а также при изучении изобразительно-выразительных средств языка в школьной практике при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ.

Переносное употребление слова, а именно прилагательных происходит в языке в виде тропов: метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, оксюморонов и других.

Язык сказок всегда богат выражениями и прилагательными, употребленными в переносном смысле. Это придает описаниям более яркий и красочный колорит.

Наши предположения о том, что в русских народных сказках широко используются изобразительно-выразительные средства, в частности тропы и фигуры, оправдались. Результат исследования и анализ материала подтверждает это предположение. Основными тропами в волшебной сказке являются эпитет (68%), сравнение (10%), гипербола (9%), метафора (5%), литота (4%) и олицетворение (3%). Та же номенклатура образных стилистических средств представлена в сказках о животных, но с несколько иным количественным соотношением: эпитет (70%), метафора (12%), гипербола (9%), олицетворение (5%) и сравнение (2%). В социально-бытовых сказках состав тропов менее представительен. Здесь ведущую функцию выполняют олицетворение (41%), эпитет (17%), гипербола (12%) и литота (9%).

Эпитет служит для индивидуального восприятия сказок, их эмоциональной окраски. В анализируемых сказках наиболее часто встречаются эпитеты, выраженные прилагательным - 75%, существительным – в 20 % случаев, глаголом – в 5% случаев. Т.о., в качестве эпитета преимущественно употребляются прилагательные в пейзажах и портретах. С помощью этого тропа сказка приобретает яркий, красочный колорит. Например: «...сыграли золотую свадьбу...» [3, с. 235], синее море [3, с. 229],

переводя свои второстепенные лексические значения на основе сходности с обычными обозначениями («золотое украшение»), («синий цвет»).

Кроме оригинальных эпитетов, в русских народных сказках появляются и постоянные эпитеты. Например: ясные зори [4, с.236], тихие воды [4, с. 236], золотое яйцо [5, с. 16], голубое море [5, с. 300], сияющие усы [5, с. 281], золотая грива [5, с. 282], красна девица, [5, с. 292], золотая яблоня [4, с. 305], золотые яблоки [4, с. 305], румяные пирожки [5, с. 76], ясный сокол [5, с. 153], добрый молодец [4, с. 267], чистое поле [4, с. 232].

Переносное значение прилагательных также находим в метафоре.

- по цвету: серебристая река [3, с. 296], красные девицы [5, с. 231], золотые волосы [5, с. 235], золотые руки [4, с. 294], золотая осень [5, с. 116], лето красное [3, с. 13], черная смерть [5, с. 224], золотая Луна [5, с. 235], синее море [5, с. 229], белые руки [5, с. 34], серая окружающая среда [3, с. 205], лазурные берега [3, с. 23], золотое яйцо [3, с. 16], голубое море [3, с. 207], сияющие усы [4, с. 203], золотая грива [4, с. 282], золотая яблоня [5, с. 305], золотые яблоки [5, с. 305] золотое зерно [4, с. 268];

- по форме: кружево ветвей [5, с. 300], паутина дорог [3, с. 277];

- по размеру: Море радости [3, с. 249], капля надежды [3, с. 297], волчий аппетит [3, с. 302];

- по месту: нос корабля [5, с. 286], крылья корабля [5, с. 286];

- по функции: Летучий корабль [3, с. 285], хрустальный дворец [3, с. 283], мертвая вода [3, с. 303], живая вода [3, с. 303], быстрая вода [4, с. 266], жемчужные слезы [4, с. 267], молодильные яблоки [4, с. 174];

- по ощущению осязания: шелковое золото [5, с. 101] шелковая трава [5, с. 213], шершавый голос [5, с. 266].

Также встречаем сравнение, которое является образным средством языка, и его функция сопоставления описываемых лиц, характеров, событий, картин с образами в тексте позволяет судить о мастерстве народа. Наибольшее количество сравнений выражены при помощи сравнительных оборотов.

В социально-бытовых или реалистических сказках употребляются следующие тропы и переносные значения прилагательных:

- 1) метафора: Море радости [3, с. 249], белые руки [5, с. 34], шелковая трава [5, с. 213], паутина дорог [3, с. 277], синее море [5, с. 229], золотые руки [6, с. 394], красна девица, [5, с. 292], лето красное [4, с. 113];

2) синекдоха: «Ой вы ножки мои! Где же вы только не ходили» [4, с. 248], работающие руки [5, с. 265], черная кофточка осмотрелась [5, с. 238], рыба в пруду [3, с. 77];

3) аллегорические сравнения: злой как волк, ленивый словно медведь, черепашня походка, хитрая как лиса, упрямый словно ишак, грязный как поросенок;

4) эпитеты: веселая тишина [5, с. 307], черные языки [3, с. 132], тихие воды [4, с. 136], сияющие усы [4, с. 103];

5) гипербола: море слез [5, с. 287], медленный как черепаха, мы не виделись уже сто лет, я говорил это тысячу раз;

6) оксюмороны: живой труп [5, с. 326], ужасно красивая [5, с. 336], нечеловеческая жизнь [5, с. 355].

Итак, в социально – бытовых сказках используются почти все типы переносных значений. Чаще употребляется метафора в составе описаний событий и людей.

В волшебных сказках описание всегда доминирует над диалогом, поскольку, в них много описывается фантастических образов, различные бои с силами зла, чуда, метаморфозы, приключения волшебных героев.

Переносные значения прилагательных придают таким сказкам большего колорита, яркости и магии.

Волшебные сказки имеют следующие переносные значения:

1) метафора: золотые волосы [5, с. 235], золотая осень [4, с. 116], черная смерть [5, с. 224], золотая Луна [5, с. 235], лазурные берега [3, с. 23], золотое яйцо [4, с. 203], голубое море [3, с. 307], золотая грива [5, с. 282], золотая яблоня [3, с. 305], золотые яблоки [3, с. 305], золотое зерно [3, с. 268], капля надежды [5, с. 297], волчий аппетит [4, с. 302], нос корабля [3, с. 286], крылья корабля [3, с. 286], жемчужные слезы [3, с. 267], молодильная вода [5, с. 174], шелковое золото [5, с. 301], летучий корабль [5, с. 285], хрустальный дворец [5, с. 283], шелковое государство [4, с. 119];

2) аллегория: робкий словно заяц [4, с. 252], Царевна-лягушка [3, с. 197];

3) эпитеты: ясные зори [4, с. 236], тихие воды [4, с. 236], золотая грива [5, с. 282], золотая яблоня [5, с. 305], золотые яблоки [5, с. 305], румяные пирожки [5, с. 76], веселая тишина [3, с. 267], черный язык [5, с. 332];

4) оксюморон: палящий холод, правдивая сказка, искусственный человек, звенящая тишина, печальная радость, веселая грусть, говорить молча, кричать своим молчанием;

5) гипербола: море слез [3, с. 287], медленный как черепаха, быстрый как молния, молниеносный, зубы как грабли [4, с. 298].

Таким образом, в волшебных сказках переносные значения

прилагательных играют важную роль в создании описания фантастических событий и героев. Наиболее употребляемыми в этом сказочном жанре – метафора и эпитет.

Как мы уже знаем, действующими лицами сказок о животных являются дикие и домашние животные, насекомые и птицы. В них конфликты отражают жизненные взаимоотношения людей, поэтому особых описаний этот жанр сказки не имеет, но в нем встречается немало прилагательных в переносных значениях.

Сказки о животных имеют следующие тропы:

1) метафора: золотое яйцо [5, с. 16], золотая осень [4, с. 26], кружево ветвей [4, с. 35], капля надежды [4, с. 27], быстрая вода [5, с. 66];

2) эпитеты: веселая тишина [5, с. 267], ясные зори [5, с. 236], голубое море [4, с. 307];

3) Оксюморон: правдивая сказка, звенящая тишина, печальная радость, веселая грусть, говорить молча, кричать своим молчанием.

Наиболее богатым на описание является жанр волшебных (героических, фантастических) сказок, больше всего там используются метафора и эпитеты и другие тропы, придающие волшебным сказкам фантастичность и волшебство.

Социально-бытовые же сказки используют все виды переносных значений, но немного, потому что этот вид без описаний, здесь преобладает диалог.

Меньше всего переносных значений в сказках о животных. Такие сказки имеют много нравоучений, а не описания.

Таким образом, наиболее часто используемыми тропами, в составе которых переносные значения прилагательных в русских народных сказках, являются метафора и эпитет. Все средства художественной выразительности играют очень важную роль в стилистической системе сказок, способствуют раскрытию фантастических и бытовых событий, глубокой характеристике персонажей этих произведений и полное погружение в сказку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис–Пресс, 2007. 448 с.
2. Горшков А. И. Русская словесность: От слова к словесности : Учеб. пособие для учащихся 10-11 классов школ, гимназий и лицеев гуманитар. направленности. М. : Просвещение, 1996. 336 с.
3. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частные классификации.

Терминологический словарь. Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. 940 с.

4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 5 томах. Т.1. М.: ТЕРРА- нижний клуб 2008. 320 с.
5. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 5 томах. Т.2. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 320 с.
6. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 5 томах. Т.3. М.: ТЕРРА- Книжный клуб, 2008. 304 с.
7. Словарь литературоведческих терминов. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М. : Просвещение, 1974. 509 с.

REFERENCES

11. Golub I. B. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]. M.: Ajris-Press, 2007. 448 p. (In Russian).
12. Gorshkov A. I. Russkaya slovesnost': Ot slova k slovesnosti: Ucheb. posobie dlya uchashchihsya 10-11 klassov shkol, gimnazij i liceev gumanit. napravlenosti [Russian literature: from word to literature]. M. : Prosveshchenie, 1996. 336 p. (In Russian).
13. Moskvina V. P. Vyzritel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury: Obshchaya i chastnye klassifikacii. Terminologicheskij slovar' [Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures: General and private classifications. Terminological dictionary.]. Rostov-na-Donu, : Feniks, 2007. 940 p. (In Russian).
14. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 5 tomah [Folk Russian tales A. N. Afanasyeva: In 5 volumes]. Vol.1. M.: TERRA-Knizhnyj klub, 2008. 320 p. (In Russian).
15. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 5 tomah [Folk Russian tales A. N. Afanasyeva: In 5 volumes]. Vol.2. M.: TERRA-Knizhnyj klub, 2008. 320 p. (In Russian).
16. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 5 tomah [Folk Russian tales A. N. Afanasyeva: In 5 volumes]. Vol.3. M.: TERRA- Knizhnyj klub, 2008. 304 p. (In Russian).
17. Slovar' literaturovedcheskih terminov. L. I. Timofeev, S.V. Turaev [Dictionary of literary terms by L. I. Timofeev, S.V. Turaev]. M. : Prosveshchenie, 1974. 509 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абраменко Екатерина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и МКК ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, РФ);

Дмитриева Юлия Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ);

Дьякова Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, РФ);

Луговская Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика);

Малахова Любава Владимировна – аспирант, ассистент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ);

Николаева Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и МКК ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, РФ);

Святобаченко Ирина Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ);

Соловцова Елена Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ);

Фефелова Виктория Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ);

Шумилина Елена Николаевна – учитель русского языка и литературы ГБОУ «Школа №6 с углубленным изучением отдельных предметов Ясиноватского муниципального округа» (г. Ясиноватая, РФ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abramenko Ekaterina Valeryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of FSBEI HE «Rostov State Economic University (RINH)» (Rostov-on-Don, Russia);

Dmitrieva Julia Leonidovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia);

Dyakova Tatyana Alekseevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines of FSBEI HE «Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky» (Lugansk, Russia);

Fefelova Viktoria Valentinovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Roman and Germanic Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia);

Lugovskaya Elena Grigoryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko (Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic);

Malakhova Lyubava Vladimirovna – Postgraduate Student, Assistant Lecturer of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia);

Nikolaeva Elena Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of FSBEI HE «Rostov State Economic University (RINH)» (Rostov-on-Don, Russia);

Shumilina Elena Nikolaevna – Teacher of the Russian Language and Literature of SBEI «School No. 6 with an In-Depth Study of Individual Subjects of the Yasinovataya municipal district» (Yasinovataya, Russia);

Solovtsova Elena Valerievna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the English Philology of FSBEI HE

СОДЕРЖАНИЕ

«ПУТЕШЕСТВИЕ СЛОВА ПО СЛОВАРЯМ» КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОВЕДЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКЦИИ «ГОВОРИ ПО-РУССКИ ПРАВИЛЬНО» Дмитриева Юлия Леонидовна.....	3
ОНОМАСТИКОН ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН Дьякова Татьяна Алексеевна	16
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) Абраменко Екатерина Валерьевна	32
ОПЫТ РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ПСЕВДОНИМА Луговская Елена Григорьевна	53
ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В БАЛЛАДЕ В. СКОБЦОВА «ДОНБАСС ЗА НАМИ...» Святобаченко Ирина Станиславовна	69
ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЭКСПЛИЦИТНО-ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Соловцова Елена Валерьевна.....	78
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СУППЛЕТИВНЫХ ЕДИНИЦ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ Фефелова Виктория Валентиновна	90
НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ДОМА В ПРОЗЕ С. А. ЕСЕНИНА Малахова Любава Владимировна	102
ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ Шумилина Елена Николаевна	114
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	121
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	123

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск семнадцатый (сорок пятый)
Языкознание

Главный редактор *С. А. Кочетова*
Технический редактор *Н. А. Сытник*
Компьютерная вёрстка и макетирование
Н. А. Сытник
Корректор *В. А. Вострецова*

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 27.06.2025.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл.-печ. л. – 14,35. Уч.-изд. л. – 16,05.
Усл.-изд. л. – 14,88.
Тираж 300 экз. Зак. № 447.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25